

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ТРАНСТИХООКЕАНСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ: ИЕРАРХИЯ СИЛЫ
И ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

**Ответственные редакторы
В.В. Михеев,
В.Г. Швыдко**

Москва
ИМЭМО РАН
2016

УДК 327(51)
ББК 66.4(55)
Тран 654

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:
доктор исторических наук, чл.-корр. РАН В.Л. Ларин
доктор политических наук А.Г. Савельев

Авторский коллектив:
акад. В.В. Михеев, к.э.н. О.Н. Борох, К.Р. Вода, О.В. Давыдов, д.и.н. Е.А. Канаев,
к.э.н. Е.Л. Леонтьева, д.и.н. А.В. Ломанов, к.э.н. С.А. Луконин, д.э.н. М.А. Потапов,
д.э.н. А.Н. Федоровский, к.э.н. В.Г. Швыдко

Ответственные редакторы:
акад. В.В. Михеев, к.э.н. В.Г. Швыдко

Тран 654

Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности / Отв.
ред. В. Михеева, В. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 129 с.

ISBN 978-5-9535-0484-3

DOI:10.20542/978-5-9535-0484-3

Монография посвящена анализу основных процессов и противоречий в тихоокеанском регионе в категориях силы и ответственности. Авторы предлагают рассматривать конфигурацию международных политических и экономических отношений в этом регионе с точки зрения сравнительной величины и иерархии сил основных государств-акторов. В качестве важного элемента общей картины описывается то, как сила крупнейших государств, а также их объединений находит отражение в их практических возможностях и осознается ими как фактор, влекущий за собой ответственность за состояние дел и стабильность в регионе. Названные явления рассматриваются в динамике, что позволяет прогнозировать их будущую эволюцию.

Transpacific Security: the Hierarchy of Power and Responsibility / Mikheev V., Shvydko V., eds. – Moscow, IMEMO, 2016. – 129 p.

ISBN 978-5-9535-0484-3

DOI:10.20542/978-5-9535-0484-3

The book analyzes major processes and contradictions in the Pacific region in terms of power and responsibility. The authors suggest considering the configuration of international political and economic relations in the region in terms of relative size and hierarchical order of power of major countries as international actors. The authors describe how the power of major nations and their associations is reflected in their practical opportunities and recognized them as a factor entailing responsibility for the situation and overall stability in the region. The above phenomena are viewed as constantly changing, which makes it possible to predict their future evolution.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0484-3

© ИМЭМО РАН, 2016

Оглавление

Введение	4
I. США: претензии на лидерство и поиск формулы ответственности	11
II. Япония: от груза ограничений прошлого к статусу полноправного международного игрока	29
III. Китай: растущее понимание глобальной роли и ответственности	48
IV. Республика Корея: в поиске нового статуса	82
V. АСЕАН: новые ресурсы и новая роль	96
VI. Новые многосторонние региональные интеграционные платформы: поиск подходов к коллективному лидерству.....	112
VII. Вместо заключения. Выводы	127

Введение

Сегодня на обширном пространстве, связанном воедино Тихим океаном и включающем в себя основные экономические, финансовые, политические и культурно-идеологические центры Азии, Америки и Океании, разворачиваются события, которые во многом определяют направления будущих глобальных процессов.

В сфере экономики здесь происходят крупные структурные сдвиги, сопровождающиеся изменениями в международном разделении труда; в сравнительной и абсолютной динамике роста различных национальных экономик и их объединений. Конфигурация точек роста и влияния становится более сложной и одновременно более гибкой и динамичной. На основе роста значимости инновационного сектора и его интернационализации формируется новая картина мирохозяйственных связей, в которой растет роль стран, до этого находившихся на периферии мировой экономики. Глобализация экономики сталкивается с серьезными препятствиями и происходит через ее регионализацию на основе локальных усилий по либерализации международной торговли и инвестиций, которые приводят к активизации и углублению усилий в рамках существующих региональных объединений и образованию новых. Постоянно происходит изменение их относительной эффективности и привлекательности, присоединение к ним новых членов или ассоциация в более крупные.

Одновременно происходят большие перемены в конфигурации политической силы и влияния отдельных стран региона, появляются новые акценты в их политическом взаимодействии, а также в формируемой этим взаимодействием картине регионального международного порядка. При этом последний становится более подвижным и полицентричным, лишаясь былой стабильности господствующих моделей и форм; более чутко реагирует на изменения относительного веса отдельных центров силы и влияния, а также на изменение господствующих в них политико-идеологических установок.

На фоне этих процессов изучение динамики развития и взаимного влияния отдельных стран и группировок в тихоокеанском

регионе становится все более важной составной частью анализа и прогнозирования происходящих здесь хозяйственных и политических процессов. Более того, оно создает предпосылки для формирования нового научного направления – изучения и теоретического обобщения особенностей регионального развития в условиях активной фазы глобализации.

Разработка этой темы обладает большой научной значимостью, создавая основу для изучения широкого круга более частных вопросов и проблем, связанных с экономикой и политикой отдельных стран региона, их взаимного влияния и практического взаимодействия.

Построение научно обоснованного прогноза изменений баланса сил и динамики интеграционных процессов на Транстихоокеанском пространстве имеет большое значение не только для приращения научного знания о современной мировой экономике и обществе, но и с точки зрения возможности использования полученных знаний в хозяйственной и социальной практике. Особую значимость ему придает и то обстоятельство, что в научном сообществе пока не предпринималось попыток комплексного прогнозирования изменений соотношения сил различных акторов в регионе с учетом идущих здесь интеграционных процессов.

Особенностью предлагаемой работы является то, что авторы решили подойти к анализу происходящих здесь изменений и их перспектив с особого угла зрения – через *категории силы и ответственности*.

Что побудило нас к этому авторский коллектив? Целый ряд обстоятельств и соображений. **Первое** из них – возрастающая *потребность этого пространства в ответственном поведении его лидеров*, или ответственном лидерстве.

Здесь мы исходим из разработанного ИМЭМО теоретического посыла о *иерархической и полицентричной структуре мира*. Иерархичность основана на различиях в стратегической мощи государств, от которой зависит их способность больше или меньше влиять на мировое и региональное развитие. Полицентричность отражает современную, более сложную, по сравнению с периодом глобальной биполярности, международную ситуацию, при которой в отдельных районах мира, а также при решении отдельных проблем средние и даже небольшие игроки могут превращаться в своего рода

«центры притяжения», которые консолидируют усилия других партнеров. Не случайно в последние годы в мировую политологию пришел термин «государства средней силы», примером чего являются такие страны, как Южная Корея, Мексика, Турция и т.п. Другой, значительно более старый, ставший традиционным пример – Швеция как «маленькая сверхдержава». При разработке Минских соглашений по Украине Беларусь взяла на себя роль регионального «центра притяжения».

В любом случае предметом особого внимания становятся категории силы государств в сопоставлении их ответственности за безопасность в том или ином районе мира.

Соотношение силы и ответственности представляется нам функцией от категорий морали и ценностей. Ответы на вопросы о том, что хорошо, что плохо, для кого – хорошо, для кого – плохо, так или иначе определяют, прямо или косвенно, любые принимаемые государствами политические решения.

Совпадение мировой или региональной иерархии силы с практической иерархией ответственности мы предлагаем рассматривать как идеальный вариант развития. На практике, однако, такого совпадения добиться пока не возможно. Выявление несоответствий иерархической структуры АТР по фактору силы и фактору ответственности и является *основной задачей* нашего исследования.

Что касается силовой иерархии, то здесь ситуация в регионе представляется более или менее понятной и устойчивой. А именно, мы имеем здесь следующую картину:

США – абсолютный мировой лидер, выполняющие эту роль и в региональном масштабе – на транстихоокеанском пространстве.

Китай и Япония занимают в АТР позиции крупных, хотя и уступающих США, субъектов экономической и военной мощи.

Южная Корея и Австралия – это представители «средней силы» в этом регионе.

АСЕАН в региональной политике не выступает в полной мере единой структурой – ее влияние больше осуществляется через политику отдельных стран – «внутриасеановских» лидеров (Индонезия, Вьетнам, Таиланд и т.д.).

Что же касается иерархии ответственности, то здесь ситуация выглядит значительно более сложной.

На наш взгляд, ключевыми здесь являются два очевидных вопроса. Во-первых, ответственность **перед кем** (миром, регионом, своей страной, самими собой и т.д.) имеется в виду, если речь идет о политических лидерах, от которых зависят решения проблем?

И во-вторых, ответственность **за что несут эти лидеры** – за безопасность, развитие, мир, демократию, социально-политическую стабильность и т.д.? Именно здесь мы выходим на **проблему ценностей**.

Авторы работы исходят из того, что система ценностей должна включать в себя такие понятия, как мир, развитие, рыночная демократия, совместная борьба с вызовами региональной безопасности, открытость и т.п.

Наш **исходный посыл** состоит во вполне очевидном, на наш взгляд, суждении: «иерархия силы определяет иерархию ответственности». Другими словами, большая сила предполагает большую меру ответственности, в том числе и за такое поведение, которое в трактовке лидера носит вполне правильный характер, но другими игроками оценивается как неверное.

Здесь мы должны заметить, что существует и иное, старое понимание «ответственности» – как доминирование на том или ином геополитическом пространстве. В этом понимании «зоны ответственности» каждой сильной страны, контролирующей часть мирового или регионального пространства, противостоят другой мировой силе, имеющей собственную зону доминирования – собственную «зону ответственности». Вторая мировая война и последующий период «холодной войны» продемонстрировали миру именно такое видение «ответственности».

Мы же в этой работе, подчеркнем еще раз, понимаем ответственность **в категориях обязательств, а не доминирования**.

Вторая причина нашего интереса к исследуемой теме – новый этап глобализации, на котором актуализируется проблема глобальных последствий национальной политики, особенно в случаях, когда речь идет о странах-лидерах. Очевидно, что лидер, в роли которого

выступает та или иная страна, не может не думать о глобальных последствиях своих поступков.

На новом этапе глобализации взаимозависимость экономик и интересов безопасности продолжает нарастать. Параллельно все большее число финансовых, энергетических, климатических и других проблем, как и проблем безопасности, переходит с национального на региональный и глобальный *уровни видения*, что делает объединение усилий стран не просто желательным, а необходимым условием их решения. Очевидно, что новый этап глобализации требует и нового прочтения национальных интересов и вариантов формулирования внешней политики, а именно: видения их с учетом фактора **ответственности** за мировое и региональное развитие. Существенным здесь представляется и то обстоятельство, что последствия политики лидеров любого масштаба через глобализационную взаимозависимость отражаются и на самом лидере.

Третья причина – это то обстоятельство, что актуализация проблемы ответственности в современных условиях является своего рода реакцией на *кризис современного миропорядка*. В мире с очевидностью слабеет политическое влияние консолидированного Запада, при том что привлекательность Запада как модели социально-экономического развития сохраняется в прежнем объеме. С этим связано, с одной стороны, желание отдельных государств предложить новые форматы лидерства Запада, а с другой – *отсутствие с любой стороны готовности выдвигать реальную альтернативную модель регионального и глобального порядка*.

В большинстве государств существует понимание того, что есть мировое «ядро» и есть мировая периферия. При этом потребности создавать альтернативный «ядру» центр гравитационного притяжения не ощущается, зато просматривается желание многих государств быть в этом «ядре». В таких условиях категория ответственности может стать тем понятием, которое поможет сгладить противоречия кризиса мирового порядка, кризиса системы глобального управления.

В АТР присутствует большинство игроков явно не желает принимать ни американоцентричную, ни китаеццентричную новую модель управления международным порядком на пространстве этого обширного региона. На этом фоне в последнее время Китай заметно активизирует усилия по конструированию параметров собственного

понимания ответственности. При нынешнем китайском лидере Си Цзиньпине в этой сфере происходят стратегически значимые изменения.

Еще не так давно Пекин всячески отбивался от попыток навязать ему какую-либо ответственность за глобальную или региональную безопасность. При нынешнем руководстве Китай явно меняет акценты в пользу создания нового образа Китая как государства, не чурающегося международной ответственности.

Начиная с 2014 г, вначале на уровне докладов и предложений научно-аналитических и исследовательских центров, а затем и на официальном уровне Китай начинает обозначать желаемые параметры своей настоящей и будущей ответственности. Пока ставка пока делается на интеллектуальную составляющую – привнести «китайскую мудрость», китайские исторические ценности в мировое интеллектуально-политическое пространство. Однако на практике Китай сталкивается с тем, что мало кто в мире понимает и принимает специфические «китайские ценности», к тому же выражаемые в малопонятной форме, например: «разбить четыре заблуждения», «внедрить двенадцать ценностей, из которых четыре являются ценностями государства, четыре – общества, четыре – индивида и т.п. Попытки вступить в полемику с Западом по поводу новой концепции мироустройства с использованием китайских традиционных формулировок выглядят сырыми и малоубедительными.

При этом четких противоречий с западными ценностями у Китая нет. Понимая неприятие миром идей коммунизма, *Китай вместо коммунизма обращается к своему историческому прошлому*. Важным аргументом Пекин считает тот факт, что по размерам ВВП он вышел на второе место в мире после США. Это позволяет Китаю не только быть уверенным в собственных ценностях, но и проявлять гибкость в их трактовках. Китай показывает, что он всеяден, что он верит в себя, что в нем присутствует «внутренняя гармония» и он готов искать контакт с любыми другими ценностями.

Однако на нынешнем этапе «ответственность» как политическая категория еще не стала ценностью в китайском внешнеполитическом поведении.

Четвертая причина – связь данного исследования с нашей предыдущей книгой – «Дисбалансы Транстихоокеанского

пространства», вышедшей в свет почти два года назад. В заключительных пассажах этой работы присутствовала такая фраза: «*Ключ к следующей теме: страны с большим стратегическим потенциалом ... имеют и больше возможностей влиять на развитие Транстихоокеанского пространства безопасности и сотрудничества, но одновременно несут и большую ответственность за будущее региона перед теми людьми, которые здесь живут и работают*».

Нынешней работой мы постарались в какой-то степени подхватить брошенный нами же призыв двухлетней давности.

Стержневую мысль нашего исследования можно сформулировать в следующем виде: сегодня наступило время формулировать национальные интересы и обеспечивающую их внешнюю политику в категориях не только силы (что я могу), но и ответственности за свои действия (что я должен и для чего, а что не должен и почему). Однако на практике государства далеко не всегда готовы сменить традиционные подходы к этому вопросу на новые, обозначенные выше.

Отсюда вытекает и содержание главной цели этой работы, состоящее в анализе внешней и внутренней политики стран рассматриваемого региона в категориях силы и ответственности, а также соотношения между ними. Побочной, но чрезвычайно важной задачей при этом является «проталкивание» в мировое интеллектуально-политическое пространство идеи необходимости нового видения национальных интересов – в категориях ответственности за свое международное поведение и за общемировое развитие.

I. США: претензии на лидерство и поиск формулы ответственности

По признанию практически всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Соединенные Штаты являются абсолютным военно-политическим и одним из финансово-экономических лидеров транстихоокеанского пространства. Исходя из посыла о соотношении факторов силы и ответственности, США, по определению, играют в регионе особую роль. Такое восприятие США свойственно и самим американцам, которые возлагают на себя функции главного игрока в поддержании региональной безопасности.

При этом в США существуют разные подходы к участию в региональных делах – от активного до изоляционистского. Однако, несмотря на концептуальные нюансы, в практической американской дипломатии традиционно доминирует активная позиция.

Вне зависимости от того, кто из американских политиков находится в Белом Доме, США всегда декларировали *ответственное и лидирующее* поведение своей страны в АТР. При этом они исходили из того, что именно США несут главную *ответственность* за безопасность и развитие этого региона, формулируя это свое понимание в виде *концепции ответственного лидерства*.

Инструментами реализации этой концепции, в представлении США, являются следующие элементы их практической политики в регионе. Во-первых, это военные альянсы США с Японией и Южной Кореей, а также с Австралией, Таиландом, Филиппинами. Во-вторых, это формирование архитектуры переговорных механизмов с Китаем. И в-третьих, это выстраивание новых экономических и политических форматов транстихоокеанского партнерства – использование существующих механизмов Восточноазиатского саммита, диалоговых каналов с АСЕАН и его лидерами, прежде всего с Вьетнамом, многосторонних переговоров по Северной Корее, подключение фактора Индии.

Эволюция подходов США к формированию политики безопасности на транстихоокеанском пространстве.

Позиционируя Соединенные Штаты в качестве глобальной державы, в Вашингтоне исходят из того, что страна несет ответственность за то, что происходит в каждом уголке планеты, и мера этой ответственности в долгосрочной перспективе едва ли будет уменьшаться.

Естественно, такой подход, как в прошлом, так и сейчас распространяется и на Азиатско-Тихоокеанский регион, однако вся тонкость проявлялась в расстановке иерархии приоритетов. США традиционно определяли наиболее значимыми для себя европейское и ближневосточное направления, в то время как для политики в АТР отводилось «почетное» третье место. В принципе американской стратегии в регионе традиционно было присуще использование дипломатических, экономических и военных инструментов, чтобы не допустить появления нового, помимо США, регионального «гегемона», который мог бы нанести ущерб интересам мировой сверхдержавы в таких вопросах, как наращивание торговли, поддержка демократии и обеспечение территориального «статус-кво». Однако за пределами этих целей политика США в АТР оставалась довольно статичной, что выражалось в отсутствии серьезного политического креатива и предпочтении наблюдать за развитием событий, нежели действовать на упреждение.

В американском понимании путь к сохранению и поддержанию лидерства США в АТР лежит через проецирование силы и поддержание военного присутствия в регионе и дополняющее его расширение зоны ответственности, причем не только в отношении своих союзников и партнеров, но и в отношении всех региональных игроков, заинтересованных в стабильном региональном порядке.

Любые изменения военного присутствия США в АТР способны вызвать большой резонанс в регионе. После окончания эпохи биполярного противостояния и распада СССР, когда США объявили о крупномасштабном сокращении вооруженных сил (с 2,17 до 1,6 млн чел.), в том числе и в АТР (со 134 до 100 тыс. чел.), в регионе в целом и среди американских союзников в частности активизировались дискуссии по поводу целесообразности сохранения в прежнем виде американского присутствия в АТР и системы альянсов, ввиду

исчезновения советской угрозы, которая считалась основной причиной этого.

Вместе с тем в середине – второй половине 1990-х годов в АТР появились новые источники напряженности: произошло обострение ситуации вокруг ядерной программы КНДР, возросла напряженность в Южно-Китайском море, произошла череда региональных конфликтов, расширился спектр нетрадиционных угроз безопасности. Сочетание этих вызовов было воспринято политическими элитами в Вашингтоне, а также во многих азиатских столицах в качестве достаточного основания для сохранения американского присутствия и системы альянсов. В концептуальных документах американской президентской администрации того времени появились утверждения, что «военное присутствие США в АТР гарантирует мир, безопасность, а также необходимые условия для экономического процветания региона. Оно поставляет “кислород”, необходимый для развития Азии». Администрация Б. Клинтона заявила о намерении сохранить систему военно-политических союзов, которые «выступают основой региональной стабильности и средством обеспечения их интересов».

В конце XX в. в АТР произошло обострение ситуации в области безопасности и сдвиги в области распространения ядерных и ракетных технологий: кризис в тайваньском проливе и ракетные пуски КНР в акватории Тайваня в 1996 году, запуск многоступенчатой ракеты большой дальности «Тэпходон-1», осуществлённый Северной Кореей в 1998 году (траектория полёта ракеты пролегла над территорией Японии), наконец, ядерные испытания Индии и Пакистана в 1998 году. Эти изменения потребовали от США активизировать свое участие в региональных делах и усилить свое присутствие. В конце 1990-х годов начинаются переговоры о поэтапном размещении на Японских островах системы противоракетной обороны (ПРО). Также были обновлены концептуальные основы японо-американского взаимодействия, расширившие зону ответственности сторон с обороны исключительно японских островов до районов, окружающих Японию, куда по неофициальной интерпретации подпадали чрезвычайные ситуации в зоне Тайваньского пролива.

В сфере экономической политики США в АТР наибольшее внимание администрация Б. Клинтона уделяла запуску и работе АТЭС. В 1999 году было подписано историческое, по оценке американских и китайских лидеров, торговое соглашение с Китаем; США поддержали

вступление Китая в ВТО. Вместе с тем действия США в период азиатского финансового кризиса 1997-1998 годов вызвали широкую критику во многих азиатских странах. Сейчас распространенным считается мнение, что неспособность США и возглавляемых ими глобальных финансовых организаций предложить действенные решения проблем, возникших в азиатских странах, стали одним из побудительных мотивов для наращивания процессов регионализма.

При администрации Джорджа Буша-мл. на политику США в АТР решающую роль оказали события 11 сентября 2001 года и развернувшаяся на десятилетие борьба с международным терроризмом. Многие азиатские страны выразили поддержку действиям США. Некоторые страны, такие как Австралия, Япония, Республика Корея, Филиппины, участвовали в возглавляемой США антитеррористической коалиции.

Что касается концептуальных подходов к политике в АТР, ключевые политические документы этого времени провозглашали принципы поддержания стабильности, свободы навигации, свободы торговли, продвижение демократии и прав человека в АТР.

При администрации Буша наблюдалось разделение подходов к Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Северо-Восточной Азии уделялось наибольшее внимание. Причиной этого стала, во-первых, периодически обострявшаяся ситуация на Корейском полуострове и участие США в шестисторонних переговорах, которые завершились в апреле 2009 года. Во-вторых, внимания требовали и азиатские союзники США.

В 2001-2005 гг., когда японское правительство возглавлял премьер Д. Коидзуми, имели место сближение и интенсификация военно-политического взаимодействия США и Японии: на вооружение были приняты первые системы ПРО наземного и морского базирования, был подписан ряд документов, расширивших области двустороннего взаимодействия.

Наконец, в Северо-Восточной Азии в этот период динамично рос и менялся Китай. Следует обратить внимание на подход к развитию американско-китайских отношений, предложенный в 2005 году заместителем госсекретаря Р. Золиком, который предложил побуждать Китай к тому, чтобы стать «ответственным заинтересованным участником» в системе международных отношений (responsible

stakeholder in international system). Золик считал, что США не следует применять в отношении Китая стратегию изоляции, и исходил из того, что Китай заинтересован в существующей системе, которая позволяет ему добиваться своих целей. Концепция «заинтересованного участника» вызвала тогда в Китае положительный отклик, в том числе у руководства страны, хотя заметного продолжения этот факт не имел.

Напротив, Юго-Восточная Азия не была приоритетным направлением для внешней политики США. Предпринималась попытка объявить ЮВА «вторым фронтом борьбы с терроризмом», однако это не привело к реальному наращиванию взаимодействия, будь то увеличение объемов помощи или усиление дипломатической активности США в этом субрегионе.

В сфере экономической политики администрацией Дж. Буша в АТР важное место отводилось развитию торгово-экономических отношений с Китаем и управлению ими. К концу президентства Дж. Буша Китай и США были вовлечены уже более чем в 30 диалогов. Среди них: американо-китайский диалог по экономическому развитию и реформам между госдепартаментом и госкомиссией КНР по развитию и реформам, саммит по безопасности потребительских товаров, диалог по энергетической политике, форум по глобальным проблемам, форум по здравоохранению и др. В 2006 году был запущен процесс стратегического экономического диалога, в рамках которого обсуждался весь комплекс торгово-экономических отношений между двумя странами.

На политику США в АТР в конце первого десятилетия XXI в. большое влияние оказал глобальный экономический кризис. Относительно более быстрое восстановление азиатских экономик после кризиса побудило американское правительство и бизнес-лидеров искать ключи к восстановлению американской экономики именно в Азии. В это же время правительство США столкнулось с бюджетными ограничениями, что усложняло задачу переформатирования ее международного присутствия.

«Перебалансирование»: основные направления

После прихода к власти администрации Барака Обамы в 2009 году США провозгласили лозунг «возвращение в Азию». В 2011 г.

было предложено еще несколько слоганов этой политики: «разворот в Азию» или «перебалансирование». Основанием для формулирования нового курса США в Азии послужила критика политики, проводимой администрацией Буша. По мнению идеологов политики «перебалансирования», при Буше США слишком много внимания уделяли делам на Ближнем Востоке и слишком мало – Азии, в результате чего возник риск утратить свое влияние в этом регионе, в котором, по словам тогдашнего заместителя госсекретаря Курта Кэмпбелла, «будет написана большая часть истории XXI века».

Тем временем в регионе значительно возросла военная активность Китая, который ведет себя все более самостоятельно и напористо в отстаивании своих растущих интересов. Это, в свою очередь, вызывает спрос со стороны многих азиатских союзников и партнеров США на более активное и стабилизирующее американское присутствие в регионе. Кроме того, усиление экономического влияния Китая в странах Юго-Восточной Азии, значимость этого региона как глобального транспортного хаба, побуждает США уделять внимание именно этому субрегиону, который в период Буша был незаслуженно забыт.

Хотя новый курс никогда не формулировался в виде целостной доктрины, доступной для публики, его ключевые базовые элементы неоднократно излагались публично как самим президентом, так и госсекретарем Х. Клинтон. В журнале «Foreign Policy magazine» в октябре 2011 года была опубликована ее статья, в которой отмечалось: по мере того как война в Ираке близится к завершению, а Америка приступает к выводу своих сил из Афганистана, Соединенные Штаты все более приближаются к точке разворота в проведении своего внешнеполитического курса. С этой формулировкой новая политика Вашингтона в АТР впервые получила свое определение.

Исходный посыл состоял в том, что США на протяжении многих лет уделяли недостаточное внимание Азии, фактически игнорируя происходившие в регионе процессы. В числе последних, в частности, выделялись быстро растущая мощь региона, повышение его веса в мировых экономических и политических делах, а с другой стороны – неопределенность дальнейших перспектив, наличие серьезных вызовов и конфликтных ситуаций. В частности, было заявлено о том, что поддержание статуса США как глобальной

державы требует одинаково активных усилий на трех основных направлениях: европейском, ближневосточном и тихоокеанском.

Согласно официальным оценкам, регион, переживающий сложную трансформацию в отсутствие адекватных международных механизмов, поддерживающих управляемость происходящих процессов, требует решительных действий со стороны Вашингтона, равно как и постоянного присутствия здесь американской мощи. При этом лидерство США, как полагали в Белом Доме, должно состоять в определении «правил игры» в политике и экономике, в выработке и поддержании приемлемой для сверхдержавы «системы управления» в АТР. Все это, по мнению американской политической элиты, требовало выработки новой азиатско-тихоокеанской стратегии, которая вобрала бы в себя полезные элементы предыдущей, но шла бы дальше в формулировании и определении способов реализации долгосрочных целей и задач региональной политики США.

По образному сравнению бывшего тогда заместителем госсекретаря К. Кэмпбелла, США на протяжении длительного периода играли роль «искусного садовника», который следил за тем, чтобы должным образом купировать опасное разрастание международных споров и противоречий между странами. В новую же эпоху Америка призвана стать «дирижером оркестра», который координировал бы растущие политические амбиции стран региона, а также действующих здесь многосторонних структур и организаций в рамках, очерченных внешнеполитическими интересами США.

Если суммировать высказывания и заявления должностных лиц администрации Б. Обамы по вопросу о новой американской стратегии в АТР, то ее можно свести к следующим основным моментам.

1. Укрепление альянсов со странами, связанными союзническими отношениями с США. Это, в частности, предполагало переход от системы «ступицы и спиц», когда каждый из союзников был замкнут исключительно на своего Вашингтонского «патрона», к более гибкой структуре, при которой все «друзья» США в АТР поддерживали бы в этом качестве взаимные отношения, при том что Вашингтон должен оставаться центральным узлом, к которому будут сходиться все нити. Одновременно ставка делалась на формирование и упрочение «узкоформатных», чаще трехсторонних механизмов, нацеленных на решение одной-двух конкретных задач в регионе.

Иными словами, в долгосрочной перспективе совокупность американских двусторонних альянсов в регионе мыслилась как своего рода тихоокеанское «кольцо», где все союзники США помимо связей со своим «патроном» по вертикали, поддерживали бы также «горизонтальные» связи друг с другом, образуя, таким образом, сетевую инфраструктуру безопасности при безусловном лидерстве Вашингтона в определении стратегии и конкретной деятельности такой группировки.

2. Наряду с этим Белый Дом в качестве важной задачи рассматривал возможность создания обширной системы партнерств с ключевыми и/или «близкими по духу» игроками в регионе под эгидой США. В этом ряду, как правило, упоминались такие страны, как Индия, Новая Зеландия, Тайвань, страны ЮВА и южной части тихоокеанского бассейна. Такие отношения, по оценке американских экспертов, должны были создать «второй пояс» для продвижения американских интересов в АТР.

3. Более четкое очерчивание контуров, в пределах которых США могли бы смириться с экономическим и политическим «возвышением» Китая. Такая практика была нацелена на сдерживание Пекина в тех областях, где это противоречило бы интересам Соединенных Штатов и, одновременно, на поиск и создание общей платформы для диалога с КНР там, где это сулило «бонусы» для американской политики в регионе.

4. В рамках новой региональной концепции о России не было сказано ничего. В Вашингтоне считали (и продолжают считать), что, несмотря на претензии Москвы получить статус тихоокеанской державы, включая импульсивные попытки договориться о создании некоей новой «архитектуры безопасности» в АТР, в реальности экономическое, военное и экономическое присутствие России в регионе столь мало, что с ним практически можно не считаться.

5. В плане собственных идей обеспечения безопасности в регионе авторы стратегии «разворота» в АТР несколько приглушенно вели речь о возможности формирования Азиатско-Тихоокеанского сообщества, однако конкретными соображениями и идеями данная концепция так и не обросла.

6. По экономической проблематике в Вашингтоне высказывались в пользу создания ориентированной в будущее, долгосрочной и открытой торговой системы, способной противостоять протекционизму, а с другой стороны – позволяющей спроецировать на

АТР принципы американской политики в области экономического сотрудничества, а также обеспечивающей лидерство США как главной торговой державы. При этом основной упор делался на подготовку соглашения о Транстихоокеанском партнерстве и заключение с избранными партнерами двусторонних соглашений о свободной торговле.

7. В новой доктрине были уточнены подходы США в области многосторонней дипломатии. Была сделана заявка на участие в работе уже созданных многосторонних институтов в регионе, чтобы при поддержке союзников и активных партнеров Вашингтона обеспечить их плавную эволюцию в направлении, отвечающем американским интересам. Подчеркивалось, что США всегда будут находиться за столом переговоров, где будет обсуждаться будущее азиатского региона, при том что американская сторона выступает в поддержку транстихоокеанских группировок, но не паназиатских структур.

8. Разворот в сторону АТР также предполагал диверсификацию и укрепление военного потенциала США в регионе. Со ссылкой на растущую конфликтность ставилась задача наращивания военного присутствия США, особенно в Северо-Восточной Азии и на южном направлении, а также расширения доступа в морские порты и военные базы дружественных стран азиатско-тихоокеанского бассейна.

9. Наряду с этим ставилась задача осторожного и аккуратного продвижения в регионе «американских ценностей», таких как либеральная демократия и права человека. В рамках этого курса основной акцент делался на усилиях по оказанию помощи государствам, переживающим переходный период, в деле укрепления внутренних демократических институтов, консолидации власти на демократической основе, развития гражданского общества. К этой работе, осуществляемой в соответствии с американскими правительственными программами, планировалось подключить также НПО и европейских партнеров США.

Вполне очевидно, что столь масштабная и насыщенная программа действий не могла быть рассчитана для реализации на период пребывания в Белом Доме администрации Б. Обамы. По сути, она давала «подсказку» его преемнику, в каком направлении следовало бы выстраивать внешнеполитическую стратегию в АТР с тем, чтобы США могли претендовать на роль лидера, берущего на себя

«персональную» ответственность в деле создания такой системы, которая способствовала бы безопасности, миру и стабильности в этом регионе – естественно, в том смысле, как это видится в Вашингтоне.

Практически предложенная программа также предполагала высокую степень преемственности по отношению к политике предшествующих администраций. В частности, были продолжены некоторые инициативы, начатые при администрации Буша. Так, произошла ратификация соглашения о свободной торговле с Республикой Корея, завершены переговоры о Транстихоокеанском партнерстве.

Эти инициативы были дополнены рядом новых. В литературе их принято разделять на три вида: дипломатические, экономические и военные.

Дипломатические. Практически сразу после прихода администрации Обамы к власти произошло наращивание дипломатической активности США в АТР: увеличилось число поездок в азиатские страны высокопоставленных членов администрации США, возросло их участие в региональных конференциях и форумах. Знаковыми событиями стали подписание Договора о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН в 2009 году, учреждение должности официального представителя США в АСЕАН в ранге посла, присоединение США к Восточноазиатскому саммиту (ВАС) в 2010 году и участие в нем президента Обамы, первая в истории поездка президента США в Мьянму и др.

В 2009 году был повышен статус американо-китайского диалога. Теперь основной формат стал называться «экономический и стратегический диалог» и включать в свою повестку, наряду с торгово-экономической проблематикой, и глобальные проблемы изменения климата, борьбы с терроризмом, ликвидации бедности, нераспространения ядерного оружия и др.

Экономические. Следует отметить ратификацию соглашения о свободной торговле с Республикой Корея, завершение переговоров о Транстихоокеанском партнерстве. В этот период США вдвое увеличили объемы помощи странам АТР (с 3 млрд долл. в 2008 г. до 6 млрд долл. в 2011 г.), причем эта помощь не была связана с войной в Афганистане, а шла странам Юго-Восточной Азии на гуманитарные и экономические цели. За время нахождения у власти администрации

Обамы произошел рост объемов торговли со странами АТР, увеличилась доля азиатских стран в американской торговле. Кроме того, вырос объем инвестиций США в АТР (почти на 200 млрд долл. с 2008 по 2011 гг.).

Военные инициативы, вероятно, привлекали наибольшее внимание наблюдателей. Среди них выделяется заявление министра обороны Картера о решении изменить баланс присутствия военно-морских сил США в мире, так что на АТР будет приходиться 60%, а также намерение одновременно разместить в регионе 6 авианосных групп. Практически в каждой азиатской стране, которая является союзником или партнером США, Пентагон поступательно выдвигал новые инициативы. Например, размещение 2500 морских пехотинцев в австралийском Дарвине, дислокацию 4-х кораблей прибрежной зоны в Сингапуре, подписание ряда знаковых документов в области военно-политического сотрудничества с Японией, Филиппинами, Таиландом и др.

Реакция на «перебалансирование»

Авторы и инициаторы программы разворота к Азии хорошо понимали, что данный курс может вызвать неприятие в ряде стран региона. Они с полным основанием могли бы предположить, что за громкими декларациями об особой ответственности США в регионе скрываются вполне прагматические цели – побороться за лидерство ради продвижения своих национальных интересов в этом районе мира и сдерживания потенциальных конкурентов, таких как Китай.

Оценки политики «разворота в Азию» сильно разнятся в зависимости от того, откуда они поступают. В азиатских странах-союзниках и партнерах США (Японии, Республике Корея, Филиппинах, Сингапуре, Индии) политика администрации Обамы была встречена, в целом, доброжелательно. Синдзо Абэ даже попытался дополнить американские инициативы собственными предложениями об укреплении военно-политического взаимодействия между странами, образующими «ромб безопасности» в АТР, а именно: между Японией, США, Индией и Австралией.

В части стран (в Австралии, Новой Зеландии, Вьетнаме, Таиланде, Индонезии) правящие элиты предпочли занять осторожную

позицию и стремились подчеркнуть в официальных заявлениях, что усиление военно-политического взаимодействия с США не имеет антикитайской направленности. Научные статьи и экспертные комментарии, выходявшие в этих странах, указывали на большое значение торгово-экономических отношений с Китаем для этих стран, призывали не испортить с ним отношения.

Что касается самого Китая, официальную реакцию на курс по «возвращению США в Азию», в целом, можно оценить как сдержанную и умеренную. Однако военные компоненты политики «перебалансирования» подвергались критике. В государственной печати, в выступлениях китайских военных и дипломатов на международных форумах и др. можно было встретить призывы к США «прекратить игру с нулевой суммой», «оставить мышление времен холодной войны». Высказывались опасения, что укрепление альянсов, наращивание военного присутствия США в АТР, задействование большого числа партнеров в военных учениях угрожает региональной стабильности. В экспертной литературе также присутствует взгляд, сводящийся к тому, что политика США способствует росту подозрительности между США и Китаем и подрывает взаимное доверие.

Широко представлено и более жесткое мнение, что политика США в АТР при Бараке Обаме способна привести к обострению региональных конфликтов, грозит расколом АСЕАН, и вынуждает Китай, который видит в американском курсе угрозу своим интересам, действовать еще более напористо.

С настороженностью новые моменты американской политики были встречены и в Москве, хотя это и не считали нужным замечать в Вашингтоне. Пожалуй, единственная тема, связанная с позицией России, которая несколько обеспокоила США, – это намерение Москвы использовать свой статус председателя рабочей группы по вопросам мира и безопасности в Северо-Восточной Азии в рамках шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове в целях создания в субрегионе соответствующего механизма, где Россия играла бы главную роль. С тем, чтобы «загасить» эти устремления в госдепартаменте активно поддерживали инициативу президента РК Пак Кын Хе «по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии». Последний раунд потенциальных участников данной структуры состоялся в октябре

2016 года в Вашингтоне, где был позиционирован как совместная американо-южнокорейская инициатива. Москве же при ее попытках оживить международный интерес к своим наработкам по СВА неизменно давался ответ в том плане, что ее предложения неактуальны ввиду фактического распада шестистороннего процесса.

Другая, еще более сложная проблема – неоднозначное отношение к политике «разворота» в сторону АТР в самих Соединенных Штатах. Скептики, которых немало как в политических, так и в экспертных кругах, упирают на то, что Америке будет не по силам проводить одинаково активную и эффективную политику сразу на трех театрах действий: европейском, ближневосточном, а теперь уже и на азиатско-тихоокеанском. Даже те, кто не вникает глубоко в смысл этого курса, указывают на опасность перенапряжения ресурсов и его обременительность для национального бюджета. С другой стороны, наиболее консервативная часть американской политической элиты придерживалась мнения, что великие державы не должны осуществлять развороты или иные «кульбиты» в своей внешнеполитической стратегии, поскольку их политика по определению носит фундаментальный характер.

«Разворот в Азию», с одной стороны, критикуется за преобладание и даже доминирование в нем военного компонента, который, по мнению некоторых комментаторов, неизбежно вызовет негативную реакцию Китая, и повлечет за собой дестабилизацию ситуации в области безопасности. С другой стороны, высказываются сомнения в серьезности намерений администрации США продолжать активное присутствие в Азии, в особенности после отставки главных идеологов политики «разворота в Азию»: госсекретаря Клинтон, ее заместителя Курта Кэмпбелла, советника по национальной безопасности Тома Донилона и др. Также скептики высказывают сомнения в финансовой состоятельности активной азиатской политики, учитывая огромный госдолг и неминуемое сокращение расходов на оборону.

Промежуточные итоги: успехи и неудачи

Спустя несколько лет после провозглашения политики разворота в сторону АТР у сторонников этой линии в США на руках имеется немало козырей, свидетельствующих об успешности

избранной линии, наличии у нее стратегической перспективы. В области дипломатии удалось углубить и диверсифицировать отношения со многими государствами региона – с этим согласны многие эксперты. В этом русле лежит подписание договора о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН, активное участие в работе АРФ, присоединение к Восточноазиатскому саммиту, продолжение содержательного диалога с КНР, с тем чтобы побудить его к сотрудничеству по ряду важных для США региональных направлений при одновременном сдерживании претензий Пекина на роль главного игрока в АТР. В заслугу себе американцы ставят и последовательное распространение в Азии «правил» глобальной политики, а также «универсальных ценностей». Следствием этого, как полагают, стало «открытие» Мьянмы: успешным, по оценке госдепартамента, стало вовлечение бирманской хунты в процесс политических реформ и начало движения в сторону демократии.

Реальным достижением явилось сохранение трехсторонней союзнической структуры США – Япония – Южная Корея, несмотря на имеющиеся серьезные противоречия и территориальный спор между Токио и Сеулом. Подчеркнутое акцентирование внимания на северокорейской теме, особенно растущей ракетно-ядерной угрозе со стороны Пхеньяна, способствовало тому, чтобы эти союзники Вашингтона отодвинули на задний план свои сложные политические диспуты и приступили к более плотной координации усилий для противодействия северокорейским действиям.

Одним из наиболее крупных американских региональных экономических проектов стала работа по созданию Транстихоокеанского партнерства, в которую, помимо США, были вовлечены 12 государств бассейна Тихого океана. Вашингтоном ставилась амбициозная задача формирования колоссального общего рынка, который функционировал бы в соответствии с правилами и стандартами в области международной торговли, наиболее приемлемыми для США. На первом этапе задачей-минимум было выведение стран ЮВА из-под экономической опеки КНР, которая продвигала свой собственный проект «регионального всеобъемлющего экономического партнерства», а задачей-максимум – «обкатать» на этом пространстве новый пакет «универсальных ценностей», которые в перспективе могли бы лечь в основу будущего глобального экономического порядка – естественно, под эгидой Соединенных Штатов. Вполне понятно, что реализация столь далеко идущих планов

не укладывалась в сроки пребывания у власти команды Барака Обамы, однако начало этому процессу было положено.

В администрации Б. Обамы и госдепартаменте утверждают, что политика «перебалансирования» и «разворота к Азии» не только оказалась успешной для самих США, но и оказалась востребованной широким кругом их региональных партнеров. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенному Центром стратегических и международных исследований (CSIS), до 80% респондентов, относящихся к политическим элитам стран Азии, высказались в пользу сохранения американского лидерства в регионе, поддержав нынешнюю линию Вашингтона применительно к АТР. Другой опрос, предпринятый Pew Research Center в 2015 году, показал, что более половины респондентов из таких разноречивых стран как Австралия, Япония, Индия, Филиппины, Южная Корея и Вьетнам, приветствуют наращивание американского военного присутствия в данном регионе. Конечно, полностью доверять этим данным, которыми пользуются представители официальных кругов США, не следует, однако, кое-какие знаковые тенденции они все же отображают.

Пожалуй, одной из наиболее заметных неудач нынешней администрации стала ее неспособность остановить разрастание военно-политического кризиса на Корейском полуострове. Политика «стратегического терпения (или стратегической «комы», как ее характеризуют некоторые эксперты) обрекала Вашингтон на довольно пассивную роль в корейских делах. Причем это происходило на фоне все более вызывающей и безответственной политики Пхеньяна, который за последние 4-5 лет достаточно далеко продвинулся в реализации своих военных программ, осуществляя ядерные испытания и проводя многочисленные пуски баллистических ракет различных классов и модификаций.

Явно ошибочной была ставка на Пекин как главного политического и экономического партнера КНДР в регионе, который по расчетам Вашингтона, мог бы «надавить» на Пхеньян и призвать его к более ответственному поведению. С другой стороны, оказалась недалековидной и ставка на международную изоляцию и последующий коллапс северокорейского режима под воздействием санкций, которая обрекала Вашингтон на выжидательную позицию.

Проблема активности США на азиатском направлении заключается еще и в том, что многие действия США, которые они сами считают «ответственными», не всегда воспринимаются в качестве

таковых другими странами. Наоборот, последние часто усматривают в них источник разного рода негативных явлений и последствий, видят в них формирование зоны новых рисков и вызовов. Подобное восприятие американских действий характерно не только для такого острого критика США, как Северная Корея, которая использует действия США как оправдание собственных усилий по обретению ядерного оружия и его носителей, включая межконтинентальные ракеты, но и для КНР, которая формально разделяет американскую озабоченность ракетно-ядерным потенциалом Пхеньяна.

Последний пример негативного восприятия Пекином действий США в США – вопрос о размещении элементов ПРО ТВД, обозначаемых английской аббревиатурой ТНААД, в Южной Корее. Этот шаг расценивается самими Соединенными Штатами как «ответственный» в смысле его направленности на защиту Южной Кореи и размещенного там американского воинского контингента от северокаорейской ракетной атаки. Однако Китаю он видится ущемляющим его собственную безопасность. По мнению Пекина, США через размещение элементов ТНААД в Южной Корее односторонне и без учета мнения Пекина решают серьезный вопрос безопасности в жизненно важной для КНР зоне рисков.

Подобные же опасения и недовольство существуют и в России. При этом в России исходят из предположения, что за одной батареей ПРО ТВД с большой степенью вероятности последуют и другие, что в сочетании с элементами ПРО в Европе приведет к созданию своего рода противоракетного кольца вокруг России.

Другая сторона проблемы ТНААД состоит в том, что в стратегическом смысле США и Южной Корее выгодно и важно не пугать или отталкивать Китай, а создавать условия для его вовлечения Китая в активное и конструктивное взаимодействие по северокаорейской ядерной проблеме.

В этом контексте стремление США и Сеула разместить в Южной Корее систему ТНААД не только ухудшило условия для потенциального сотрудничества Вашингтона и Сеула с Пекином в интересах решения данной проблемы, но и создало для северокаорейского руководства новые возможности для маневра и игры на противоречиях между своими противниками. Раздражение Москвы и Пекина в связи с размещением рядом со своей территорией

противоракетных систем США также будет препятствовать возможному их более активному участию в поисках путей ядерного разоружения КНДР. Вместе с тем *рассматриваемую картину можно и перевернуть*, задав вопрос: является ли *ответственной* жесткая реакция Китая на ПРО ТВД, учитывая, что и действия США, и ответ Пекина в итоге дают новые шансы для продолжения нынешней линии Пхеньяна?

Что ожидать в ближайшем будущем?

В целом, администрация Б. Обамы оставляет своему преемнику непростое наследие, состоящие из определенных достижений и заделов на будущее, но и из явных неудач и демонстрации неспособности к решительным шагам на некоторых важных направлениях.

С точки зрения темы нашего исследования, важно то, что вне зависимости от смены администраций в США, сохраняются фундаментальные причины активного вовлечения и присутствия США в АТР.

Во-первых, это возрастающая экономическая значимость региона для американской экономики. Во-вторых, сохраняющаяся система военно-политических альянсов и партнерств. В-третьих, высокие ожидания, которые испытывают партнеры в отношении США, и определенный запрос, имеющийся в регионе на американское присутствие в нем. В определенном смысле можно сказать (хотя и с некоторыми оговорками), что США незаменимы в АТР, а АТР незаменим для США.

Тем не менее, учитывая опыт политики «перебалансирования», азиатский курс новой администрации США в ближайшие годы будет, по всей вероятности, скорректирован. События последних десятилетий продемонстрировали, что США в одиночку не могут решить глобальные проблемы. США не всевластны, и для сохранения своего лидерства и влияния в АТР им придется договариваться с ведущими региональными игроками, прежде всего с Китаем. Следует ожидать расширения американо-китайского диалогового формата, включения в него большего числа вопросов.

Что касается участия США в региональных форумах, то здесь администрацией Б. Обамы был накоплен в целом негативный опыт. Предложения России о подписании коллективного договора безопасности в АТР на основе «принципа единой и неделимой безопасности» плохо соотносятся с системой региональных альянсов, и эти идеи вряд ли найдут отклик у новой американской администрации.

С другой стороны, попытки поднять острые политические вопросы на многосторонних форумах также не вызвали желаемого отклика участников. Наиболее вероятным направлением усилий администрации станет более активное взаимодействие с региональными контрагентами в двустороннем формате, несмотря на то, что укрепление мер доверия и безопасности на многосторонней основе продолжает оставаться насущной практической задачей.

Можно также говорить о вероятном расширении зоны ответственности США в АТР, которая будет выходить за пределы традиционных альянсов и охватывать все большее число игроков и проблем.

II. Япония: от груза ограничений прошлого к статусу полноправного международного игрока

Положение Японии в политической иерархии стран Тихоокеанской Азии в значительной степени определяется ее возможностями в военной и внешнеполитической сферах. После окончания холодной войны Япония проводит курс на «нормализацию» своего положения в системе международных отношений, постепенно отказываясь от элементов, ограничивающих внешнюю и оборонную политику страны и ее международную политическую роль. Основными направлениями этого курса в последние годы стали укрепление оборонного потенциала Японии, принятие более весомых обязательств в рамках японо-американского альянса, активизация международной деятельности, в том числе в области безопасности.

Одним из примеров реализации курса на «нормализацию» служит постепенное снятие ограничений на зарубежную деятельность сил самообороны Японии. В начале XXI века японские вооруженные силы («силы самообороны Японии») оказывали невоенную помощь в операции по поддержанию мира в Ираке (2003-2008 гг.), а также участвовали в тыловом обеспечении контингентов антитеррористической коалиции в Афганистане (2001-2010 гг.). Кроме того, с 2011 г. Япония регулярно направляет свой воинский контингент в состав международной миротворческой миссии ООН в Южном Судане. С 2009 г. японские воинские подразделения ведут борьбу с пиратством у берегов Сомали, обеспечивая сопровождение торговых судов. Для поддержки этой деятельности в Джибути в 2011 г. была открыта первая после Второй мировой войны японская военная база за рубежом.

В нормативно-правовой области для повышения эффективности управления «силами самообороны» в 2007 г. статус оборонного ведомства, носившего с 1954 г. название Управления национальной обороны, был повышен до министерского. Это позволило ему напрямую участвовать в распределении бюджетных заявок, а также обеспечило военному руководству более самостоятельную позицию в правительстве.

Оборонная реформа Синдзо Абэ

Активизация курса на «нормализацию» произошла после смены правительства в Японии в декабре 2012 г. и прихода на пост премьер-министра Синдзо Абэ. За четыре года пребывания Абэ на посту премьера произошло увеличение военных расходов (см. табл.2-1).

Табл. 2-1. Военные расходы Японии 2010-2015 фин. годах (млрд иен)

Финансовый год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Расходы на оборону	4 683	4 663	4 645	4 680	4 784	4 822*	4 861**
Прирост (к пред. году, %)	-0,4	-0,4	-0,4	0,8	2,2	0,8	0,8

* =41 млрд долл. США по среднегодовому курсу

**=47 млрд долл. США по среднегодовому курсу

Источник: Министерство обороны Японии http://www.mod.go.jp/e/d_budget

Рост государственных расходов по оборонным статьям правительство Японии представляет в качестве необходимой меры в условиях усиления непредсказуемости международно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в связи с модернизацией вооруженных сил «некоторыми соседними государствами», наращиванием их военных расходов и активизацией военной деятельности вблизи японских границ.

Наиболее серьезной угрозой своей безопасности в Японии считают развитие ракетных и ядерных программ КНДР. Действия Северной Кореи, предпринимаемые в последние годы, неоднократные пуски ракет различной дальности полета и проведение четвертого ядерного испытания в январе 2016 г. рассматриваются как основание для принятия «мер по укреплению обороноспособности Японии»¹.

¹ Бозэй хакусё, 2016. (Белая книга по обороне Японии, 2016). [Электронный ресурс] URL: <http://www.mod.go.jp> (дата обращения 02.09.2016).

Снятие северокорейской ракетно-ядерной угрозы видится правительству через его рассмотрение, обсуждение и принятие соответствующих мер в рамках японо-американского альянса.

С начала 2000-х гг. Япония размещает на своей территории комплексы противоракетной обороны морского и наземного базирования американского производства, а также участвует в разработке совместно с США некоторых компонентов ПРО. Программы модернизации японской ПРО с 2012 фин.г. включают оснащение системой ПРО «Иджис» двух эскадренных миноносцев типа «Атаго», а также разработку совместно с США ракеты-перехватчика баллистических ракет (SM-3 Block IIА). Кроме того, в качестве реакции на запуски ракет Северной Кореей японское министерство обороны с 2013 г. финансирует исследования по совершенствованию системы слежения за ракетными пусками, в том числе с использованием космических спутников¹.

Другим не менее серьезным вызовом своей безопасности Япония считает действия Китая в районе спорных территорий и акваторий в Восточно-Китайском море возле островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Крайне болезненно воспринимаются в Японии регулярные заходы китайских кораблей в прилегающие к островам акватории, а провозглашение Китаем в 2013 г. опознавательной зоны ПВО, включающей в себя воздушное пространство над островами Сэнкаку, было истолковано как рост угрозы насильственного захвата этих территорий.

Для ответа на этот вызов Япония уже не только полагается на США², но и предпринимает собственные действия в этом стратегическом районе. С 2013 ф.г. Япония проводит активные мероприятия, направленные на совершенствование систем сбора информации, наблюдения и предупреждения, в том числе размещение на своих военных базах в Восточно-Китайском море современных

¹ Министерство обороны Японии. Военный бюджет. [Электронный ресурс] URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget (дата обращения 02.09.2016).

² Несмотря на то, что США неоднократно официально подтверждали, что Сэнкаку входит в зону действия японо-американского договора безопасности, они открыто не признали принадлежность островов Японии. Кроме того, согласно американской позиции, стороны должны решить разногласия путем переговоров, что свидетельствует о том, что они не намерены вступать с Китаем в прямую конфронтацию по данной проблеме.

видов вооружения и военной техники, осуществляя модернизацию, строительство и закупку новых кораблей, подводных лодок, патрульных самолетов, вертолетов, оснащенных радарными и ракетными системами¹. Регулярно проводятся военные учения – как в одностороннем порядке, так и совместно с американскими вооруженными силами, имея в виду ответ на возможные действия Китая.

Важным направлением деятельности правительства Синдзо Абэ стало изменение законодательства в области безопасности с целью расширения возможностей Японии в этой сфере. Первым шагом стало создание в декабре 2013 г. нового Совета национальной безопасности (СНБ) Японии – консультативного и координационного органа при кабинете министров, призванного усилить его роль в принятии решений, повысить их качество и оперативность. Одним из первых распоряжений СНБ стал пересмотр порядка экспорта вооружений, фактически запрещенного с 1967 г. Это обстоятельство тормозило развитие военно-промышленного комплекса, а также препятствовало увеличению взаимодействия в рамках японо-американского альянса.

Согласно новым, смягченным принципам, экспорт вооружений из Японии возможен, если он соответствует задачам национальной безопасности, укреплению мира и развитию международного сотрудничества². Данная формулировка развязывает руки экспортерам, однако в ближайшей перспективе потенциальными получателями японских вооружений и технологий будут США, а также избранные партнеры в Тихоокеанской Азии – Индия, Австралия, Филиппины, и, возможно, Южная Корея.

Кроме того, в декабре 2013 г. принята Стратегия национальной безопасности, в которой обозначались национальные интересы Японии, цели и мероприятия по обеспечению безопасности, вводилась концепция «проактивного содействия миру». Стратегическими задачами провозглашались как меры по защите суверенитета и независимости страны, так и действия, направленные на достижение

¹ Бэй хакусё, 2013.

² Бэй хакусё, 2014.

стабильности в Тихоокеанской Азии, а также на «обеспечение международного порядка»¹.

Движение по пути расширения функций и задач сил самообороны Японии было продолжено с принятием «Основных направлений национальной обороны» на период с 2014 г., намечавших планы создания «динамичных сил обороны», которые могут «эффективно реагировать на угрозы безопасности как в традиционных, так и в нетрадиционных областях, обладают расширенными возможностями в сфере сбора информации и разведывательных данных, являются надежными партнерами при проведении миротворческих и спасательных операций»².

Далее, в июле 2014 г. кабинет министров Японии принял резолюцию «О разработке целостного оборонного законодательства для обеспечения безопасности Японии и ее народа», которая внесла изменения в интерпретацию послевоенной конституции³.

Согласно документу, разрешалось использование права на коллективную самооборону для «ответа на фундаментальные угрозы существованию и благополучию населения страны». При этом должны выполняться три условия: 1) совершено нападение на Японию или ее близкого союзника; 2) отсутствует другая возможность отразить нападение и защитить государство и население; 3) использование военной силы минимально⁴.

Наконец, в сентябре 2015 г. были внесены изменения в оборонное законодательство страны. Был принят новый закон – «Закон о содействии международному миру» (International Peace Support Law),

¹ National Security Strategy. December, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения 21.10.2015).

² National Defense Program Guidelines for Financial year 2014 and beyond. Prime Minister of Japan and his Cabinet. December, 17, 2014. [Электронный ресурс] URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/_icsFiles/afieldfile/2013/12/17/NDPG%28Summary%29.pdf (дата обращения 21.10.2015).

³ Конституция Японии 1947 г. запрещает иметь в стране собственную армию и отправлять за границу силы самообороны. Также до 2014 г. не допускалось применение права на коллективную самооборону.

⁴ Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan's Survival and Protect it's People. July 1, 2014. [Электронный ресурс] URL: http://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page23e_000273.html (дата обращения: 21.10.2015).

согласно которому японские «силы самообороны» на постоянной основе получили право участвовать в многосторонних операциях по поддержанию мира. До сих пор при отправке сил самообороны за рубеж парламент должен был каждый раз принимать т.н. «закон о специальных мерах» – например, при отправке сил самообороны в Ирак парламент в 2003 г. принял «Закон о специальных мерах по восстановлению Ирака».

Необходимость одобрения парламентом отправки воинских контингентов за рубеж сохранилась в качестве обязательного условия и после вступления в силу нового постоянного Закона о содействии международному миру. Однако теперь отправка сил самообороны регулируется одним законом, и время, требуемое на отправку японских военнослужащих, вероятно, сократится. Кроме того, новый постоянный закон позволит силам самообороны оказывать логистическую поддержку вооруженным силам других стран, которые участвуют в деятельности по обеспечению мира и безопасности. Тем не менее, сохраняется запрет для сил самообороны на участие в вооруженных действиях, их деятельность остается ограниченной невоенными мерами.

Кроме того, были внесены поправки в десять существующих законов, в том числе в Закон о силах самообороны, Закон о мерах по обеспечению национальной независимости и безопасности в ситуации вооруженного нападения, Закон о ситуациях в районах, окружающих Японию, Закон о содействии миротворческой деятельности ООН и др. Например, до изменений 2015 г. Закон о ситуациях в районах, окружающих Японию ограничивал возможность сил самообороны оказывать тыловую поддержку вооруженным силам США только ситуациями в «районах, окружающих Японию» (под такими ситуациями чаще всего понимался вооруженный конфликт на Корейском полуострове). В соответствии с изменениями, теперь силы самообороны смогут оказывать логистическую поддержку (снабжение, транспорт) вооруженным силам США, а также других стран в ситуациях, которые «оказывают серьезное влияние на безопасность Японии».

Изменения, внесенные в Закон о содействии миротворческим операциям ООН, расширили возможности сил самообороны оказывать гуманитарную помощь и помощь в восстановлении, проводимой под эгидой ООН, а также других организаций и коалиций. Силы

самообороны теперь могут участвовать в такой деятельности, как строительство дорог, а также в полицейских операциях для защиты местного населения.

Изменения, внесенные в Закон о силах самообороны и в Закон о мерах по обеспечению национальной независимости и безопасности в ситуации вооруженного нападения, разрешают правительству отдать приказ о проведении силами самообороны операций в ситуациях, подпадающих под упомянутые выше три условия для использования права на коллективную самооборону. Однако проведение таких операций требует обязательного одобрения парламента.

Продвигавшая реформу правящая коалиция утверждает, что модификация оборонного законодательства необходима в условиях обострения проблем безопасности вблизи границ Японии, усиления непредсказуемости международно-политической обстановки и изменения конфигурации ролей ключевых региональных акторов.

Однако оборонная реформа вызвала неоднозначную реакцию в японском обществе, а также среди некоторых азиатских соседей Японии. Согласно опросу газеты «Асахи симбун», проведенному в июле 2015 г., 56% граждан Японии выступили против нововведений, тогда как только 26% граждан поддержали их. Обсуждение законопроектов и голосование в парламенте сопровождалось крупными демонстрациями противников реформы в Токио и других городах, численность которых достигала десятков тысяч человек. Выступавшие против изменения законодательства партии японского парламента: Демократическая партия Японии, Группа возрождения Японии (Ниппон исин но кай), Социал-демократическая и Коммунистическая партии заявляли, что принятие законов является нарушением конституции и означает отход от политики, ориентированной исключительно на оборону. Они также отмечали, что в результате ревизии оборонного законодательства для Японии появился риск быть втянутой не по своей воле в военные действия, которые не отвечают интересам населения страны.

Кроме того, стремление Японии расширить пределы возможного в своей военной политике и тем самым усилить свою международную роль вызывает негативную реакцию со стороны ее азиатских соседей – жертв японской агрессии времен Второй мировой

войны, которые выступают против наращивания Японией военной мощи и превращения ее в военную державу.

Изменение оборонного законодательства Японии оказало большое влияние на развитие военно-политических отношений с США. Процесс укрепления обороноспособности Японии сопровождается принятием ей более широких обязательств в рамках японо-американского альянса. Еще до проведения через парламент пакета «оборонных» законов в апреле 2015 г. были приняты новые «Руководящие принципы японо-американского оборонного сотрудничества» (The Guidelines for U.S. – Japan Defense Cooperation)¹. Первое за восемнадцать лет обновление документа, раскрывающего задачи и направления деятельности японо-американского альянса, было призвано отразить изменения, произошедшие за это время в региональной и глобальной системе безопасности, а также уточнить роли и обязанности, которые возлагают на себя союзники в новых условиях.

В новых «Руководящих принципах...» задачами японо-американского оборонного сотрудничества провозглашалось достижение сбалансированного, эффективного, «бесшовного» (seamless) взаимодействия, что подразумевает совместное реагирование на широкий спектр ситуаций, угрожающих безопасности Японии, возникающих как в мирное время, так и в случае вооруженного конфликта. В предыдущем издании документа (1997 г.) возможности совместной деятельности были достаточно четко разграничены для военных и мирных условий. При этом, как отмечали американские и японские эксперты, были недостаточно проработаны сценарии взаимодействия в пограничных ситуациях, или т.н. «серых зонах», под которые подпадают, например, случаи высадки неопознанного вооруженного контингента на отдаленные японские острова или заход иностранной подводной лодки в территориальные воды. Кроме того, обнаружились недостатки в управлении альянсом в чрезвычайных ситуациях. В том числе они были выявлены в ходе спасательных работ после Великого восточного японского землетрясения 2011 г. Несмотря на мобилизацию около 24 тыс.

¹ The Guidelines for U.S. – Japan Defense Cooperation. April 27, 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.defense.gov/pubs/20150427_-_GUIDELINES_FOR_US-JAPAN_DEFENSE_COOPERATION_FINAL&CLEAN.pdf. (дата обращения 09.08.2016).

американских военнослужащих для проведения операции «Томодачи» (рус. «друг») по оказанию помощи пострадавшим в Японии, единый орган управления действиями союзников отсутствовал. Активация двустороннего координационного механизма была возможна лишь в случае вооруженного нападения на Японию, а поэтому фактически никогда не применялась. Кроме того, в соответствии с «Руководящими принципами...» 1997 г. в задачи Японии в рамках альянса входило оказание тыловой поддержки американским войскам в «районах, окружающих Японию», но в остальном японо-американский альянс был ограничен исключительно вопросами обороны собственно территории Японии.

Новые «Руководящие принципы...» также значительно расширили масштабы и сферу японо-американского военно-политического взаимодействия. Во-первых, расширились географические рамки двустороннего сотрудничества. Провозглашался глобальный характер задач японо-американского альянса, устранялось положение, ограничивающее сферу деятельности альянса «районами, окружающими Японию».

Во-вторых, увеличивалось число областей сотрудничества, которые теперь включают в себя противоракетную оборону, меры по противодействию терроризму, миротворческие операции, оказание гуманитарной помощи, совместное проведение спасательных работ, а также мероприятия по реагированию на новые угрозы и вызовы, исходящие из киберпространства и космоса, угрозы применения баллистических ракет и т.д.

В-третьих, приняты дополнительные меры по усилению оперативного взаимодействия в рамках альянса. Обозначена необходимость правительствам союзников применять интегрированный подход (a whole-of-government alliance approach) для обеспечения «бесперебойного» реагирования и сдерживания реальных и потенциальных противников. Провозглашалось создание постоянно действующего координационного механизма для обеспечения тесного взаимодействия, своевременного обмена информацией и оперативной координации действий союзников.

В-четвертых, сделан акцент на углубление сотрудничества с партнерами в Тихоокеанской Азии, в особенности с Австралией и Южной Кореей, в различных областях: от миротворческих операций и

оказания гуманитарной помощи до обеспечения безопасности на море, совместной разведки и наблюдения.

Наконец, «Руководящие принципы...» 2015 г. содержат положения, расширяющие обязанности Японии в рамках альянса. Как уже упоминалось, в соответствии с резолюцией японского кабинета министров от 1 июля 2014 г., изменившей интерпретацию конституции, применение права на коллективную самооборону разрешается в случае, если вооруженное нападение совершено на «страну, имеющую с Японией тесные связи», и это «представляет угрозу для выживания Японии». С учетом этих изменений новые «Руководящие принципы...» закрепили для Японии возможность взаимодействовать с вооруженными силами США в различных операциях, таких как разминирование морских путей, а также оказывать логистическую поддержку и защищать активы и имущество друг друга (asset protection).

Анализ решений правительства Синдзо Абэ в оборонной сфере позволяет сделать вывод о продолжении политики «нормализации». В результате, Япония постепенно отходит от утративших свою актуальность подходов к восприятию ее как к нации, чей военный потенциал должен быть объектом сдерживания; увеличиваются военные возможности страны; снимаются ограничения, наложенные на военную сферу после окончания Второй мировой войны.

Изменение политики в области содействия международному развитию

Во времена холодной войны в стратегическом мышлении Японии доминировал подход, основанный на так называемой «доктрине Ёсида», согласно которой при сохранении широкого запрета на ведение военных действий задача обеспечения безопасности страны возлагалась на союзника – США в обмен на допуск и обслуживание американских военных баз на японской территории¹. Поскольку оборонная политика в Японии на протяжении долгого времени фактически оказалась вне компетенции лиц, принимающих

¹ См.: Добринская О.А. Эволюция политики Японии в области обеспечения национальной безопасности после крушения биполярной системы международных отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005.

политические решения, возросло их внимание к инструментам экономической и культурной дипломатии. В этих условиях на место ключевого внешнеполитического инструмента в Японии выдвинулось предоставление «официальной помощи развитию» (ОПР) развивающимся государствам. Активная деятельность в рамках Комитета содействия развитию ОЭСР (OECD's Development Assistance Committee), куда Япония вступила первой из азиатских держав в 1960 г., и к концу 1980-х гг. выдвинулась на роль крупнейшего мирового донора, принесла Токио не только значительные экономические выгоды, но и позволила ему существенно укрепить своё влияние во многих развивающихся странах¹.

В этой связи некоторые наблюдатели делали вывод о том, что Япония, отказавшись после войны от статуса великой военной державы, смогла стать «великим мировым донором», а военные средства и инструменты внешней политики уступили свое место невоенным².

Японская политика содействия развитию традиционно была сконцентрирована вокруг экономической повестки и направлена на создание стимулов для экономического роста, поощрение деятельности частного сектора и развитие инфраструктуры в странах-реципиентах. Однако в последние годы в приоритеты японской ОПР включаются новые задачи, связанные с обеспечением безопасности, социальной стабильности, поощрением верховенства закона и прав человека, преодолением глобальных проблем.

При формулировании и реализации программ японской ОПР в различных странах ключевое значение имеют обязательства, которые Япония несет в качестве одного из ведущих мировых доноров, а также союзника США. Стремясь к роли лидера среди развитых стран в сфере содействия развитию, Япония делает акцент на предоставление таких международных «общественных благ», как строительство инфраструктуры в труднодоступных регионах мира, улучшение систем здравоохранения, обеспечение доступа к образованию и др.

¹ Стрельцов Д.В. Официальная помощь развитию – важнейший инструмент внешней политики Японии // Внешняя политика Японии: история и современность. Учебное пособие. М.: Вост.лит. 2008. С. 275-277.

² Yasutomo D. Why Aid? Japan as an “Aid Great Power”. Pacific Affairs. Vol.62. No. 4. Winter 1989-1990. P. 490-503.

Например, Япония занимает место одного из крупнейших доноров Африки, ежегодно выделяя более 1,5 млрд долл. на различные виды ОНР, значительную часть которых составляют гранты, предоставляемые на безвозмездной основе.

В то же время, поскольку Япония – союзник США, подразумевается, что ее деятельность, в том числе и в рамках ОНР, соответствует внешнеполитической стратегии Вашингтона. Это подтверждается примерами оказания помощи таким странам, находящимся в условиях постконфликтного восстановления, как Афганистан, Ирак, Украина. Так, после конфликта на Украине в 2014 г. Япония выдвинулась на роль крупнейшего донора этой страны, заявив о выделении правительству в Киеве около 2 млрд. долл.

В начале второго десятилетия XXI века параллельно с реформой оборонной и внешней политики правительство Японии модифицирует политику в области оказания зарубежной помощи. Задачами ОНР, наряду с внесением вклада в международные усилия по содействию миру и развитию, провозглашается обеспечение национальных интересов и безопасности самой Японии.

Кроме того, постепенно происходит увязывание понятий «безопасности» и «развития» в концептуальном оформлении политики ОНР. Этому в большой степени способствовало введение в политический дискурс концепции «безопасности личности»¹. В японском понимании концепция «безопасности личности» соединяет аспекты «свободы от нужды» и «свободы от страха» и требует действий по защите наиболее уязвимых слоев населения, а также противодействия таким угрозам, как конфликты, терроризм, нарушение прав человека, эпидемии и природные катастрофы. Были определены четыре приоритетные области, деятельность в которых должна способствовать обеспечению «безопасности личности»: борьба с бедностью, создание основ для устойчивого роста, помощь в решении глобальных проблем, строительство прочного мира².

¹ *Tuman J., Strand J., Emmert C.* The Disbursement Pattern of Japanese Foreign Aid: A Reappraisal. *Journal of East Asian Studies*. 2009. No 9. P. 219-248.

² ODA Policy on Human Security. Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Электронный ресурс] URL: www.mofa.go.jp/policy/oda/sector/security/action.html (дата обращения 09.01.2016).

Внедрение концепции «безопасности личности» в практику ОПР сопровождалось существенным изменением принципов и перераспределением видов оказываемой помощи. Во-первых, если на протяжении многих лет основным видом японской ОПР были низкопроцентные иенные займы, то постепенно объем безвозмездных грантов, выдаваемых реципиентам, стал превышать объем кредитов.

Во-вторых, если получателями японских займов преимущественно выступали национальные правительства, то безвозмездные гранты выделяются непосредственно на обеспечение нуждающихся: школам, больницам, НПО и т.п.

В-третьих, вместо «запросного принципа» оказания помощи, преобладавшего в стратегии ОПР многие годы, Япония ввела постранный подход. МИД и Японское агентство международного сотрудничества (JICA) – ведущее государственное учреждение, курирующее ОПР, – занялись формулированием целей и программ помощи для конкретных стран и регионов, а также определением оптимального сочетания видов помощи в каждом случае. Указанные меры должны были способствовать повышению эффективности политики ОПР, а также увеличению вклада Японии в международные усилия по содействию развивающимся странам.

Основные направления деятельности в рамках ОПР на ближайшие годы сформулированы в «Хартии сотрудничества в области развития», принятой в 2015 г.¹ Приоритетной целью ОПР Япония декларирует достижение «качественного роста и искоренение нищеты», а главными направлениями – развитие инфраструктуры; улучшение торгового и инвестиционного климата; внедрение информационных и телекоммуникационных технологий; совершенствование науки, технологий и инноваций; создание рабочих мест; модернизацию сельского хозяйства; улучшение системы здравоохранения и т.д. Хартия также делает акцент на использование ОПР для обеспечения безопасности в странах-реципиентах путем выделения средств для предотвращения конфликтов, для оказания гуманитарной помощи при чрезвычайных ситуациях в условиях политической нестабильности, для содействия посткризисному

¹ Development Cooperation Charter. Ministry of Foreign Affairs of Japan February 10, 2015. [Электронный ресурс]
URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000067701.pdf> (дата обращения 09.01.2016).

восстановлению. И еще один приоритет – «формирование устойчивого и жизнеспособного международного сообщества посредством решения глобальных проблем», таких как деградация окружающей среды; крупные природные катастрофы; трудности с устойчивым снабжением водой, продовольствием и энергией.

Новая хартия впервые разрешила предоставлять ОПР вооруженным силам стран-реципиентов, задействованным в сотрудничестве в области развития. При этом накладываются ограничения на использование военных сил и средств. Правительство Японии заверяет, что не допустит прямого финансирования военных конфликтов; что каждый случай выделения такой помощи будет рассматриваться отдельно. Тем не менее, новая «Хартия сотрудничества в области развития» закрепила отход от предшествовавшего подхода к ОПР, запрещавшего любую причастность к военной деятельности.

Таким образом, прослеживается связь нового концептуального оформления японской ОПР с основными направлениями оборонной реформы Синдзо Абэ 2013–2015 гг. Это позволяет сделать вывод, что в японском политическом дискурсе произошло сопряжение понятий «содействия развитию», «дипломатии» и «обороны», которые рассматриваются в качестве важнейших инструментов, направленных на активизацию участия Японии в мировых делах и повышение ее влияния на международной арене.

В качестве одной из причин изменения политики ОПР в начале XXI века эксперты отмечают усиление конкуренции за лидерство в Тихоокеанской Азии между Японией и Китаем¹. В 2010 г. Япония уступила Китаю статус первой азиатской экономической державы. Растет экономическое и политическое влияние КНР в Юго-Восточной Азии (ЮВА) – регионе, занимающем особое место в японской стратегии ОПР. С 1950-х гг. до настоящего времени в ЮВА направлялось от 40% до 80% японской ОПР.

¹ Revising Japan's ODA Charter: Adding National Security. The Brookings Institution. February 13, 2015; *Waguri H.* South China Sea Civillian Air Patrol Capability and the U.S.-Japan Alliance. CSIS Asia Maritime Transparency Initiative. [Электронный ресурс] URL: <http://amti.csis.org/south-china-sea-civilian-air-patrol-capability-and-the-u-s-japan-alliance>. (дата обращения 09.01.2016).

Следует отметить, что сам Китай с конца 1970-х по конец 2000-х гг. был крупнейшим реципиентом японской помощи, получив за это время по каналам ОПР около 45 млрд долл. В Японии помощь Китаю рассматривалась в качестве инструмента экономического и политического влияния. При этом с экономической точки зрения Япония извлекла ощутимую пользу от помощи Китаю, в результате которой последний стал крупнейшим японским торговым партнером. Однако политических целей, которые заключались в стремлении сделать ОПР средством улучшения двусторонних отношений, достичь не удалось¹.

В 2004 г. японское правительство объявило о постепенном сокращении займов Китаю, а затем о полном прекращении выделения этого вида ОПР с 2008 г., сохранив лишь гранты, которые направлялись, как правило, на решение экологических проблем. Основными причинами этого стали, во-первых, успехи экономического развития КНР, в результате которого она сама превратилась в донора развивающихся стран, в том числе и государств ЮВА; во-вторых, неудовлетворенность политическими итогами реализации ОПР в Китае. К тому же в это время произошло значительное ухудшение японо-китайских отношений, сопровождавшееся ужесточением риторики со стороны официальных лиц Китая, приостановкой или снижением уровня контактов. Ситуация усугублялась ростом военно-морской активности КНР и усилением напряженности в спорных зонах Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.

В качестве реакции на напористое поведение Китая в Южно-Китайском море, а также на наращивание его военно-морского присутствия, Япония оказывает помощь азиатским странам – активными участниками споров в этом стратегическом районе. По линии японской ОПР выделяются средства на осуществление проектов, имеющих прямую связь с обеспечением безопасности таких стран, как Филиппины, Вьетнам, Индонезия. Например, в 2006 г. Япония выделила более 15 млн долл. (1,92 млрд иен) Индонезии на строительство патрульных кораблей для борьбы с пиратством, морским терроризмом и распространением оружия.

¹ *Ковригин Е.Б.* Япония – Китай: официальная помощь как инструмент экономического взаимодействия // *Пространственная экономика*. 2012. №3. С. 9-33.

Намерение использовать программы ОПР для решения стратегических задач по обеспечению региональной стабильности и морской безопасности, в том числе путем предоставления патрульных судов прибрежным государствам, было закреплено в совместном заявлении японо-американского консультативного комитета по безопасности, выпущенном в апреле 2012 г.¹. Тогда же было объявлено о решении предоставить по линии ОПР помощь Вьетнаму и Филиппинам. В июле 2013 г. премьер-министр Синдзо Абэ заключил соглашение о предоставлении средств по линии ОПР на покупку Филиппинами в Японии 10 катеров береговой охраны². В августе 2014 г. Япония объявила о намерении предоставить Вьетнаму шесть судов, которые также должны использоваться для усиления оборонных возможностей страны³.

В то время эти проекты плохо согласовывались с антивоенными положениями японской концепции предоставления зарубежной помощи и запретом на передачу вооружений. Однако, как было отмечено выше, в декабре 2013 г. Япония пересмотрела принципы экспорта вооружений, согласно которым он становится возможен, если соответствует задачам национальной безопасности, укрепления мира и развития международного сотрудничества. Данная формулировка, а также включение в новую японскую «Хартию сотрудничества в области развития» положений о возможности предоставления помощи вооруженным силам стран-реципиентов, расширили возможности Японии оказывать содействие в укреплении безопасности зарубежных стран, в том числе разрешив в ограниченных случаях выделять средства на закупку ими военной техники.

Кроме того, в рамках ОПР Япония осуществляет деятельность, направленную на наращивание потенциала некоторых стран ЮВА по обеспечению их морской безопасности. В последние годы Япония проводила теоретические и практические курсы для служащих военно-морских сил Вьетнама в области подводной медицины (2012–2014 гг.); программы для вьетнамских ВВС в области авиационной безопасности (2012–2013 гг.); курсы по обучению служащих министерства обороны

¹ Joint Statement of the Security Consultative Committee. April 27, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/pdfs/joint_120427_en.pdf. (дата обращения 15.02.2016).

² The Japan Times. 28.07.2013.

³ Asahi Shimbun. 02.08.2014.

Вьетнама навыкам проведения спасательных операций (2014 г.); программы для ВМС Индонезии в области сбора и обработки данных (2012–2013 гг.); тренировочные курсы для инженеров из Камбоджи, занятых в миротворческих операциях (2013–2015 гг.); а также краткосрочные и среднесрочные стажировки в Японии для служащих вооруженных сил Вьетнама и Индонезии¹.

Решение Японии усилить береговые службы Вьетнама и Филиппин и деятельность по укреплению потенциала некоторых стран ЮВА в области морской безопасности рассматривается экспертами как посылаемый Китаю четкий сигнал о намерениях развивать оборонные обмены со странами, испытывающими опасения в отношении действий КНР в Южно-Китайском море².

В японском экспертном сообществе звучат предложения о дальнейшем расширении участия Японии в многостороннем сотрудничестве в области обеспечения морской безопасности при активном вовлечении США, их союзников и партнеров в Тихоокеанской Азии. При этом Япония, по мнению экспертов, на первом этапе могла бы, используя средства ОПР, продолжать оказывать содействие по наращиванию потенциала прибрежных стран для противостояния китайским планам по расширению присутствия в акватории Южно-Китайского моря³.

Тем не менее, на наш взгляд, участие Японии в мероприятиях, сочетающих деятельность по линии обороны с программами помощи развитию, затруднено по нескольким причинам. Первая заключается в недостатке межведомственной координации между структурами, отвечающими за реализацию программ ОПР, и японскими контингентами, задействованными в международном военном взаимодействии. В настоящее время не существует подразделения или

¹ Capacity Building Assistance. Japan Ministry of Defense. [Электронный ресурс] URL: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/publication/2014-12_003-kokusaimondai.pdf. (дата обращения 09.01.2016).

² *Jain P.* National Interest and Japan's Foreign Aid Policy // *Kokusai mondai* (International affairs), 2014. 637. [Электронный ресурс] URL: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/publication/2014-12_003-kokusaimondai.pdf. (дата обращения 09.01.2016).

³ *Waguri H.* South China Sea Civilian Air Patrol Capability and the U.S.-Japan Alliance. CSIS Asia Maritime Transparency Initiative. [Электронный ресурс] URL: <http://amti.csis.org/south-china-sea-civilian-air-patrol-capability-and-the-u-s-japan-alliance>. (дата обращения 09.01.2016).

группы, связывающей эти два государственных ведомства, равно как и специально обученных кадров, которые могли бы эффективно работать в странах-реципиентах японской ОНР, занимаясь решением вопросов обороны и безопасности¹. Эксперты отмечают нежелание японского сообщества, занимающегося вопросами содействия развитию, более активно взаимодействовать с военными, а также существенные отличия в целях и задачах двух сообществ.

В последнее время в Японии зазвучали призывы к более тесной кооперации названных групп: укреплению взаимопонимания между ними, выработке общих целей и направлений деятельности, а также отработке механизмов сотрудничества². Однако пока не принято конкретных мер по решению данной проблемы, и в обозримой перспективе нескоординированность двух ведомств будет препятствовать более широкому использованию средств ОНР в интересах безопасности.

Вторая причина кроется в сохраняющихся ограничениях на применение сил самообороны Японии. Согласно обновленной интерпретации конституции, применение права на коллективную самооборону возможно лишь в ограниченных случаях. Однако поскольку в настоящее время ситуация в Южно-Китайском море не приводит к реализации обозначенных правительством условий, трудно ожидать, что Япония сможет задействовать все имеющиеся средства для решения стратегических задач в этом регионе.

Третья причина – необходимость одобрения населением программ ОНР, связанных с военной деятельностью. С одной стороны, в Японии государственная политика в сфере ОНР является прерогативой кабинета министров, решения которого не требуют одобрения со стороны парламента³, премьер-министр как глава

¹ Linking Foreign Aid and Security Cooperation. Policy Proposals. Tokyo Foundation. October, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/policy-research-programs/foreign-and-security-policy/linking-aid-and-security-cooperation> (дата обращения 09.01.2016).

² Nishida I. Tapping the Potential of Japan's Self-Defense Forces // Nikkei Business Online. May 21, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2015/tapping-the-potential-of-sdf>. (дата обращения 09.01.2016).

³ Стрельцов Д.В. Официальная помощь развитию – важнейший инструмент внешней политики Японии // Внешняя политика Японии: история и современность. Учебное пособие. М.: Вост.лит., 2008. С. 259.

кабинета и верховный главнокомандующий может вполне свободно объявлять о новых проектах по содействию развитию зарубежным странам, исходя из актуальных задач и международных условий. Однако бюджет ОНР ежегодно утверждается парламентом, и премьер-министру необходимо учитывать текущую расстановку сил, а также преобладающие настроения в обществе.

В 2015 г. принятие оборонного законодательства сопровождалось многочисленными демонстрациями против отхода Японии, по мнению протестующих, от антивоенных принципов и норм, заложенных в конституции. В этой связи правительству будет необходимо затратить усилия на доведение до населения целесообразности использования ОНР для вовлечения Японии в международную военную деятельность.

Несмотря на сохраняющиеся ограничения на участие Японии в некоторых формах международного взаимодействия, связанных с вопросами обороны и безопасности, изменение политики ОНР происходит в русле курса на «нормализацию» оборонной и внешней политики Японии. Изменения в системе ОНР, наряду с расширением возможностей в оборонной и внешнеполитической сферах, отражают возросшую готовность Японии предпринимать активные действия на международной арене в области безопасности и развития, приводя их в соответствие со своими экономическими возможностями. Программы ОНР считаются необходимым элементом, способствующим обеспечению безопасности и национальных интересов страны, а также важным средством повышения роли Японии в системе международных отношений и утверждения ее в качестве ведущей глобальной державы.

III. Китай: растущее понимание глобальной роли и ответственности

Быстрое экономическое развитие Китая создает предпосылки для увеличения китайского влияния на процессы мирового развития. Китайское руководство подходит к проблеме международной ответственности с большой осторожностью, тщательно взвешивая свои возможности.

Вместе с тем за несколько лет в 2012 – 2016 годах в Китае была проведена большая работа по созданию концептуальной основы участия в реформировании глобального управления и выработке обновленных правил. Эти усилия заметно активизировались в ходе подготовки Китая к проведению в 2016 году саммита G20 в Ханчжоу. Осмысление возможного вклада Китая в решение проблем мировой экономики стало стимулом для углубления понимания возможных рамок китайской глобальной ответственности.

Научные дискуссии: критика «теории ответственности» и поиск «дискурсивной власти»

В первом десятилетии XXI века в Китае господствовала негативная оценка западных рассуждений о необходимости повышения китайской ответственности вслед за ростом экономической мощи. Эти призывы получили обобщенное наименование «теории ответственности Китая», которую внутри Китая подвергали критике как потенциальную угрозу стабильному развитию страны. В завышенных оценках китайского экономического потенциала видели недобрый умысел, призванный убедить Пекин взвалить на себя непосильную ношу и тем самым помешать дальнейшему росту экономики КНР. В адрес Запада звучали обвинения в стремлении «захвалить Китай до смерти».

В Китае полагают, что «теория ответственности» представляет более серьезную опасность, чем нападки и предсказания скорого «краха», способные произвести мобилизующий эффект и стимулировать решение проблем национального развития. Неумеренное восхваление иностранцами успехов Китая может спровоцировать настроения самоуспокоенности и необоснованного оптимизма. В этой атмосфере будет трудно понять, что за высокими

оценками успехов Китая стоят пожелания, превосходящие реальные возможности страны. Примерами таких выступлений называли сформулированный в 2005 году тезис представителя США по торговле Роберта Зеллика о Китае как «ответственном акционере» и документ Европейской комиссии 2006 года с указанием на увеличение ответственности как части процесса расширения партнерства КНР и ЕС.

Китайские ученые во второй половине первого десятилетия XXI века уделили большое внимание обсуждению соотношения позитивной «ответственности Китая» и неприемлемой «теории ответственности Китая». Важным стимулом для поиска собственного понимания глобальной ответственности стал мировой экономический кризис 2008 года. Продолжение роста китайской экономики на фоне очевидного замедления на Западе привело к тому, что развитые и развивающиеся страны стали в унисон требовать увеличения китайского участия в поддержке глобальной экономики. Пекин оказался перед трудным выбором. Если Китай полностью откажется брать на себя ответственность за глобальное развитие, это пагубно скажется на международном авторитете страны. С другой стороны, попытка удовлетворить ожидания мирового сообщества привела бы Китай к внутренним экономическим проблемам. В конце 2000-х годов сформировалось понимание того, что Китай должен брать на себя международную ответственность, но при этом самостоятельно определять ее объем.

В докладе ЦК КПК на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 года в разделе о задачах в сфере внешней политики было отмечено: «Китай будет придерживаться взаимного соединения интересов китайского народа с общими интересами народов всех стран, еще более активно участвовать в международных делах, играть роль ответственного большого государства, совместно отвечать на глобальные вызовы. ... Китай будет придерживаться взаимного баланса прав и обязанностей, активно участвовать в глобальном экономическом управлении,

продвигать либерализацию и облегчения в торговле и инвестициях, выступать против различных форм протекционизма»¹.

Представительные рассуждения по поводу китайского понимания ответственности можно найти в научной статье, которую опубликовали в 2014 году Ян Юйлин, Хуан Чжун и Цуй Сюань (Сианьский политический институт)². Они исходили из того, что «теория ответственности Китая» была придумана западными странами во главе с США специально для осуществления «темных замыслов» по стратегическому сдерживанию Китая. Исследователи призвали трезво воспринимать западные рассуждения на эту тему и проводить четкое различие между неприемлемой «теорией ответственности Китая» и реальным вопросом о международной ответственности Китая, в котором следует исходить из собственного понимания проблемы и собственных интересов страны.

Ян Юйлин, Хуан Чжун и Цуй Сюань полагают, что внешние силы пытаются использовать растущую мощь Китая для поддержания руководимого Западом международного порядка. Эти силы хотят направлять развитие Китая таким образом, чтобы оно шло на пользу стратегическим целям и интересам США, ЕС и Японии. В составленный исследователями обобщенный список компонентов западной трактовки ответственности Китая вошли политические требования заимствования западной модели демократии, проведения политической реформы, создания «ответственного правительства» и защиты прав человека. В экономической сфере Запад добивается от Китая открытия внутреннего рынка, включая сферу обслуживания и сферу СМИ, ослабления регулирования курса юаня и уменьшения дефицита в торговле с западными странами. В сфере экологии от Китая ждут принятия еще большей ответственности за сокращение выбросов и изменения стратегии стремления к зарубежным сырьевым ресурсам. В области безопасности и обороны Запад добивается от Китая увеличения транспарентности, обещания не применять оружие против Тайваня, наращивания усилий по борьбе с терроризмом и

¹ 胡锦涛. 坚定不移沿着中国特色社会主义道路前进为全面建成小康社会而奋斗 —— 在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 (2012 年 11 月 8 日). 北京: 人民出版社, 2012. 第 48 页

² 杨玉玲, 黄忠, 崔莹. “大国责任”幌子下的“捧杀”——“中国责任论”的战略观察 // 西安政治学院学报. 2014 年 6 月 第 27 卷 第 3 期

противодействию распространению ядерного оружия. В международной политике Запад хочет, чтобы Китай поддерживал его жесткую линию в отношении «проблемных государств» (КНДР, Иран, Мьянма, Судан, Зимбабве), увеличил размер помощи на восстановление Афганистана и Ирака, а также повысил свой финансовый вклад в ООН.

По мнению китайских исследователей, знакомство с этими требованиями приводит к выводу, что Запад думает лишь о своих интересах, добиваясь того, чтобы Китай защищал направляемый Западом мировой порядок и уважал долгосрочные интересы Запада. Двусторонний подход здесь не просматривается. На Западе не заботятся о том, являются ли эти критерии «ответственности» справедливыми для Китая и какой ущерб они могут нанести китайским государственным интересам. Запад ведет с Китаем «игру интересов», которая в прошлом породила «теорию краха Китая» и «теорию китайской угрозы», а на современном этапе стала причиной возникновения «теории ответственности Китая». Пока эта «игра» не закончится, на Западе будут появляться все новые и новые «теории» относительно Китая, полагают китайские исследователи. США попытались завлечь Китай миражем превращения в «ответственного акционера» и рассказами о «большой двойке», на самом деле они стремятся «озападный» Китай, спровоцировать хаос в китайском обществе и последующий распад государства.

В этой ситуации, подчеркивают исследователи, Китаю нельзя жертвовать своими интересами, поддаваться на лестные оценки китайской мощи и ошибочно переоценивать этап своего развития. «Теория ответственности» опасна потому, что в отличие от рассуждений иностранцев о приближающемся крахе китайской системы или об агрессивных замыслах Китая, она вызывает внутри Китая намного меньше отторжения и потому может быть использована как удобный инструмент подчинения страны западным стандартам.

Общие рекомендации, которые сформулировали Ян Юйлин, Хуан Чжун и Цуй Сюань, отражают нормативный подход, ставший базой для консенсуса в китайских экспертных кругах. Они посоветовали придерживаться принципа единства внутренней ответственности и международной ответственности, при этом внутренняя ответственность важнее международной. Как развивающаяся страна Китай должен сосредоточить усилия на том,

чтобы решать свои проблемы, сохранять стабильность и развиваться. Недопустимо брать ответственность, превосходящую возможности государства и способную нанести ущерб коренным интересам государства и народа. Вместе с тем по мере роста Китай будет брать на себя возрастающую ответственность с учетом баланса прав и обязанностей. Для этого следует углубленно реформировать систему мировой торговли, активно участвовать в мировых делах и укреплять дискурсивную власть Китая. Выполнение своей международной ответственности поможет Китаю продемонстрировать миру, что он способен решать региональные и международные проблемы отличными от Запада способами, повышение привлекательности Китая поможет завоевать доверие мирового сообщества и укрепить международную стратегическую репутацию.

Жэнь Цзе из Академии марксизма АОН Китая исходит из того, что западная «теория ответственности Китая» неблагоприятна для мирного развития страны¹. Он подчеркнул, что между международной и внутренней ответственностью существуют «диалектические отношения», предпосылками международной ответственности выступают стабильность, развитие и процветание внутри страны. Иллюстрацией этого тезиса послужила изложенная в каноническом китайском конфуцианском тексте «Великое учение» («Дасюэ») последовательность действий – сперва человек должен заняться самосовершенствованием, потом привести в порядок дела в своей семье, затем можно управлять государством, и лишь после этого заниматься умиротворением Поднебесной, то есть всего известного древним китайцам мира. Сходным образом государство должно сперва обеспечить экономическое развитие внутри страны и лишь после этого брать на себя ответственность за глобальный мир и развитие. Это в полной мере относится к Китаю, экономическое развитие и стабильность которого являются важным вкладом в мировое развитие.

Слабая и охваченная хаосом страна не может внести позитивный вклад в мировые дела. Более того, нестабильность грозит перекинуться из нее в другие страны, что делает возможным расширение масштаба конфликта. Жэнь Цзе напоминает, что в новое время ослабленный Китай подвергался унижениям со стороны

¹任洁. 中国和平发展面临的主导性国际舆论环境——从“中国威胁论”到“中国责任论” // 中国矿业大学学报 (社会科学版). 2015年 第1期

сильных держав и пребывал в состоянии военной смуты, в те годы он был бессилён внести вклад в защиту мира во всем мире и сам превратился в «площадку соперничества держав», стал регионом военного конфликта. Ныне Китай вносит вклад в мировые проблемы тем, что хорошо решает их внутри страны. К примеру, совместное развитие разных национальностей внутри Китая показывает миру образец гармоничного существования многих культур. Трансформация пути экономического развития в направлении экономии ресурсов, стремление к реализации гармонии человека и природы становятся международным вкладом Китая в охрану окружающей среды и поддержание устойчивости развития.

Китайские эксперты предостерегают, что западная трактовка «ответственности Китая» требует принятия западных ценностей и модели развития, а также согласия со сконструированными западными странами международной системой и международными правилами, Китаю придется стать элементом этой системы. Китай согласен брать на себя ответственность перед всем миром, но не «международную ответственность» в западном понимании, поскольку не намерен брать на себя издержки функционирования руководимой Западом международной системы и «делить тяготы» с западными странами.

Призывы к Китаю немедленно взять на себя «обязательства и ответственность мирового уровня» и увеличить вклад в борьбу с мировым спадом были отвергнуты как скрытые попытки подорвать развитие Китая и поставить его под иностранный контроль. Неизменная нормативная характеристика Китая как «большой развивающейся страны» служила и продолжает служить основанием для отказа от принятия требований, сформулированных по меркам развитых стран. Китай подчеркивает, что на первом месте для него находится обеспечение собственного развития, благодаря которому страна получает возможность играть все более заметную и конструктивную роль в мировой экономике. Чем успешнее Китай будет решать свои проблемы, тем выше будут его международное влияние и ответственность. Китайские эксперты напоминают, что в конце XX века экономические реформы в КНР шли на основе принципов градуализма без шоковых потрясений – сходным образом процесс увеличения глобальной ответственности Китая будет плавным и постепенным, что позволит избежать нежелательных потрясений внутри страны.

На фоне замедления темпов развития входящей в период «новой нормальности» китайской экономики в зарубежных оценках глобальной роли Китая в 2014 – 2016 годах произошла смена акцентов. Место прежних призывов к Китаю взять на себя ответственность за «спасение» мировой экономики заняла очередная волна рассуждений о приближении китайского «краха». Хотя эти прогнозы создают Китаю неблагоприятный международный имидж, они формируют подходящие условия для того, чтобы Китай смог самостоятельно разработать концепцию своей глобальной ответственности и определить ее рамки, не испытывая давления со стороны завышенных ожиданий за пределами страны.

Китай осуществляет модернизацию своих взглядов на взаимодействие с внешним миром, создавая набор инструментов для воздействия на мировые процессы и участия в них. Произошел переход от критического отторжения к творческому переосмыслению и ассимиляции ключевых иностранных концепций. Отношение к западной «теории ответственности Китая» остается настороженным, вместе с тем в официальном политическом лексиконе появилась нормативная характеристика Китая как «ответственной великой державы».

Параллельно Китай адаптировал к своим нуждам западную концепцию «глобального управления». Если в прошлом китайские эксперты критиковали ее как «инструмент западного вмешательства» в дела развивающихся стран, то ныне руководство страны провозгласило курс на участие Китая в глобальном экономическом управлении и реформировании его механизмов.

В первом десятилетии XX века в Китае вели идеологическую критику проникающих извне «всеобщих ценностей» (многопартийность, права человека, разделение властей и т.д.), подчеркивая, что они несут угрозу стабильности Китая и являются отражением ценностей западной цивилизации. С провозглашением в 2012 году в докладе на XVIII съезде КПК нормативного набора из двенадцати китайских «сердцевинных ценностных воззрений» (богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония, свобода, равенство, справедливость, правовое правление, патриотизм, преданность делу, честность, дружественность) произошел переход от оборонительной реакции против вторжения «чуждых» ценностей к активной пропаганде собственных ценностей и идей. Эти процессы

тесно связаны со стремлением Китая обрести «право голоса» в мировых делах и получить возможность формулировать собственную повестку дня.

Широкое заимствование созданного на Западе инструментария не означало принятия Китаем содержания западных ценностей и политических идей. Акцент был сделан на повышении «трех уверенностей» – в «собственном пути», «собственном строе» и «собственной теории» (в 2016 году лозунг «трех уверенностей» трансформировался в «четыре уверенности» за счет добавления требования уверенности в китайской культуре, что указывает на повышение внимания к современному использованию китайской традиции). Руководство Китая призывает избегать копирования иностранных рецептов и вести поиск ответов на проблемы развития внутри страны, а не за ее пределами. При Си Цзиньпине в обсуждение мировой роли Китая вошли этические понятия традиционного конфуцианства о «долге» и «выгоде». Китай подчеркивает, что не будет пренебрегать собственными интересами, но станет больше обращать внимание на свой «долг».

Дискуссии китайских экспертов на тему укрепления «права голоса» Китая на мировой арене тесно связаны с проблемой международной ответственности. Речь идет о способности Китая формулировать собственную повестку дня, отличающуюся от предлагаемого Западом сценария, а также о создании инструментов, позволяющих довести ее до международного сообщества. Китайские эксперты подчеркивали, что экономическая мощь сама по себе не гарантирует Китаю возможности участия в реформировании разработанных Западом международных правил, если китайскому руководству не удастся продвинуть во внешний мир собственные воззрения.

Первым шагом в направлении увеличения нематериального влияния стало провозглашение в конце 2000-х годов политики наращивания «мягкой силы» китайской культуры. Логическим продолжением этого курса стало прозвучавшее в октябре 2014 г. заявление Си Цзиньпина о необходимости создания в Китае «мозговых центров высокого качества с международной известностью и сравнительно большим влиянием». Вслед за проекцией позитивного образа китайской культуры настала очередь создания механизмов

«умной силы»), способных транслировать китайские идеи в зарубежную экспертную среду.

В октябре 2014 года в официальный политический лексикон вошло понятие «дискурсивной власти» (*хуаюйцюань* 话语权). В постановление 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва о «всестороннем продвижении управления страной на основании закона» вошло требование «активно участвовать в выработке международных правил, ... повышать дискурсивную власть Китая и влияние в международных правовых делах; с помощью закона защищать суверенитет, безопасность, интересы развития Китая»¹.

Осенью 2016 года в теоретическом разделе газеты «Жэньминь жибао» появилась статья профессора Института международных отношений Пекинского университета иностранных языков Чжан Чжичжоу. В ней рецептом преодоления слабости китайской дискурсивной власти на фоне западного могущества в этой сфере были названы «ориентация на проблему» и «поиск метода» решения проблем.² Ученый отметил, что международная дискурсивная власть является важным компонентом культурной «мягкой силы» государства. Однако стремление Китая к наращиванию дискурсивной власти сталкивается с трудностями. Стране недостает сил, чтобы дать ответ на искажения китайской политики и «очернение» китайского строя в мировом общественном мнении – возникает ситуация, когда «есть доводы, но говорят нечетко». Китаю недостает возможностей в формировании повестки дня международного общественного мнения, зачастую ее могут лишь пассивно воспринимать. По мнению исследователя, в осуществлении внешней политики и принятии международной ответственности Китай поступает разумно, легитимно и обоснованно, но при этом часто наталкивается на безосновательные обвинения со стороны Запада. Чтобы укрепить китайскую дискурсивную власть, было рекомендовано проводить различие между распространением общих принципов и обсуждением конкретных проблем, добиваться в политических мероприятиях объединения усилий властей, бизнеса, научных кругов и народной дипломатии,

¹中共中央关于全面推进依法治国若干重大问题的决定（二〇一四年十月二十三日中国共产党第十八届中央委员会第四次全体会议通过）//人民日报. 2014年10月29日

²张志洲. 坚持“问题导向”和“方法应用”相结合——切实改变国际话语权“西强我弱”格局 // 人民日报. 2016年09月20日

работать над повышением качества китайского международного дискурса, совершенствовать систему его международного распространения.

Инструменты «мягкой силы» нацелены на продвижение образа мирной и бесконфликтной китайской культуры, способной стать ценностным фундаментом для китайского подхода к созданию нового типа международных отношений, обеспечивающих возможность «всеобщего выигрыша». Си Цзиньпин продвигает концепцию «общности судьбы человечества» (*жэньлэй минъюнь гунтунти* 人类命运共同体), которая предполагает наличие между разными странами общих интересов, но не обязывает принимать чужие правила игры.

Китай выделяет двустороннюю ответственность, подчеркивая, что наибольшую выгоду получают страны, сотрудничающие с ним. Все более заметный вес получает китайская инициатива «одного пояса и одного пути» (создание «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века»), способная, по мнению китайской стороны, стимулировать развитие многих стран Евразии.

Китайские эксперты рассматривают эту инициативу в широком контексте ответственности Китая. «Осуществление стратегии «одного пояса и одного пути» не только благоприятно для реформы и открытости Китая, для продвижения сотрудничества и взаимного выигрыша стран Азии, Европы, Африки и всего мира, для открытия новой главы активного участия Китая в глобальном управлении, но также явно укрепит дискурсивную власть и влияние Китая в системе глобального управления»¹.

Подобный подход опирается на тезис о том, что Китай способен стать выразителем интересов развивающихся стран и новых растущих экономик (прежде всего БРИКС), сталкивающихся с проблемой дефицита собственной дискурсивной власти перед лицом «дискурсивной гегемонии» Запада. Их недовольство обусловлено тем, что после международного финансового кризиса 2008 года Запад демонстрирует неспособность справиться с решением глобальных проблем. В этой ситуации международное сообщество все больше размышляет о недостатках системы глобального управления.

¹刘再起, 王蔓莉. “一带一路”战略与中国参与全球治理研究——以话语权和话语体系为视角 // 学习与实践. 2016年第4期第69页

Развивающиеся страны хотят укрепить дискурсивную власть, чтобы обрести больше возможностей для равноправного участия в процессах глобализации.

На этом фоне реализация китайской инициативы «одного пояса и одного пути» демонстрирует внешнему миру, что у Китая есть «чувство миссии большого ответственного государства». Дело не ограничивается материальной стороной – строительством инфраструктуры и расширением потока китайских инвестиций. Работа над проектом «пояса и пути» дает Китаю уникальную возможность накопить опыт координации экономической деятельности разных стран, добиться укрепления политического доверия, повысить в странах «пояса и пути» уровень понимания китайской культуры и китайских ценностей. Залог успеха китайские эксперты видят в том, что в основе «одного пояса и одного пути» лежит стратегия, опирающаяся на полностью новую дискурсивную систему, которую конструирует Китай.

Китайские исследователи обращают пристальное внимание на реальные проблемы, связанные с планами расширения участия Китая в глобальном управлении. Член НПКСК, член Научного совета АОН Китая и руководитель Отделения международных исследований АОН Китая Чжан Юньлин поставил вопрос о том, каким должно быть место Китая в разворачивающейся «игре правил» глобального управления¹.

В частности, Китаю следует определить свою позицию в отношении «игры» с разработкой и принятием норм Транстихоокеанского партнерства. Ученый подчеркнул, что появление ТТП повлияет в основном не столько на торговлю как таковую, сколько на будущее направление развития международных правил. Китаю следует сочетать позицию внимательного заинтересованного наблюдателя с разработкой собственных действий, настойчивым продвижением вперед для достижения желаемого результата. Чжан Юньлин отметил, что стратегия продвижения Китаем зон свободной торговли уже вошла в партийные документы, чего в прошлом никогда не было. Следует стремиться к тому, чтобы Китай не только участвовал в утверждении соответствующих правил, но и сам выступал их создателем.

¹张蕴岭. 中国如何参与全球治理和规则博弈 // 世界知识. 2016 年第 15 期

Авторитетный ученый отметил, что рынки Европы и США чрезвычайно важны для Китая, однако страна не может немедленно войти в ТТП, не говоря уже о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). В новой «игре правил» Китай не может оставаться в состоянии пассивного ожидания и размышлений о том, нужно ли ему вступать в ТТП. Если исходить из реальности, у Китая еще нет условий для вступления, к тому же требуется время понаблюдать за развитием событий – даже если все пойдет успешно, ТТП сможет вступить в силу только в 2018 или 2019 году. Эксперт рекомендовал начинать с обсуждения соглашений по инвестициям, если окажется, что Китаю и США трудно создать зону свободной торговли, можно будет сперва провести переговоры с ЕС, а также продвигать переговоры по многосторонним международным инвестиционным соглашениям.

Чжан Юньлин подчеркнул, что как возвышающееся большое государство Китай должен делать большие дела и продвигать большой стратегический замысел. Крупная инициатива «одного пояса и одного пути» предоставила Китаю площадку для того, чтобы играть направляющую роль в разработке повестки дня и поиске форм сотрудничества. Эта инициатива «подняла великое знамя развития и сотрудничества нового типа», Китай поддержал эту инициативу с помощью новых механизмов сотрудничества – это Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути. Если США говорят, что взяли на себя руководящую роль в разработке норм новой открытости, тогда Китай будет направлять разработку норм нового развития и сотрудничества. По мнению ученого, мир действительно должен стать более открытым, однако еще более он нуждается в развитии и сотрудничестве. Создаваемые США нормы могут охватить лишь малое количество стран, они «интравертны». Китай продвигает новое развитие и сотрудничество, эти проблемы стоят перед всеми странами, поэтому эти нормы «экстравертны», они формируют «открытый регионализм» и «открытый глобализм». Благодаря этому Китай как развивающаяся страна обретает командные высоты и дискурсивную власть.

Китайские эксперты отмечают, что за три с лишним десятилетия осуществления политики реформ и открытости страна перешла от пассивного восприятия глобального экономического порядка к активному участию в его созидании. Заведующий отделом

глобального управления Института мировой экономики и политики АОН Китая Хуан Вэй выделил три периода в развитии глобального управления после завершения Второй мировой войны¹.

1944 – 1975 годы были периодом «жесткого управления» под руководством США. После завершения войны экономика Европы лежала в руинах, ВВП США составлял половину мировой экономики, что позволило США создать ключевые международные экономические институты – МВФ, ВБ и ГАТТ. Потом наступил период «мягкого управления Севера» под руководством G7, продлившийся с 1975 по 2007 год. Западные страны, где проживало 15% населения земли, держали в руках 60% мирового ВВП, с присоединением Японии пропорция стала выше 70%. Благодаря усилиям «семерки» ВБ и МВФ стали основными каналами распространения «вашингтонского консенсуса», G7 сыграла важную роль в преодолении кризиса доллара, нефтяного кризиса и последствий распада бреттон-вудской системы.

В 2008 году наступил новый период «совместного управления Юга и Севера», которому присуще многообразие субъектов, методов и концепций управления. Расширение плюрализма ведет к повышению дискурсивной власти новых экономик, распространяются сомнения в применимости управленческой идеологии «вашингтонского консенсуса». В отличие от прошлого, в международных структурах звучат разные голоса: в частности, МВФ признал необходимость «контроля над капиталом» в особо определенные периоды. В целом созданная после Второй мировой войны система глобального управления более не удовлетворяет запрос мирового сообщества на предоставление глобальных общественных благ, что привело к появлению G20, БРИКС и «одного пояса и одного пути». Глобальное управление становится более многообразным и многослойным. По мнению Хуан Вэя, это дает возможность Китаю в ближайшие пять – десять лет проявить себя не только в разработке концепций управления, но и в практическом создании сетей управления на глобальном и региональном уровне.

¹黄薇. 全球经济治理变迁与中国应对战略 // 当代世界. 2016 年 第 2 期

Позиция властей: осуществление ответственности через реформу глобального управления

Заявления и решения китайского руководства демонстрируют рост внимания к проблеме участия Китая в глобальном управлении и определению баланса прав и обязанностей. 26 сентября 2015 года на Генассамблее ООН Си Цзиньпин подчеркнул, что каждая страна должна быть участником глобального развития, вносить в него свой вклад и получать от этого развития выгоды¹. Вместе с тем необходимо учитывать существующие между странами различия возможностей и уровней развития, поэтому «при единых целях следует брать общую, но различающуюся ответственность». Сходную позицию Китай занимает и в отношении определения собственной ответственности за мировое развитие.

Си Цзиньпин призвал «совершенствовать глобальное экономическое управление», повышать «представленность» и «дискурсивную власть» развивающихся стран, дать всем странам право равного участия в глобальном управлении и в разработке его норм. В данном случае речь также идет о позиции Китая, стремящегося стать участником реформирования глобального управления.

Практическими воплощениями ответственности Китая стали обещания создать «Фонд сотрудничества и помощи Юг-Юг» с капиталом в 2 млрд долларов, увеличить китайские инвестиции в наиболее экономически неразвитые страны к 2030 году до 12 млрд долл., а также списать их долги. Китай намерен создать Центр знаний международного развития, призванный вместе с другими странами вести изучение проблем теории и практики развития исходя из национальной специфики. Было сказано и о предложении создать глобальную энергетическую сеть, способную экономно и с учетом требований экологии удовлетворять мировые потребности в электроэнергии. Помимо этого, китайский лидер выразил намерение строить «один пояс – один путь», продвигать работу АБИИ и Инвестиционного банка БРИКС. Китай демонстрирует, что готов увеличить свой вклад в мировое развитие, используя для этого собственные институты и проекты.

¹习近平在联合国发展峰会上的讲话(全文). 2015年09月27日 04:55:25 来源: 新华网
URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/27/c_1116687809.htm

Заслуживает внимания состоявшаяся 12 октября 2015 года 27-ая коллективная учеба Политбюро ЦК КПК 18-го созыва, которая была посвящена теме глобального управления¹. Коллективная учеба китайского Политбюро как специфическая форма коммуникации между властью, научным сообществом и обществом была создана в 2002 году. Для выступления перед партийными руководителями с лекцией на актуальную тему приглашают одного-двух авторитетных представителей научных кругов. В октябре 2015 года членам Политбюро о «ситуации в глобальном управлении и системе глобального управления» докладывал профессор Цинь Яцин из Института международных отношений.

По сложившейся в Китае практике выступление приглашенного ученого не публикуется. В официальном сообщении о проведенной коллективной учебе главное место занимает изложение комментариев генсека ЦК КПК. Это помогает не только привлечь внимание к важной для развития Китая проблеме, но также указать направление дальнейших поисков ее решения. Однако в данном случае информация представляла несомненный интерес для внешнего мира, поскольку речь шла о понимании китайским руководством проблем реформирования глобального управления и ответственности Китая как выразителя интересов широкого круга развивающихся стран.

В сообщении о 27-ой коллективной учебе говорилось, что Си Цзиньпин подчеркнул: система глобального управления находится в точке исторического поворота. Это связано с глубоким изменением баланса сил в мире и быстрым ростом значительного числа развивающихся стран, что ведет к увеличению их влияния. По словам китайского лидера, это «наиболее революционное изменение международного баланса сил в новое время». Обратившись к истории, партийный руководитель отметил, что за несколько столетий сильные державы через войны, колониализм, разделение сфер влияния и другие способы завоевания выгоды и гегемонии сумели постепенно продвинуть во все страны свои институциональные правила координации отношений и интересов. Очевидно, что подобная постановка вопроса поставила под сомнение легитимность происхождения западного миропорядка.

¹习近平在中共中央政治局第二十七次集体学习时强调——推动全球治理体制更加公正更加合理 为我国发展和世界和平创造有利条件 // 人民日报. 2015年10月14日

Си Цзиньпин сказал, что ситуация в мире создает возрастающую потребность в том, чтобы все страны действовали через совместное обсуждение, создавали международные механизмы, соблюдали международные нормы. Он отметил, что стремление к международной справедливости стало консенсусом большинства государств. Развитие экономической глобализации все теснее соединяет воедино интересы и судьбы всех государств мира, формирует взаимопроникающее «сообщество интересов», на глобальные вызовы нужно отвечать сплочением сил всех государств.

Развивая эту мысль, Си Цзиньпин подчеркнул, что вслед за увеличением глобальных вызовов появилась тенденция укрепления глобального управления и продвижения изменений системы глобального управления. По его словам, это относится не только к ответу на различные глобальные вызовы, но и к определению правил и направления эволюции международного порядка и международной системы. Также это касается не только завоевания господствующих позиций для развития, но и определения места и роли каждого государства в долгосрочной институциональной организации международного порядка и международной системы. Си Цзиньпин указал на действия Китая в данной сфере за последние несколько лет – выдвижение инициативы «одного пояса и одного пути», призыв к созданию «нового типа международных отношений, имеющих в сердцевине сотрудничество и совместный выигрыш», приверженность «правильному взгляду на долг и выгоду», конструирование «сообщества судьбы человечества». Эти и другие идеи и шаги «следуют течению эпохи, соответствуют интересам всех стран, увеличивают область общих интересов Китая и всех стран».

Конфликты и несправедливость в современном мире возникают, по мнению Си Цзиньпина, не потому, что основные положения и принципы Устава ООН устарели, а как раз потому, что они не выполняются полностью. Поэтому следует отстаивать международный порядок и международную систему, в центре которых лежат основные положения и принципы Устава ООН, защищать и укреплять итоги победы во Второй мировой войне, «активно защищать международную экономическую систему открытого типа», «под четким знаменем выступать против торгового и инвестиционного протекционизма».

Партийный лидер отметил, что необходимо исходить из национальной специфики Китая и придерживаться статуса

развивающейся страны. Он призвал соединять защиту интересов Китая с защитой общих интересов многих развивающихся стран, придерживаться взаимного баланса прав и обязанностей, не только смотреть на обращенные к миру требования китайского развития, но также смотреть на ожидания мирового сообщества в отношении Китая.

Далее Си Цзиньпин указал на необходимость изменения «несправедливого неразумного устройства» в системе глобального управления. В частности, следует реформировать МВФ, ВБ и другие мировые экономические финансовые организации, чтобы они реально отражали изменения мировой ситуации. Особое внимание следует уделить увеличению представительства и права слова стран с новыми рыночными экономиками и развивающихся стран. Китайский лидер призвал продвигать для всех стран равенство прав, шансов и правил в международном экономическом сотрудничестве. Также следует заниматься демократизацией и укреплением правового характера правил глобального управления. Нужно стараться сделать так, чтобы система глобального управления более сбалансировано отражала чаяния и интересы большинства государств.

Самые важные тезисы прозвучали в конце. Си Цзиньпин заявил, что изменение системы глобального управления неотделимо от направляющих концепций. Стремление добиться того, чтобы правила глобального управления воплощали более справедливые и разумные требования, неотделимо от впитывания всех лучших достижений человеческой цивилизации. Развивая эти тезисы, китайский лидер призвал к «инновационному развитию концепций глобального управления», к активному выявлению внутри китайской культуры подходов и идей управления, резонирующих с современной эпохой. В частности, следует продолжать обогащать и формировать идею «сообщества судьбы человечества» и прочие концепции, предложенные китайской стороной. Речь идет не только о коррекции существующих норм, но и о привнесении в них нового ценностного содержания, созданного за пределами западной цивилизации.

В этом выступлении Си Цзиньпина впервые появилась концепция «совместного обсуждения, совместного создания и совместного использования» (*гуншан гунцзянь гунсян 共商共建共享*) в глобальном управлении. Впоследствии она стала краеугольным камнем идеологической подготовки китайского председательства на саммите G20 в Ханчжоу в сентябре 2016 года.

Помимо этого, по итогам 27-ой коллективной учебы Политбюро Си Цзиньпин указал на необходимость увеличения «строительства способностей и стратегического участия» Китая в глобальном управлении. Немаловажными стали его призывы укреплять теоретические исследования глобального управления и с высокой степенью внимания относиться к подготовке кадров для глобального управления. Принимаемые на этой основе организационные решения помогают Китаю сделать обсуждение проблем глобального управления и глобальной ответственности обоснованным и профессиональным.

Спустя пару недель после коллективной учебы по глобальному управлению в конце октября 2015 года состоялся 5-ый пленум ЦК КПК 18-го созыва, главной темой которого стало утверждение общих положений плана 13-ой пятилетки. На пленуме впервые были представлены «пять больших идей развития» Китая – «инновация», «координация», «зеленый окрас (т. е. забота об экологии)», «открытость» и «совместное использование». Идея совместного доступа всех членов китайского общества к результатам развития была обозначена теми же иероглифами (*гунсян* 共享), что и появившаяся незадолго до этого концепция «совместного использования» всеми членами международного сообщества благ от совместно разработанных и созданных механизмов глобального управления. Китайские политические комментаторы постоянно привлекали внимание к этой общности, подчеркивая, что китайские инициативы в области глобального управления опираются на богатый опыт успешного развития национальной экономики. Обращенные Китаем к внешнему миру и к внутренним экономическим планам концепции взаимосвязаны, они используют китайский интеллектуальный ресурс, отражают китайское осмысление требований справедливого и разумного развития.

Проблемы мировой ответственности Китая и его участия в глобальном управлении получили углубленную трактовку в «Предложениях ЦК КПК по составлению 13-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития», принятых на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва 29 октября 2015 года. План 13-ой пятилетки (2016-2020 годы) был официально принят в марте 2016 года на сессии ВСНП. Особенность этого плана в том, что он отражает политические приоритеты нынешнего руководства во главе с Си Цзиньпином и должен быть воплощен в жизнь в период его

нахождения у власти. Пребывание Си Цзиньпина на посту генерального секретаря ЦК КПК должно завершиться осенью 2022 года на XX съезде КПК, весной 2023 года на сессии ВСНП он должен будет покинуть пост председателя КНР.

Участие Китая в глобальном экономическом управлении и связанные с этим вопросы международной ответственности нашли отражение в нескольких разделах «Предложений ЦК КПК по составлению 13-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития». Появление этих сюжетов в программе новой пятилетки указывает на их сопряжение с планами социально-экономического развития страны.

В разделе 2 «Предложений», указывающем на главные задачи и основные концепции пятилетки, содержатся характеристики «пяти больших идей развития». При разъяснении сути идеи открытости было сказано, что необходимо «обеспечить развитие более высокого уровня экономики открытого типа, активно участвовать в глобальном экономическом управлении и предоставлении общественных благ, повышать институциональную дискурсивную власть Китая в глобальном экономическом управлении, создавать широкое сообщество интересов»¹.

Детализацию эти указаний можно найти в разделе 6, посвященном проблемам внешней открытости китайской экономики. В пункте 5 указанного раздела говорится об «активном участии в глобальном экономическом управлении». В годы 13-ой пятилетки Китай собирается «продвигать реформирование и совершенствование системы международного экономического управления», «активно направлять глобальную экономическую повестку», «продвигать развитие международного экономического порядка в направлении равенства и справедливости, сотрудничества и совместного выигрыша». Помимо этого, поставлены задачи укрепления международной координации макроэкономической политики и поддержания глобального экономического равновесия, активного участия Китая в разработке новых международных норм, продвижении многосторонних торговых переговоров и формировании системы «справедливых, разумных, прозрачных международных торговых

¹中国共产党第十八届中央委员会第五次全体会议文件汇编. 北京：人民出版社，2015. 第 32 页，

правил». В документе заявлено о поддержке равноправного участия развивающихся стран в глобальном экономическом управлении и о стремлении Китая способствовать реформированию международной валютной системы и международного финансового контроля.

Следующий пункт 6 раздела 6 «Предложений» озаглавлен «Активно брать на себя международную ответственность и обязанности». В нем указано, что Китай будет поступать таким образом исходя из принципа «общей, но имеющей различия ответственности», принципа равенства, принципа «от каждого по способности». Китайские усилия будут нацелены на участие в переговорах по борьбе с климатическими изменениями и выполнение обязательств по сокращению выбросов.

В новой пятилетке Китай намерен увеличить масштабы предоставляемых развивающимся странам безвозмездных консалтинговых услуг в области составления планов развития и экономической политики, а также подготовки кадровых ресурсов. Предполагается расширить сотрудничество и оказание помощи в сферах науки и образования, медицины и здравоохранения, борьбы со стихийными бедствиями, охраны окружающей среды, защиты диких животных и растений, сокращения бедности. Также будет увеличено предоставление гуманитарной помощи. Помимо этого, в планы пятилетки включено активное участие Китая в реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 года.

Третья группа мероприятий, имеющих отношение к глобальной ответственности Китая, касается защиты общей международной безопасности. Речь идет о противодействии всем формам терроризма, об активной поддержке и участии в миротворческих операциях ООН, усилении международного сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия. В документе также говорится о намерении Китая быть участником разрешения острых и чувствительных проблем, а также контроля над ними. Китай планирует участвовать в совместной защите безопасности международных транспортных путей и глобальных сетей, продвигать международное сотрудничество в борьбе с коррупцией.

Примечательной особенностью «Предложений» в области международной ответственности и глобального управления является сочетание выдвижения собственных китайских инициатив с участием в

деятельности уже существующих механизмов. Пояснение китайского подхода к балансированию этих двух тенденций можно найти в публикации Дэн Цинкэ (Центр обслуживания исследования и изучения инновации партийной теории провинции Хунань), озаглавленной «Необходимо активно привносить “китайскую силу” в продвижение создания нового международного порядка»¹. Автор предложил покончить с несколькими распространенными заблуждениями. Прежде всего, Китай не удовлетворится ролью «ночного сторожа мировых правил». Запад ошибается, полагая, что китайцы способны лишь приспособливаться к международным нормам. В качестве ответственного большого государства Китай намерен играть активную роль в разработке новых правил и предлагать в процессе создания нового международного порядка наполненный китайской мудростью «китайский продукт». С другой стороны, ошибаются те, кто обвиняет Китай в стремлении разрушить мировой порядок или постоянном желании обходить правила. Китай станет важным защитником создаваемого с его участием нового мирового порядка и будет честно следовать его правилам. Попытки охарактеризовать Китай как получателя односторонних выгод от участия в существующем наборе международных правил также являются заблуждением, по сути это вариация на тему «теории ответственности Китая». Китай вносит все более заметный вклад в мировое развитие, на деле он «толкает тележку», а вовсе не пытается на ней «прокатиться» за чужой счет.

В 2016 году в политическом лексиконе быстро распространилось и обрело популярность сочетание «китайский план» (*Чжунго фанъань* 中国方案). Подразумевалось, что главным адресатом этого плана является международное сообщество, заинтересованное в активном участии Китая в реформировании глобальной системы. С явным прицелом на предстоящий саммит G20 в телевизионном поздравлении с новым 2016 годом Си Цзиньпин сказал: «Мир такой большой, проблем так много, международное сообщество ждет услышать голос Китая, увидеть планы Китая (*Чжунго фанъань*), место Китая не может пустовать»².

Китайские авторы обратили внимание, что понятие «китайский план» стало альтернативой рассуждениям иностранных экспертов о

¹ 邓清柯. 为推动建立国际新秩序积极注入“中国力量” // 光明日报. 2015年11月13日

² 国家主席习近平发表二〇一六年新年贺词 // 人民日报. 2016年01月01日

«китайской модели», возникшим в период быстрого развития экономики КНР¹. За рубежом о «китайской модели» говорят много, но китайские официальные круги относятся к этой концепции с настороженностью, они не признают существования «китайской модели». Причина в том, что «модель» должна обладать всеобщностью. Однако Китай не намерен навязывать свой путь развития и потому не заинтересован в подчеркивании его универсальности. Подобный подход оставляет Китаю широкое пространство для критики Запада за его мечты о «конце истории» и повсеместном триумфе «западной модели». Возникает возможность подчеркнуть, что китайская инклюзивность и ориентация на общий выигрыш выгодно отличаются от западной исключительности и стремления к противопоставлению одного другому. В «китайской модели» нет жестких стандартов, она отражает практику китайского развития, и потому накопленный Китаем опыт успешных постепенных преобразований более уместно охарактеризовать как «китайский план», который можно корректировать в зависимости от изменения ситуации. «Китайский план» не сулит чудесного исцеления от всех болезней – это выросшая из традиции национальной культуры «практическая философия развития», нацеленная на решение конкретных проблем.

В речи по поводу 95-летия создания КПК 1 июля 2016 года Си Цзиньпин вновь упомянул о «китайском плане». Он заявил: «Всем партийным товарищам нужно твердо запомнить, что мы будем строить специфический китайский социализм, а не какой-то другой “-изм”. История не закончилась, она и не может закончиться. Хорош или нет специфический китайский социализм, тут нужно смотреть на практику, смотреть на мнение китайского народа, не нужно смотреть на субъективные суждения некоторых людей с предвзятыми взглядами. Члены КПК и китайский народ полностью уверены в том, что могут предложить человечеству китайский план в поисках лучшего общественного строя»².

«Китайский план» может выступать и как обобщение успехов Китая в проведении реформ, и как указание на китайские инициативы

¹张远晴. 中国方案植根于中国实践 // 学习时报. 2016年9月5日

²习近平. 在庆祝中国共产党成立95周年大会上的讲话 (2016年7月1日) // 人民日报. 2016年07月02日

в области реформирования глобального управления. В первом случае речь идет о движении страны по пути специфического социализма, во втором – о придании мировой системе глобального управления более справедливого и разумного характера, расширении влияния развивающихся стран включая Китай.

Бывший директор Института мировой экономики Китайской академии современных международных отношений Чэнь Фэнъин отметила, что в области теории Китаю необходимо вести поиск новой модели глобального управления, создавать справедливые и разумные новые правила глобального управления. Китайские власти постоянно ищут новые идеи и новые формы для глобального управления – сюда можно отнести инициативу «одного пояса и одного пути», создание АБИИ, идею нового типа международных отношений, построенных на совместном выигрыше, предложение наладить с США отношения больших государств нового типа «без конфликтов, без противостояния, со взаимным уважением, сотрудничеством и взаимным выигрышем», стремление придерживаться в отношениях с развивающимися странами правильного взгляда на долг и выгоду, в отношениях с сопредельными странами – принципов «близости, искренности, благодеяния и инклюзивности», предложение создать «сообщество судьбы человечества».

По мнению ученого, китайские концепции глобального управления соответствуют течению времени и отвечают интересам всех стран. Они позволяют «продвигать перемены в системе глобального управления, активно направлять глобальную повестку дня, продвигать развитие мирового порядка в направлении равенства и справедливости, сотрудничества и взаимного выигрыша – для Китая это ответственность большого государства и международная обязанность»¹. Чэнь Фэнъин предположила, что если «китайские планы» будут задавать направление реформирования системы глобального управления, это поможет развитию дискурсивной власти новых растущих рыночных стран и развивающихся стран.

¹陈凤英. 用“中国方案”推动全球治理体制更加公正合理 // 紫光阁. 2016 年第 8 期 第 32 页.

«Китайские планы» на саммите G20 в Ханчжоу

Проведение в 2016 году на территории КНР крупного и авторитетного международного форума – саммита «двадцатки» - дало уникальную возможность представить внешнему миру «китайские планы» и сделать их частью глобальной повестки дня. Выступления Си Цзиньпина на саммите в Ханчжоу раскрывают китайское понимание мировых проблем и перспектив участия Китая в их решении. Заметное развитие получил тезис о реализации международной ответственности Китая через стимулирование реформирования системы глобального экономического управления.

Китайская трактовка мировых тенденций и проблем была представлена в речи Си Цзиньпина на открытии саммита G20 4 сентября 2016 года¹.

Китайский лидер напомнил, что G20 появилась восемь лет назад в самый напряженный момент международного финансового кризиса. Ее миссией было налаживание партнерства для того, чтобы вернуть стабильность мировой экономике и поставить ее на путь восстановления. К настоящему времени стало ясно, что прежние факторы роста мировой экономики утратили свою эффективность – новая научно-техническая и промышленная революция еще не сформировалась как тенденция, в основных экономиках происходят старение общества и снижение роста народонаселения, продвижению экономической глобализации препятствует протекционизм, многосторонние торговые механизмы подвергаются нападкам. В области реформирования финансового надзора и управления был достигнут очевидный прогресс, но все равно сохраняются риски высокой закредитованности и образования «пузырей». На этом фоне, подчеркнул Си Цзиньпин, мир ждет, что саммит G20 выпишет «рецепт, нацеленный на лечение причин и симптомов заболевания и содержащий комплекс мероприятий, которые позволят мировой экономике выйти на путь сильного, устойчивого, сбалансированного, инклюзивного роста».

Китайский лидер указал на необходимость создать новый способ роста мировой экономики через инновации, структурные

¹中华人民共和国主席 习近平. 构建创新、活力、联动、包容的世界经济 ——在二十国集团领导人杭州峰会上的开幕辞 (2016年9月4日, 杭州) // 人民日报. 2016年09月05日

реформы, новую промышленную революцию и развитие цифровой экономики. Он также подчеркнул, что следует усовершенствовать глобальное экономическое управление и его механизмы. Особое внимание было уделено созданию мировой экономики открытого типа, продвижению либерализации и облегчения процедур торговли и инвестиций: «Протекционизм похож на попытку утолить жажду отравленным вином: кажется, что краткосрочно он может ослабить давление внутри одной страны, но долгосрочно причиняет себе и мировой экономике трудновосполнимый ущерб». С помощью выражения из древнего конфуцианского текста «Мэн-цзы», Си Цзиньпин призвал страны G20 не пытаться «использовать поле соседа для отвода воды», то есть не решать проблемы за чужой счет – всем нужно решительно выступить за открытую экономику и дать обязательство не принимать новые протекционистские меры.

Китайский лидер посоветовал использовать подталкивающий мировое экономическое развитие эффект взаимосвязи, создаваемый строительством инфраструктуры коммуникаций. Также следует помочь развивающимся странам, мелким и средним предприятиям глубже войти в глобальные цепочки создания стоимости. Си Цзиньпин подчеркнул, что нужно осуществить всеобщую надежду на «совместное развитие» народов всех стран мира, особенно народов развивающихся стран. Он отметил, что согласно данным статистики, общемировой уровень измеряющего степень экономического неравенства коэффициента Джини уже дошел до 0,7 и преодолел общепризнанную «опасную черту» 0,6 – это должно привлечь высокую степень внимания со стороны G20. Следует уменьшить неравенство и несбалансированность глобального развития, чтобы народы всех стран «совместно пользовались» результатами роста мировой экономики.

Четыре направления деятельности G20, необходимые для обеспечения стабильности и процветания мировой экономики, Си Цзиньпин сформулировал в китайском понятийном лексиконе, подчеркнув тем самым применимость китайского подхода к решению глобальных проблем. Во-первых, G20 следует «продвигаться вместе с эпохой» (*юй ши цзю цзинь* 与时俱进) и выполнять руководящую роль, урегулировать направление собственного развития в соответствии с запросами мировой экономики, осуществить переход от борьбы с кризисом к долгосрочным механизмам управления, указать направление и проложить путь мировой экономике. Во-вторых,

должно быть «единство знания и действия» (*чжи син хэ и* 知行合一), нужно заниматься практической деятельностью, лучше сделать одно дело, чем раздать тысячу обещаний. В-третьих, нужно «совместно строить и совместно пользоваться» (*гунцзянь гунсян* 共建共享), создавать площадку для сотрудничества и механизмы деятельности G20, гарантировать, что сотрудничество будет продолжаться и углубляться. Китайский лидер призвал «широко впитывать добрые слова», то есть выслушивать пожелания всех стран, в особенности развивающихся, дабы у G20 стало еще больше инклюзивности и она могла еще лучше отвечать на требования народов всех стран. В-четвертых, «находящимся в одной лодке следует объединить усилия» (*тунчжоу гунци* 同舟共济), продвигать дух партнерства G20, движимый общим настроем на обеспечение экономического роста, преодоление вызовов кризиса и осуществление совместного развития.

Расширенная картина взаимосвязи планов развития Китая и мировых тенденций была представлена в выступлении Си Цзиньпина на встрече деловых кругов «двадцатки» 3 сентября 2016 года¹. Он отметил, что вслед за ростом объема китайской экономики и непрерывным углублением сотрудничества с миром, направление развития китайской экономики вызывает во внешнем мире все больший интерес. Си Цзиньпин назвал три вопроса, которые заботят иностранцев: «Сможет ли китайская экономика обеспечить устойчивый стабильный рост? Будет ли Китай продвигать вперед реформу и открытость? Сможет ли Китай избежать попадания в “ловушку среднего уровня доходов”?»

Си Цзиньпин заявил, что «дела говорят лучше слов», и Китай своими практическими действиями уже дал ответы на эти вопросы. В частности, в обнародованный в начале 2016 года план 13-ой пятилетки вошли идеи инновационного, скоординированного, «зеленого», открытого и общедоступного развития, нацеленные на преодоление несбалансированности, нескоординированности и неустойчивости в экономике КНР. По словам китайского лидера, сегодня страна «находится на новой исторической начальной точке» всестороннего углубления реформ, увеличения новых движущих сил экономического и социального развития, адаптации к новой нормальности

¹习近平出席2016年二十国集团工商峰会开幕式并发表主旨演讲——中国站新的历史起点 二十国集团要推动建设创新、开放、联动、包容的世界经济 // 人民日报. 2016年09月04日

экономического развития, трансформации способа экономического развития, углубления сотрудничества с внешним миром и углубления открытости. «Мы убеждены, что можем обеспечить средневысокие темпы экономического роста, продолжить осуществлять собственное развитие и одновременно принести миру еще больше шансов на развитие».

Си Цзиньпин сообщил, что Китай намерен углублять участие в процессе экономической глобализации, поддерживать многосторонние торговые механизмы, заключать соглашения о свободе торговли и инвестициях, продвигать создание внутри страны экспериментальных зон свободной торговли с высокими стандартами, осуществлять рыночное реформирование курса юаня, постепенно открывать внутренний рынок инвестиций и одновременно продвигать юань к выходу вовне, повышая уровень интернационализации финансовой отрасли. «Развитие Китая получает выгоды от международного сообщества, Китай также хочет предоставить международному сообществу еще больше общественных благ». Си Цзиньпин указал на инициативу «одного пояса и одного пути», которая дает находящимся вдоль этих маршрутов странам «шанс воспользоваться развитием Китая, осуществить общее процветание»; тем временем АБИИ начал играть активную роль в создании инфраструктуры в регионе.

При этом Китай не противопоставляет себя мировому сообществу. «Я хочу особо подчеркнуть, что Китай предлагает новые механизмы и новые инициативы не для того, чтобы начать все заново (букв. – “сложить другой очаг”), и тем более не нацеливает их против кого-либо, но для осуществления полезного дополнения и усовершенствования существующих международных механизмов. Целью является осуществление сотрудничества и общего выигрыша, совместного развития. Открытость Китая внешнему миру требует не “сольного выступления одной семьи”, а приглашения всех сторон к совместному участию; Китай не добивается сферы влияния, а поддерживает совместное развитие всех стран; не создает цветник на собственном заднем дворе, а создает сад ста цветов, которым совместно наслаждаются все страны», – заявил Си Цзиньпин. Он отметил, что перспективы развития Китая со временем будут становиться все лучше, поэтому вклад Китая в мировые дела обязательно будет возрастать.

Китайский лидер стремился продемонстрировать, что действия Китая соответствуют направлению общих усилий по обеспечению роста мировой экономики.

Во-первых, нужно создавать мировую экономику инновационного типа. Китайская сторона сделала инновационный способ роста главной темой саммита в Ханчжоу, благодаря чему G20 впервые занимается этой темой.

Во-вторых, следует строить мировую экономику открытого типа, расширяя пространство для сотрудничества: «История развития мировой экономики подтверждает, что открытость приносит прогресс, закрытость ведет к отсталости. Возвращение на старый путь решения проблем за чужой счет не только не поможет преодолеть собственный кризис и деградацию, но и сократит общее пространство мировой экономики, приведет к ситуации “двойного проигрыша”».

Чтобы охарактеризовать желаемое состояние мировой экономики, Си Цзиньпин использовал цитату из древнего текста «Го юй». В ней говорилось о том, как мудрый правитель Вэнь-гун «облегчил пошлины, взимаемые на заставах, и выровнял дороги, создав удобства для торговли и благоприятные условия для крестьян»¹ (*цингуань идао, туншан куаньнун* 轻关易道, 通商宽农). В современных понятиях это означает упрощение таможенных правил, развитие транспортной инфраструктуры, упрощение правил ведения бизнеса и облегчение бремени сельскохозяйственного производителя. По словам Си Цзиньпина, эта фраза выражает смысл строительства мировой экономики открытого типа. Он напомнил, что китайская сторона сделала торговлю и инвестиции важной темой саммита G20, который призван выработать стратегию роста мировой торговли, руководящие принципы глобальных инвестиций, укрепить многосторонние торговые механизмы, заново подтвердить обязательства борьбы против протекционизма.

В-третьих, нужно строить мировую экономику взаимосвязанного типа, сплотить силы взаимодействия. По словам Си Цзиньпина, в эпоху экономической глобализации ни одно государство не может добиться улучшений лишь для себя, поэтому координация

¹ Го юй (Речи царств). Перевод с китайского, вступление и примечания В.С. Таскина. М. Наука ГРВЛ, 1987. С. 178

усилий становится неизбежным выбором. Он подчеркнул, что китайская сторона выступила с инициативой повышения взаимосвязанности глобальной инфраструктуры.

В-четвертых, надо строить мировую экономику инклюзивного типа, создавать основу для взаимного выигрыша. Си Цзиньпин отметил, что борьба с бедностью и голодом, продвижение инклюзивного и устойчивого развития являются не только моральной ответственностью мирового сообщества, эти меры способны высвободить «не поддающийся оценке эффективный спрос». Чтобы экономическая глобализация стала более инклюзивной, на саммите G20 в Ханчжоу проблема развития впервые заняла центральное место в структуре глобальной макрополитики. Саммит впервые принимает план действий по устойчивому развитию до 2030 года и впервые поддерживает сотрудничество по развертыванию индустриализации африканских и наиболее неразвитых стран.

Обрисованные Си Цзиньпином главные направления усилий «двадцатки» указывали на их совпадение с планами Китая. Прежде всего, нужно совместно отстаивать международную ситуацию мира и стабильности. Поскольку миролюбие, по словам Си Цзиньпина, стало «историческим геном» китайской нации, современный Китай будет неуклонно идти по пути мира и развития. Китай как постоянный член СБ ООН направил миротворцев во многие страны, а среди недавно погибших в Мали и Южном Судане миротворцев были «лучшие сыны китайского народа». Китайский лидер пообещал, что Китай продолжит исполнять свой международный интернациональный долг, «от начала и до конца будет строителем и защитником мира во всем мире».

Всем странам нужно сообща создавать отношения глобального партнерства сотрудничества и совместного выигрыша. Си Цзиньпин использовал китайскую формулировку, подчеркнув, что жителям глобальной деревни нужно «утвердить сознание общей судьбы человечества». Он пояснил, что следует стремиться к единству при сохранении различий, одинаково относиться ко всем государствам - большим и маленьким, сильным и слабым, бедным и богатым. Если страны сами будут хорошо развиваться, они также помогут хорошо развиваться другим, и тогда мир станет еще прекраснее. Для достижения этой цели следует укреплять коммуникацию и координацию по важным международным вопросам. В интересах обеспечения мира, стабильности и процветания потребуется

предоставлять еще больше глобальных общественных благ. Китайский лидер подчеркнул, что нужно создать полноценный механизм координации макроэкономической политики с учетом взаимосвязей с внутренней политикой стран.

Важное место Си Цзиньпин уделил перспективе совместного совершенствования глобального экономического управления. Он привел китайское выражение «малая мудрость управляет делами, большая мудрость управляет системой». Ситуация в мировой экономике меняется, система глобального экономического управления не должна отставать от этих перемен. Глобальное экономическое управление должно быть основано на равенстве, отражать новую реальность мировой экономической ситуации, увеличивать представительство и дискурсивную власть новых рыночных стран и развивающихся стран, гарантировать для всех стран равенство прав, шансов и правил в международном экономическом сотрудничестве. Глобальное экономическое управление должно придерживаться открытости в отношении концепций, политики и механизмов, быть восприимчивым к предложениям и запросам общественных кругов, в его укладе не должно быть исключительности, оно должно предотвращать движение механизмов управления к замкнутости и фрагментацию правил. В этих рассуждениях китайского лидера можно увидеть несогласие с подходом США к созданию новых региональных торговых партнерств.

Идеальный образ глобального экономического управления, обрисованный китайским лидером, ориентирован на «совместное использование». Ни одна страна не должна стремиться получить все блага лишь для себя, выигрыш должен быть совместным. Лишь общими усилиями можно будет создать справедливое эффективное глобальное финансовое управление, поддержать мировую экономическую стабильность, обеспечить открытое прозрачное управление глобальной торговлей и инвестициями, укрепить многосторонние торговые механизмы, высвободить потенциальные силы глобального торгового инвестиционного сотрудничества.

Важность выступлений Си Цзиньпина в Ханчжоу подчеркивают китайские СМИ. Автором одной из комментирующих статей стал глава МИД КНР Ван И, название публикации гласило, что мировому

экономическому управлению был представлен «китайский план»¹. Министр отметил, что мероприятие G20 в Ханчжоу – многосторонний саммит самого высокого статуса и с самым глубоким влиянием, организованный Китаем со времени образования народной республики в 1949 году. Саммит способствовал тесному слиянию внешнего экономического сотрудничества с углублением развития реформ внутри страны, создал еще более благоприятные внешние условия для трансформации экономики Китая и расширения открытости. «Проведение саммита в Ханчжоу обладало важным практическим смыслом и глубоким стратегическим влиянием в отношении продвижения экономического социального развития Китая, укрепления дискурсивной власти и институциональных полномочий Китая в глобальном управлении, разработки отношений с главными сторонами».

По словам Ван И, коммюнике саммита отразило «китайские концепции», которые выдвинул Си Цзиньпин – это инновационное, скоординированное, «зеленое», открытое развитие и совместно используемое развитие. Документ воплотил «китайский план» продвижения решения коренных проблем, которые стоят перед ростом мировой экономики. Коммюнике вобрало в себя «китайскую позицию», призывающую к созданию общности судьбы человечества и усовершенствованию глобального управления. «Эти идеи, план и позиция будут возвышены до уровня международного консенсуса».

Ван И подчеркнул: «Как самая крупная развивающаяся страна, Китай высоко поднял знамя развития; внимание и серьезное отношение к проблемам развития пронизывало саммит от начала и до конца». Глава китайской дипломатии отметил, что лозунг саммита в Ханчжоу, призывающий «строить инновационную, обладающую жизненными силами, взаимосвязанную, инклюзивную мировую экономику» коренится в «великой практике китайских реформ и открытости», его можно назвать «международным изданием пяти больших идей развития». И это мнение разделяют за пределами Китая. В статье сказано: «Многие зарубежные СМИ и ученые считают, что китайские идеи реформы и развития в настоящее время успешно “глобализируются”, усиливая инновации и структурную реформу,

¹王毅. 为世界经济治理提供中国方案——深入学习贯彻习近平主席在二十国集团领导人杭州峰会上重要讲话精神 //人民日报. 2016年09月20日

Китай выписал «китайский рецепт» для мировой экономики. Эти идеи основаны на собственных идеях развития и опыте Китая, лозунг саммита тесно связан с китайскими пятью большими идеями развития».

12 сентября 2016 года, через несколько дней после завершения саммита G20 в Ханчжоу, в Пекине прошла конференция «Китайский план в реформе глобального управления»¹. Организаторами мероприятия выступили Институт политологии Китайского восточного политико-правового университета и Центр изучения внешнего распространения Китайского бюро литературы на иностранных языках.

Заместитель руководителя отдела исследований стратегии мирового развития Бюро переводов ЦК КПК Дин Кайцзе сказал, что ныне в глобальном управлении на первом месте идут концепции. Китай уже выдвинул свои концепции «общности судьбы человечества» и «сотрудничества и совместного выигрыша». На саммите G20 в Ханчжоу они были превращены в практическое действие, став частью «китайского плана» в глобальном управлении. Саммит всесторонне поддержал концепцию инклюзивности и призвал все страны мира обратить больше внимания на вопрос социального неравенства. Исследователь заметил, что Китай в глобальном управлении постоянно придерживается идеи инклюзивности, постоянно продвигает устойчивое развитие экономики и общества.

Глава отдела экономических исследований Китайского центра международных экономических обменов Сюй Хунцай указал, что в 2015 году были реализованы многие «китайские планы», китайская повестка дня постепенно реализуется, и это воплощает особый направляющий вклад Китая в реформирование системы глобального управления. К примеру, Китай играет стержневую направляющую роль в АБИИ и других финансовых организациях, руководит упорядоченным движением капитала, повышает уровень механизма управления проектами, продвигает «зеленое» устойчивое развитие экономики. Продвигая концепцию инклюзивного развития, Китай продолжает обращать внимание на индустриализацию стран со сравнительно низким уровнем развития, предоставляет

¹ 《二十国集团参与全球治理指数 2016 报告》发布——中国的全球治理角色正发生重要转换 // 中国社会科学报. 2016 年 9 月 14 日

инфраструктурные инвестиции и оказывает долгосрочную финансовую поддержку, разрабатывает новые концепции. Благодаря этой активности на глобальном управлении появился «глубокий китайский отпечаток».

Член правления Китайского общества изучения рынка Чжан Жуй отметил, что проведение саммита G20 в Ханчжоу стало проявлением доверия к Китаю со стороны мирового сообщества и добрым началом «полного возвращения Китая в центр мировой арены»¹. Накопленный за годы реформ опыт позволяет китайскому руководству принимать новые решения, направленные на развитие экономики страны в направлении расширения открытости. Инициатива «одного пояса и одного пути» продвинула создание 11-и опытных зон свободной торговли, которые соответствуют самым высоким международным стандартам. После вхождения в корзину специальных прав заимствования ускорилась интернационализация юаня. По мнению эксперта, есть надежда, что за два года юань обойдет японскую иену и британский фунт, станет третьей глобальной валютой после доллара и евро. Помимо создания АБИИ, Китай прикладывает усилия к продвижению регионального всестороннего экономического партнерства (RCEP) и ведет переговоры по китайско-американскому инвестиционному соглашению (BIT). Вместе все это образует насыщенную и живую «китайскую модель» или «китайский план», которые полностью вышли в мир через G20, превратившись в «международный план».

Чжан Жуй подчеркнул: «G20, появившаяся из развития G7, это не только изменение цифры – еще более важно явное внутреннее перераспределение сил. На Китай приходится 42% объема экономик развивающихся стран-членов G20. Это означает, что только Китай может сформировать относительно сбалансированную дискурсивную власть в отношениях с членами с развитой экономикой, только Китай может стать выразителем и защитником интересов развивающихся стран, на этой основе сформировать справедливые и разумные правила и порядки международной экономики и торговли».

Саммит G20 придал китайским экспертам оптимизма. Хуан Жихань и Ли Цуньюй (Институт международных отношений Университета хуацяо) пришли к выводу, что трансформация модели

¹张锐. G20 : 全球治理与中国角色 // 中国财经报. 2016 年 9 月 6 日

управления G20 неотрывна от сил Китая, а силы Китая не только представляют силы развивающихся стран, но также представляют миролюбивые силы в мире, повышение этой позитивной силы благоприятно для трансформации всей системы управления G20¹. Следует позволить модели управления G20 стать катализатором изменения системы глобального управления, нужно продолжать укреплять позиции G20 как важной площадки глобального управления, активно развивать ее направляющую силу и решающую силу, усиливать ее сотрудничество с МВФ, ВБ и ООН, формировать модель многообразного и углубленного сотрудничества.

Можно предполагать, что проблемы глобального управления и глобальной ответственности будут занимать важное место в политике Китая во второй половине нынешнего десятилетия. Внешний мир будет приветствовать повышение ответственности Китая, что благоприятно скажется на международном имидже страны. Вместе с тем Китай хочет получить в дополнение к обременительным обязанностям новые права в управлении мировым развитием. Китай готов стать защитником новых «правил игры» в мировой экономике при условии, что обсуждение и установление этих правил будет происходить с китайским участием.

¹黄日涵, 李丛宇. 中国力量促全球治理体系变革 // 中国社会科学报 2016 年 9 月 8 日

IV. Республика Корея: в поиске нового статуса

Современные международные отношения строятся под воздействием комплекса факторов, в том числе подпадающих под определения «жесткой силы», «мягкой силы» и «умной силы». Их сочетание определяет объективный потенциал государства, его внутренние и глобальные возможности, а также его место в международной иерархии силы. Одновременно фактор силы, включая каждый из перечисленных его компонентов, может быть действенным в среднесрочной или долгосрочной перспективе, если источник силы принимает на себя ответственность во внутренней и внешней политике.

Южнокорейская экономика по объему производимого ВВП занимает 13-е место в мире и является четвертой экономикой Азии, уступая лишь таким экономическим гигантам, как Китай, Япония и Индия.

С конца 1990-х годов был взят курс на приоритетное развитие собственных НИОКР и повышение технологической независимости военной промышленности. В 1998 г. принимается закон об использовании технологий двойного назначения, на практике стимулирующий приобретение результатов отечественных НИОКР. В 1999 г. вносится поправка в «Специальный закон об оборонной промышленности», дающая большие возможности участвовать в развитии ОПК технологически специализированным фирмам. Наконец, в 2003-2012 гг. правительство увеличило в оборонном бюджете долю расходов на НИОКР с 4% до 7,1%. Оборонный бюджет в 2012 г. был утвержден в размере 29 млрд. долл., что составило 14,8% всего государственного бюджета или 2,5% ВВП¹.

Однако сегодня феноменальные результаты развития традиционной индустрии (металлургия, химия, судостроение, автомобилестроение) уже недостаточны для достижения впечатляющих успехов на мировых рынках. Более того, исчерпывается способность Южной Кореи сохранять конкурентоспособность своей

¹ *Chung-In Moon, Jin-Young Lee. The Revolution in Military Affairs and the Defence Industry in South Korea//Security Challenges, vol.4, No.4 2008, p. 131. Defense White Paper. 2012. Seoul, Ministry of National Defense. 2012. p. 248.*

экономики путем развития инновационных отраслей традиционными методами: доля расходов на НИОКР (около 4%) уже сейчас одна из самых высоких в мире, а ориентированная преимущественно на внешние рынки обрабатывающая промышленность производит ограниченный перечень изделий, хотя и все более технически совершенных. В обозримой перспективе Китай может оказаться способным занять традиционные для корейских компаний товарные ниши, вытеснив их с наиболее выигрышных позиций в международных цепочках производимой добавленной стоимости. Учитывая эти обстоятельства, южнокорейские корпорации и поддерживающее их государство вынуждены срочно и кардинально менять стратегию своей экономической политики, так как в противном случае экономическая сила может быстро истощиться, а РК может оказаться отброшенной на периферию мирового развития.

Таким образом, Сеул сталкивается с необходимостью ответить на фундаментальный вопрос – как закрепиться на выгодных позициях в международной иерархии силы? Ответ подразумевает комплексное решение: поиск новых возможностей повышения экономического потенциала, укрепление собственной безопасности, активизация дополнительных факторов внешнего влияния.

В поиске нового статуса: от амбициозного экономического партнера – к претензиям глобального характера

В январе 2014 г. администрация президента Пак Кын Хе предложила «Трехлетний инновационный экономический план развития» (2014-2017), выполнение которого предполагает новый этап инновационной модернизации страны. Хотя президентские полномочия Пак Кын Хе близки к завершению, намеченные в программе меры будут иметь долгосрочное значение: в среднесрочной перспективе соотношение острых проблем и возможностей их решения будет определять положение РК в иерархии силы. Во всяком случае, при всех возможных корректировках курс на развитие «креативной экономики» сохранится, что позволит РК сохранить шанс, по крайней мере, сохранить свою нынешнюю позицию в международной иерархии силы.

С этой целью власти стремятся изменить приоритеты роста экономики, теснее увязав их с задачами увеличения научно-

технического потенциала, преодолевая имеющиеся узкие места. В этом же контексте следует воспринимать поддержку правительством приглашения на работу южнокорейскими университетами и исследовательскими лабораториями не только маститых, но и молодых и перспективных иностранных ученых. Пока в этом вопросе Республика Корея ощутимо отстает от мировых лидеров, о чем свидетельствует сопоставление южнокорейских и германских показателей, проведенное исследователями южнокорейского Hyundai Research Institute. В 2002-2011 гг. ежегодный прирост иностранцев, работающих в сфере науки и образования в Южной Корее, составлял 11%, тогда как в Германии – всего 2,9%. Однако доля иностранцев в общем числе занятых в науке и образовании Германии выросла в 2002-2011 гг. с 3,7% до 4,5%, что значительно превышает аналогичные южнокорейские показатели –0,3% и 0,5% соответственно. Всего же численность иностранных специалистов высшей квалификации в Германии в 10 раз превышает их число в Республике Корея¹.

Отстоять и по возможности укрепить позиции в иерархии силы должна помочь корректировка экономической политики. В частности, поставленным задачам должно способствовать создание нового спроса на товары и услуги (например, в процессе поддержания «зеленого роста»). Дабы закрепиться на этом направлении в числе лидеров, РК добилась создания в Сеуле Института «зеленой экономики» ООН.

Переход к стратегии адаптации экономики к периоду низких темпов экономического развития, в свою очередь, побуждает ведущие южнокорейские корпорации вносить коррективы в свои стратегии развития.

В числе развивающихся направлений – развитие оборонно-промышленного комплекса. Распространена практика заключения южнокорейскими бизнес-группами международных контрактных соглашений, развитие поузловой и поддетальной специализации в рамках «цепочек добавленной стоимости», обучение и подготовка кадров, широкое применение практики международного слияния и поглощения военно-промышленных компаний.

С другой стороны, используя в своих интересах возможности «рынка покупателей», РК при совершении импортных сделок

¹ Jeon Hai-young. Comparison of Korean and German Efforts to Secure Foreign Talent / Korea Focus. June 2015. <http://www.koreafocus.or.kr>

настойчиво проводит линию на увязку закупок либо с приобретением необходимых военных технологий, либо с созданием совместных с продавцом производств.

Так, южнокорейская Samsung, совместно с Lockheed Martin участвовавшая в разработке учебного самолета для ВВС, является партнером General Electric в производстве двигателей для боевых самолетов. В свою очередь, южнокорейские компании вступают в аналогичные соглашения о кооперации с зарубежными покупателями своей продукции.

Во внешнеэкономической сфере происходит поиск новых рынков и селективная работа с отдельными рыночными нишами в глубинных районах Китая, странах ЮВА (Вьетнам, Индонезия), Мексики, Турции.

Эти новые производственные кластеры включаются в глобальные сети с участием иностранных партнеров для разработки и продвижения промышленной продукции и услуг; усиливают, с одной стороны, точность, а с другой – динамизм внешнеэкономических связей, что позитивно сказывается на позиции РК в международной иерархии силы.

При этом не теряет свою актуальность вопрос обеспечения доступа к ресурсам. Так, доля топлива, добываемого южнокорейскими компаниями с собственных зарубежных месторождений, увеличилась с 6% в 2008 г. до 10% в 2010 г. и должна вырасти до 30% к 2020 г. (основными регионами зарубежной инвестиционной активности южнокорейских компаний являются ЮВА, Ближний и Средний Восток, Латинская Америка, Россия и СНГ).

Сохранение позиций в мировой иерархии силы оказывается невозможным без обеспечения новых (нетрадиционных для южнокорейского бизнеса) перспективных рынков. К таковым относятся в первую очередь Индия, Африка, а в перспективе – Россия. В пользу Индии говорит ее потенциальный обширный внутренний рынок (во всяком случае, значительные его ниши), высокотехнологический потенциал, экспортный и логистический плацдарм, позволяющий использовать, например, исторические связи индийского бизнеса со странами Юго-Восточной Африки в целях южнокорейской экспансии. В свою очередь, 200-300 млн реальных потребителей продукции южнокорейских ТНК в африканских странах

– залог возможного укрепления международных экономических позиций РК.

На этом фоне Россия пока рассматривается южнокорейским бизнесом скорее как потенциальный экономический партнер, остающийся преимущественно рынком сбыта и производства традиционных товаров, источником энергетических ресурсов, очаговым источником результатов НИОКР.

Международная ответственность – и положение в международной иерархии силы

Превращение РК в мощное экономическое государство выявило потребность заботиться о соответствии внутренних возможностей и международного влияния мере участия в поисках ответов на глобальные вызовы. Проявилась также потребность в сбалансированности собственной силы в разных ее проявлениях с финансовым и политическим бременем ответственного международного игрока.

Соединение силы и ответственности просматриваются в деятельности Южной Кореи в 2000-е годы, когда страна вошла в двадцатку ведущих мировых государств, согласованные решения которых призваны искать оптимальные ответы на глобальные вызовы. С одной стороны, это усиливает глобальное влияние РК, повышает её рейтинг в иерархии силы, с другой – накладывает обязательства, побуждающие ее не ограничиваться участием в выработке международных правил и деклараций, но и брать на себя груз финансовых и административных издержек.

В этом контексте важно отметить формирование целостной системы предоставления зарубежной помощи, которое развернулось в РК с 2006 г. в период администрации президента Но Му Хёна (2003-2008) и завершилось при президенте Ли Мён Баке (2008-2013), несмотря на последствия мирового кризиса 2008-2009 гг. В 2010 г. РК стала двадцать четвертым членом Комитета по оказанию помощи развитию ОЭСР.

Безусловно, данная политика вписывается в общую стратегию поддержания экспортной экспансии, продвижения инновационных товаров на развивающиеся рынки. Выполнение поставленных задач

служит формированию в наиболее перспективных развивающихся странах социальной и промышленной инфраструктуры, обеспечивающей благоприятные условия для продвижения южнокорейским бизнесом своей высокотехнологичной продукции.

Предоставление экономической помощи поддерживается скоординированной правительством PR-кампанией, направленной на разные социальные слои стран-получателей помощи: бюрократию, бизнес, средний класс, молодежь. Упор делается на обращение к успешному южнокорейскому опыту развития. РК позиционируется как страна, совершившая прорыв из состояния беднейшего государства к статусу страны-члена ОЭСР, от получателя грантов – к статусу донора, от статуса японской колонии – к независимому государству-члену «двадцатки», от авторитарного государства – к устойчивой демократии.

Вместе с тем общему авторитету Сеула, укреплению его положения в иерархии силы служит последовательное участие в решении глобальных гуманитарных задач, выражающееся в поддержке международных усилий по борьбе с пандемиями, неграмотностью и бедностью, загрязнением окружающей среды, последствиями стихийных бедствий, дефицитом пресной воды и другими проблемами, которые в условиях глобализации имеют экстерриториальный характер.

Другим примером сочетания силы и ответственности представляется настойчивое стремление РК к усилению своей роли в освоении Арктики. Южная Корея получила статус постоянного наблюдателя при Арктическом Совете (АС) в мае 2013 г. по результатам заседания АС в г. Керуне (Швеция), на котором аналогичный статус получили еще пять государств (Китай, Япония, Индия, Сингапур и Италия).¹ Южнокорейский МИД охарактеризовал это как первую важную цель арктической политики.²

Дальнейшие, уже стратегические по своему значению задачи были сформулированы в декабре 2013 г. в опубликованном правительственном документе «Арктическая политика Республики

¹Regnum.ru/news/polit/1660146.html

²*L. Jakobson, Seong-Hyon Lee. The North East Asian States' Interests in the Arctic and Possible Cooperation with the Kingdom of Denmark. SIPRI, Copenhagen, April 2013, p. 33.*

Корея», известном как «Мастер-план».¹ В программе на 2013-2017 гг. заявлены четыре цели, достижению которых необходимо способствовать: координация деятельности государственных, научных и частных институтов; укрепление международного сотрудничества; развитие научных исследований полярной зоны; создание новых возможностей для бизнеса, в том числе за счет активной работы в АС; обеспечение безопасности функционирования вовлеченных в арктическую стратегию институтов, в том числе посредством влияния на выработку правовых условий освоения Арктики.

Тем самым РК, с одной стороны, повышает свое место в общей иерархии силы, в том числе выражая готовность отстаивать в АС интересы государств, не имеющих выхода в Арктику. С другой стороны, новая роль утяжеляет бремя ответственности: происходит повышение инвестиционных рисков, рост расходов на научные и экологические исследования и т.д.

Место южнокорейских НПО и институтов культуры как инструментов укрепления позиции в иерархии силы

«Мягкая сила» предполагает воздействие на внешнеполитическую среду через демонстрационное влияние гуманитарных факторов (качество жизни, уровень культуры, науки и образования, доступность здравоохранения, состояние и доступность спортивной, туристической инфраструктуры и т.п.), а также таких методов межгосударственных отношений, как экономическая помощь и благотворительность.

«Умная сила» подразумевает разработку и продвижение конкурентоспособных идей, способных убедить международные экспертные круги, политические и экономические элиты в том, что заявленные приоритеты и предлагаемые методы решения актуальных региональных и глобальных проблем соответствуют потребностям международного сообщества.

Хотя кризисная ситуация на Ближнем Востоке является наглядной демонстрацией необходимости иметь в арсенале внешней политики аргументы, относящиеся к «жесткой силе», роль «мягкой» и «умной силы» в современных условиях неуклонно растет. Связано это

¹<http://www.arcticportal.org/governance/arctic-policies-database>

с тем обстоятельством, что решение мировых проблем все больше определяется возможностью обеспечить устойчивое экономическое развитие, а также способностью поддержать социокультурный потенциал, необходимый для сохранения политической стабильности.

При этом комплекс экономических, гуманитарных и социокультурных проблем перерастает национальные границы, а значит, вызывает потребность в принятии адекватных согласованных международных решений. В этих условиях в повестку дня современной дипломатии встает задача выбора оптимальных мер преодоления встающих перед международным сообществом вызовов и рисков.

Вместе с тем возникает угроза появления масштабных трудностей, нетрадиционных по своему содержанию: конкуренция концепций и методов их реализации может привести не к снижению противоречий, а, напротив, породить новые конфликты – уже на уровне идей и предлагаемых методов и агентов их воплощения.

Таким образом, в современном мире складываются дисбалансы не только военно-стратегического и экономического характера. Аналогичные процессы проявляются и в применении «мягкой силы», а также на рынке концептуальных идей. В этих условиях актуальной становится необходимость добиться: во-первых, создания предпосылок для формулирования и реализации наиболее перспективных идей, во-вторых, обеспечения максимально возможной открытости и готовности к учету интересов всех заинтересованных в международном сотрудничестве сторон.

Достичь этого в приемлемых для основных акторов масштабах возможно только при обеспечении сбалансированности сотрудничества на глобальном и региональных уровнях за счет повышения роли нетрадиционных участников международного диалога.

К традиционным участникам международных отношений (государству и международным организациям), а также транснациональным корпорациям (ТНК) и ассоциациям малого и среднего бизнеса (МСБ) в последнее десятилетие добавились неправительственные/некоммерческие организации (НПО), а также институты культуры.

При этом каждому участнику дипломатического диалога принадлежит своя роль. Наиболее универсальные функции закреплены за национальным государством и международными организациями. В их числе: формирование соответствующих правовых условий, институтов и механизмов, обеспечивающих реализацию межгосударственных обменов; создание необходимой для достижения поставленных целей инфраструктуры и, наконец, обеспечение надлежащих финансовых условий.

Крупный бизнес и МСБ играют заметную роль в формировании приоритетов внешнеэкономической политики и в постановке дипломатических задач, а также вносят свой вклад в финансирование международных проектов.

Учитывая растущую роль нематериальных факторов в укреплении внешнеполитических позиций страны, в РК проводится политика поддержки продвижения за рубежом национальных брендов. Принятые государством и частным бизнесом совместные меры позволяют повысить национальный бренд «ИТ Корея» и проложить дорогу южнокорейским компаниям, действующим в индустрии ИТ на рынках развивающихся и других стран. С этой целью правительство прилагает усилия по укреплению связей на межправительственном уровне и оказанию содействия южнокорейским компаниям в создании кадровой базы и зарубежной сети подготовленных потребителей для успешной экспансии на внешних рынках.

Кроме того, все более весомую роль в определении характера и параметров международных отношений, в том числе в содействии региональному развитию, принимают на себя НПО и институты культуры, при том что южнокорейские ТНК активно участвуют в культурной экспансии РК (т.н. «корейской волне»). Экспорт продукции поп-культуры на 100 долл. увеличивает экспорт в целом на 410 долл., из них 395 долл. – экспорт электроники.

Главное предназначение НПО состоит в том, чтобы одновременно выступать в роли партнера и амортизатора государства, бизнеса и международных организаций. На разных направлениях действия ощущается воздействие разных факторов. Серьезным сдерживающим фактором функционирования НПО в Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке остается все еще недостаточный масштаб их деятельности и влияния на национальном

уровне, а также разный уровень развития этих организаций в странах региона. Однако игнорирование на этом основании вовлечения НПО в развитие региональных связей может в дальнейшем отрицательно сказаться на качестве сотрудничества.

Между тем, взаимодействие в ЮВА южнокорейских НПО и институтов культуры способствует повышению уровня совместных экономических и социальных программ, в том числе организации научной оценки и экспертизы коммерческих, инфраструктурных и социальных проектов, прежде всего их экологических и гуманитарных последствий.

Усилия НПО и институтов культуры обращены на поиск решения таких проблем, как:

- сохранение природной среды и сфер трудовой деятельности в ходе реализации гидротехнических и инфраструктурных проектов. Для многих развивающихся государств эти острые вопросы являются исключительно актуальными, в том числе для стран ЮВА. Обсуждение данной темы экспертами и общественными деятелями в неформальной обстановке содействует поэтапному поиску взаимоприемлемых решений, учитывающих интересы всех заинтересованных сторон;

- обеспечение правовых норм для местного МСБ, способного стать эффективным партнером южнокорейских компаний, его освобождение от разного рода бюрократических ограничений. Речь идет о целом комплексе проблем, в том числе о борьбе с разнообразным давлением на бизнес, с теневым бизнесом и коррупцией; о защите экономических и социальных интересов как производителей, так и потребителей. Неправительственные организации способны вести мониторинг правоприменительной практики в этой области, включая совместные исследования, проводимых как НПО стран пребывания мигрантов, так и представителями стран происхождения инвесторов;

- анализ баланса между коммерческими интересами доноров и содержанием помощи, предоставляемой странам-реципиентам. Мировая практика показывает (в том числе, в ряде стран Азии и Африки), что характер предоставления помощи донором и использования её реципиентом становится в последние годы объектом пристального внимания со стороны общественности, в свою очередь,

привлекающей к изучению данной темы заинтересованные НПО. Это обстоятельство помогает обеспечивать адекватное выполнение целевых задач, связанных с предоставлением помощи, а также противодействовать возможным злоупотреблениям.

- реализация совместных образовательных программ и модернизация медицинской сферы. Деятельность соответствующих НПО может стать существенным подспорьем в межгосударственном сотрудничестве в отраслях, содействующих развитию образования и здравоохранения.

Важную посредническую роль между национальными государственными органами, институтами развития ТНК и НПО играют национальные научные центры, включая так называемые *think tanks*. Их совместная деятельность, проводимые на регулярной основе консультации по наиболее обсуждаемым злободневным вопросам (параллельно и в сотрудничестве с НПО) способны повысить качество экспертных оценок, лучше оценить масштаб и содержание проблем, а также уменьшить возможные опасения относительно политизированности проводимых НПО аналитических исследований и оценок.

Культура, в свою очередь, выступает как действенный фактор внешней экспансии и глобализации Южной Кореи. Выступая как партнер государства, культура в то же время предстает в роли амортизатора, сглаживающего риски и раскрывающего скрытые возможности в инициативах, выдвигаемых государством, бизнесом и международными организациями.

Культурные обмены способны внести весомый вклад в познание народами друг друга и содействовать укреплению толерантности и доверия в межнациональных отношениях.

Содействие росту уровня гуманитарного образования и повышению качества культурной жизни ведет к росту масштабов квалифицированного труда, и тем самым культура способна внести вклад в повышение конкурентоспособности.

Вместе с тем необходимо учитывать, что региональное культурное сотрудничество не может избежать наличия определенных рисков и вызовов. В частности, существует проблема соотношения открытости внешнему миру и развития национальных культур,

поддержания баланса между активностью государства по внедрению охранительных мер и общественными культурными инициативами. Также существует проблема взаимоотношений культурных институтов и бизнеса, поддерживающего программы культурных обменов и, в то же время, склонного к коммерциализации культурных связей.

Тем не менее, несмотря на возможные риски, региональное культурное и гуманитарное сотрудничество является необходимым условием преодоления национальной замкнутости и формирования позитивных условий для многогранного и плодотворного сотрудничества стран Азии.

Корейский полуостров – метаморфозы иерархии силы

Особого рассмотрения заслуживает ситуация на Корейском полуострове. Южная Корея здесь вынуждена не только противостоять КНДР и координировать свою политику с США, но и считаться с интересами такой страны, как КНР, находящейся на верху пирамиды иерархии силы, а также с другими региональными державами.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что во внешнеполитическом арсенале КНДР имеется только военная сила. Других аргументов у северокорейского руководства нет. Однако в существующей в регионе современной иерархии силы этого явно недостаточно, чтобы оказывать действенное влияние на партнеров по переговорам. Аргумент голый силы в нынешней дипломатии не только недостаточно убедителен, но и контрпродуктивен. Аргументы мягкой и умной силы у северокорейской стороны практически отсутствуют, аргументы в пользу принятия на себя ответственности за судьбы межкорейских отношений неубедительны для подавляющего большинства южнокорейцев, так же как и для региональных держав.

В свою очередь, южнокорейский подход к межкорейским отношениям по своему характеру принципиально иной.

Во-первых, РК стремится употреблять термин «сила» в сочетании «мягкая сила». За этой позицией, скорее всего, стоит не только пропагандистское содержание. Главное – это демонстрация такого подхода к национальному объединению, которое отдает приоритет созидательным процессам.

Во-вторых, РК, принимая на себя основную долю ответственности при разрешении двусторонних проблем, готова к ее увеличению. В первую очередь – ответственности перед населением Южной Кореи.

В-третьих, южнокорейские элиты выражают готовность нести ответственность перед населением Северной Кореи.

В-четвертых, осознание ответственности перед (и вместе со) своим главным союзником – США. Разделяя с США ответственность за мир и безопасность на Корейском полуострове, РК улучшает свои позиции в современной иерархии силы.

В-пятых, осознание ответственности перед КНР. В этом – залог укрепления и нынешнего статуса РК, но главное – ее положения в будущей международной иерархии силы, в которой она будет представлена единым корейским государством.

В-шестых, перед соседними государствами, прежде всего перед Россией и Японией. В этом случае большое значение будет иметь готовность РК вписать свой потенциал силы в региональную систему поддержания мира и безопасности.

В-седьмых, перед международным сообществом в лице международных организаций (включая ООН и её специализированные институты), региональных и глобальных финансово-экономических организаций и форумов по вопросам безопасности и международных отношений.

Примечательно, что идея размещения американской противоракетной системы THAAD на Юге Корейского полуострова резко ухудшила позиции Сеула в глазах Пекина и Москвы. Таким образом, когда РК на усиление военного давления со стороны КНДР пытается ответить жесткой силой, она ослабляет свои позиции и нивелирует аргументацию мягкой силы. Напротив, аргументы мягкой силы усиливают весомость дипломатических аргументов РК в глазах России и Китая и создают благоприятный для южнокорейской дипломатии расклад иерархии силы.

Корея и Россия

С точки зрения российских интересов, необходимо использовать весь арсенал силы. Однако, если с точки зрения военных

аргументов позиции России в международной иерархии силы весьма значительны, то по прочим компонентам она явно уступает конкурентам. Прежде всего, речь идет о слабостях внешнеэкономического присутствия, в том числе о недостаточной активности частного капитала, а также о традиционной архаичной топливно-сырьевой структуре российского экспорта.

Явно неадекватной своим возможностям представляется российская «мягкая сила», учитывая сохраняющиеся научные, образовательные и особенно – культурные возможности страны.

Потенциал внешнеполитической силы слабо подкреплён возможностями крупного, среднего и малого бизнеса, а также независимых некоммерческих организаций.

Наконец, существуют возможности более выпукло демонстрировать взаимосвязь силы и ответственности российской внешней политики. Это касается, в том числе, стратегии внешней помощи, её финансового, информационного и пропагандистского обеспечения. Кроме того, назрела необходимость четкого декларирования российской иерархии приоритетов на глобальном и региональных уровнях.

Сложившееся положение не только ослабляет российский внешнеполитический потенциал, но и сужает возможности дипломатического маневра, поскольку Россия не располагает инструментами, необходимыми для повышения своего статуса в иерархии силы.

V. АСЕАН: новые ресурсы и новая роль

Категории «сила» и «ответственность» подспудно всегда присутствовали в политике государств, входящих в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), однако они не становились предметом специальной разработки ее политического и экспертного сообществ. Отчасти это связано с тем, что АСЕАН всегда была нацелена не столько на разработку теоретических основ своей политики, сколько на решение практических вопросов, с которыми она сталкивалась. Отчасти – с тем, что к этому до сих пор не подталкивала и внешняя среда. По сумме этих обстоятельств эти категории «выпали» из политического лексикона и академических дискуссий АСЕАН.

Сейчас такая концептуализация становится все более востребованной. Прежде всего потому, что в обновлении нуждается основа, на которой АСЕАН выстраивает свою политику. Глобальная составляющая международных проблем и процессов, способных отразиться на интересах АСЕАН, имеет тенденцию к усилению. Усложняются угрозы региональной безопасности, которые и раньше было крайне непросто поддерживать в управляемом состоянии. Невозможность выработки консенсуса по проблеме Южно-Китайского моря на камбоджийском заседании министров иностранных дел АСЕАН и малазийской сессии Совещания министров обороны АСЕАН+8 в 2012 и 2015 годах соответственно оказались лишь вершиной айсберга. После решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге по Южно-Китайскому морю в июле 2016 года проблема усложнилась многократно.

Чтобы оставаться конкурентоспособной в меняющихся не в лучшую сторону международных условиях, Ассоциации необходимы дополнительные ресурсы. Разработка потенциала категорий «сила» и «ответственность» в увязке с интересами АСЕАН и ее проблемами может позволить обрести хотя бы часть таких новых ресурсов.

Интересы АСЕАН

Отправным пунктом анализа категорий «сила» и «ответственность» применительно к АСЕАН является ранжирование ее интересов. Их можно распределить по трем уровням.

На уровне ЮВА как интегрирующегося субрегиона в интересах АСЕАН повышение конкурентоспособности ЮВА как единого целого. Основным средством реализации задуманного является выравнивание уровней экономического, прежде всего инфраструктурного развития входящих в нее стран и оптимизация условий ведения коммерческой деятельности для компаний стран АСЕАН и стран-партнеров Ассоциации. По совокупности критериев разрыв между государствами «десятки» пока остается весьма значительным (см. табл. 5-1).

Табл. 5-1. Страны АСЕАН в рейтинге «Благоприятные условия ведения бизнеса» в 2015 году (всего – 189 экономик)

Страна/ критерий	Рейтинг легкости ведения бизнеса	Регистра- ция пред- приятий	Получе- ние разре- шений на строитель- ство	Подклю- чение к системе электро- снабжения	Регистра- ция прав собствен- ности	Получе- ние кредитов
Бруней	84	74	21	68	148	79
Вьетнам	90	119	12	108	58	28
Индонезия	109	173	107	46	131	70
Камбоджа	127	180	181	145	121	15
Лаос	134	153	42	158	66	70
Малайзия	18	14	15	13	38	28
Мьянма	167	160	74	148	145	174
Сингапур	1	10	1	6	17	19
Таиланд	49	96	39	11	57	97
Филиппины	103	165	99	19	112	109

Страна/ критерий	Защита прав миноритар- ных инвесторов	Налогообло- жение	Внешняя торговля	Обеспечение исполнения контрактов	Разрешение неплатеже- способности
Бруней	134	16	121	113	98
Вьетнам	122	168	99	74	123
Индонезия	88	148	105	170	77
Камбоджа	111	95	98	174	82
Лаос	178	127	108	92	189
Малайзия	4	31	49	44	45
Мьянма	184	84	140	187	162
Сингапур	1	5	41	1	27

Таиланд	36	70	56	57	49
Филиппины	155	126	95	140	53

Источник: (2015) Рейтинг стран. Группа Всемирного Банка. Июнь. // <http://russian.doingbusiness.org/rankings>

Политической составляющей этой задачи является формирование такой международной среды, в которой международные проблемы, способные негативно отразиться на повышении конкурентоспособности ЮВА и развитии входящих в нее стран, удерживались бы в не destabilизирующих рамках. Отсюда – нацеленность АСЕАН на создание такого режима сотрудничества, в котором его участники разделяют общие ценности, индивидуальную и коллективную ответственность за мирное развитие ЮВА, развитие внешних связей и интеграцию в глобальные процессы на основе примата приоритетов АСЕАН как единого целого.

На *социокультурном* направлении усилия Ассоциации нацелены на укрепление идентичности входящих в нее стран. Это проявилось в активизации контактов на уровне профессиональных сообществ и гражданского общества, поощрении практик «хорошего управления», обмене опытом по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности и пр.

Вместе с тем АСЕАН стала интегрированной социокультурной общностью лишь на уровне элит, но не народов стран ЮВА. Простые граждане Юго-Восточной Азии в своем подавляющем большинстве идентифицируют себя не с наднациональными институтами АСЕАН, а со странами проживания. Даже на страновом уровне процессы национальной культурно-цивилизационной интеграции еще не завершены, что препятствует региональной интеграции.

На экономическом, политическом и социокультурном треках сложностями на пути реализации Ассоциацией поставленной цели были и остаются слабость наднациональных институтов сотрудничества и невозможность кардинального пересмотра его основных принципов. Отсюда – недостаток ресурсов АСЕАН для влияния на развитие модернизационных процессов и формирования международной среды в ЮВА согласно ее интересам.

На уровне АТР и Тихоокеанской Азии АСЕАН стремится к удержанию, а в идеале и к укреплению своей роли «движущей силы»

региональных площадок многостороннего сотрудничества. Это позволит АСЕАН выполнить ряд более узких задач.

В их число входит и развитие проекта *Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП)*¹. Определяя его параметры, АСЕАН стремится унифицировать правовые и институциональные условия сотрудничества с партнерами из Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Это должно способствовать притоку инвестиций и технологий в менее развитые страны АСЕАН путем создания благоприятных условий для размещения там филиалов крупных компаний стран-участниц РВЭП. Результатом станет постепенное выравнивание уровней экономического и инфраструктурного развития десяти государств Ассоциации. Также в планах АСЕАН присутствует разработка таких институциональных моделей и практик сотрудничества, которые позволят снизить, а в идеале и устранить негативное влияние проекта Транстихоокеанское партнерство (ТТП) на реализацию своих перспективных планов.

Значение проекта РВЭП состоит еще и в том, что АСЕАН как его координатор объективными обстоятельствами подталкивается к выведению задачи наращивания взаимосвязанности региона с уровня ЮВА на уровень географического ареала РВЭП. В этом просматривается ее запрос на то, чтобы стать частью инфраструктурно и институционально взаимосвязанного геоэкономического пространства, охватывающего всех ключевых партнеров, координирующего перспективные планы этих стран и побуждающего их инвестировать в трансграничную инфраструктуру ЮВА.

Политическая составляющая региональных интересов Ассоциации заключается в потребности консолидировать обсуждения проблем политики и безопасности АТР (и ЮВА как его составной части) на подчеркнуто нейтральной, деидеологизированной основе. Эти обсуждения проводятся на заседаниях таких асеаноцентричных диалоговых площадок, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС). Если позиции АСЕАН как координатора обсуждений пошатнутся, и существующая система будет

¹ В составе десяти стран АСЕАН, Китая, Японии, Республики Корея, Индии, Австралии и Новой Зеландии.

маргинализована, единственной многосторонней площадкой решения проблем азиатско-тихоокеанской политики и безопасности станут американские альянсы, что приведет к заведомо деструктивным последствиям для региональных игроков, включая Ассоциацию.

На *глобальном уровне* интересам АСЕАН отвечает формирование полицентричного мира. При этом полицентричная структура мироустройства должна включать в себя не только государства, но и негосударственные субъекты международных отношений – институты и диалоговые площадки сотрудничества, зоны экономического роста и пр. Взаимодействие между ними должно осуществляться на основе примата именно коллективных интересов и потребностей¹. Только при таком развитии событий Ассоциация сможет, с одной стороны, проводить политику уравнивания субъектов международных отношений в Юго-Восточной Азии, а с другой – использовать их потенциал для реализации собственных перспективных планов.

С этой точки зрения интересам Ассоциации отвечает развитие взаимосвязанной Евразии как одного из глобальных центров геоэкономических и геополитических центров. Это пространство должно быть связано в инфраструктурном, институциональном и гуманитарном отношении. «Встроив» ЮВА в более широкое геоэкономическое пространство сотрудничества и соразвития, Ассоциация может многократно усилить стимулы для партнеров инвестировать в развитие трансграничных инфраструктурных проектов ЮВА. У такой мотивации партнеров АСЕАН будет две составляющие – выгодное географическое положение ЮВА на пересечении международных морских путей и унифицированный режим ведения бизнеса. Результатом станет встречный интерес партнеров АСЕАН – вкладываясь в инфраструктуру ЮВА, они уже сами будут заинтересованы в интеграции этого субрегиона в ткань экономического сотрудничества Евразии.

¹ См.: Acharya A. (2015) ASEAN Can Survive Great-Power Rivalry in Asia. 4 October. // <http://www.eastasiaforum.org/2015/10/04/asean-can-survive-great-power-rivalry-in-asia/>

Масштаб поставленной цели объективно подталкивает АСЕАН к повышению эффективности имеющегося инструментария. К настоящему времени многие из имеющихся у АСЕАН ресурсов, в числе которых отлаженные практики взаимодействия участников между собой и с внешними партнерами, опыт реализации проектов экономического регионализма и определения повестки обсуждений угроз региональной безопасности, уже вышли на максимум своих возможностей. Перед АСЕАН встает вопрос *о новых источниках роста, развития и повышения своей конкурентоспособности*. Таковыми могут стать разработка категорий «сила» и «ответственность».

Концептуализация категорий

В условиях недостаточной экспертной проработки категорий «сила» и «ответственность» применительно к политике АСЕАН важно прояснить их базовые составляющие. В измерении «жесткой силы» как средства урегулирования межгосударственных противоречий Ассоциация традиционно выводила себя за рамки противостояния как между своими участниками, так и в отношениях с крупными субъектами политики и безопасности АТР, позиционируя себя как нейтрального игрока.

Недостаток «жесткой силы» в арсенале АСЕАН компенсируется ее «мягкой» и «умной силой»¹.

Основное содержание «мягкой силы» АСЕАН – «единство в многообразии». Имея в своем составе страны с различными экономическими потенциалами, политическими режимами, этноконфессиональным составом и культурно-цивилизационными особенностями, Ассоциация смогла предложить им консолидирующую повестку сотрудничества. Его модальность не предполагает «игры с нулевой суммой» и нацелена на поощрение такого диалога, который, с одной стороны, не оказывал бы давление на его участников, а с другой – принимал бы во внимание особенности каждого из них.

¹ Содержание понятия «умная сила» дается в трактовке, разработанной учеными ИМЭМО РАН. См.: (2014) Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. – М.: Магистр.

В этом контексте важно, что принципы сотрудничества АСЕАН с акцентом на уважение суверенитета и территориальной целостности государств созвучны нормам международного права. По мере нарастания элементов неопределенности на глобальном и азиатско-тихоокеанском уровнях именно потенциал АСЕАН будет становиться «якорем стабильности», значимость которого при сохранении нынешних тенденций будет усиливаться.

«Умная сила» АСЕАН концентрируется вокруг тематики «наращивания взаимосвязей». Начало было положено принятием в 2010 году Генерального плана АСЕАН по наращиванию взаимосвязей, который предполагает активизацию сотрудничества десяти государств по трем направлениям: инфраструктурное строительство, унификация административных процедур ведения бизнеса, активизация межчеловеческих (people-to-people) контактов¹. С тех пор в политическом лексиконе АСЕАН понятие «интеграция» стала синонимом понятия «наращивание взаимосвязей».

В своей совокупности эти мероприятия позиционируются Ассоциацией как выстраивание основы для более глубоких и разносторонних экономических обменов. По замыслу АСЕАН, впоследствии это позволит в полной мере реализовать потенциал соглашений о свободной торговле – как в рамках АСЕАН, так и Ассоциации с внешними партнерами.

Еще один элемент «умной силы» АСЕАН – опыт выработки новых идей для сотрудничества на уровне Азиатско-Тихоокеанского региона. Сейчас такое представляет собой своеобразную трехстороннюю систему, в основании которой находятся АРФ и СМО АСЕАН+8, а на вершине – Восточноазиатский саммит. Повестку заседаний этих диалоговых площадок и координацию их деятельности осуществляет Ассоциация. В перспективных планах АСЕАН – окончание переговоров о формировании РВЭП, которое может стать самой ресурсной инициативой многостороннего экономического сотрудничества в Восточной и Южной Азии.

¹ (2011) Master Plan on ASEAN Connectivity. Jakarta: ASEAN Secretariat. // http://www.asean.org/storage/images/ASEAN_RTK_2014/4_Master_Plan_on_ASEAN_Connectivity.pdf

Потенциал «мягкой» и «умной» силы АСЕАН выходит за пределы не только Юго-Восточной Азии, но и Тихоокеанской Азии и АТР. В условиях современной турбулентности мировой экономики, политики и безопасности многие элементы «мягкой» и «умной» силы этого института востребованы на глобальном уровне.

Суммируя базовые составляющие «асеановского» понимания категории «ответственность», можно представить их в следующем схематизированном виде:

- *Ответственность АСЕАН за что?* За укрепление тенденций к сотрудничеству в ЮВА, Тихоокеанской Азии и мире.
- *Ответственность АСЕАН перед кем?* Перед входящими в нее странами и перед международным сообществом.
- *Каковы уровни ответственности АСЕАН?* Коррелируя с интересами АСЕАН, уровнями ее ответственности являются субрегиональный, региональный и глобальный.

На субрегиональном уровне ответственность АСЕАН, как и ее интересы, состоит в повышении конкурентоспособности своих стран-участниц.

Одна из задач Экономического сообщества АСЕАН состоит в непрямом влиянии практик сотрудничества Ассоциации как единого целого на процессы внутренней модернизации входящих в нее стран. Фактически Ассоциация подхватила и поддерживает то, что определяло эволюцию «государства, ориентированного на развитие» (“developmental state”), после того как эта модернизационная модель начала размываться в начале – середине 1990-х годов. Эту функцию АСЕАН выполняет, создавая внешнюю среду, стимулирующую процессы внутреннего роста и развития.

Конкретные составляющие вклада АСЕАН заключаются в следующем:

- ❖ Генерация идей, определяющих развитие;
- ❖ Формирование сверхкомпетентной и сверхэффективной бюрократии;
- ❖ Мобилизация усилий государства и общества по созданию запаса прочности (прежде всего, экономического потенциала).

На уровне Тихоокеанской Азии и АТР АСЕАН видит свою ответственность в поддержании международных проблем АТР в управляемом состоянии. АСЕАН отчетливо понимает: наибольших успехов в укреплении региональной безопасности она добивалась лишь тогда, когда ей удавалось убедить партнеров по диалогу, участвующих в процессе урегулирования, в своей востребованности как единого целого для каждого из них в отдельности и их всех в совокупности. Именно таким образом стала возможной основная «история успеха» АСЕАН – решение камбоджийской проблемы, когда США и Китай фактически предоставили Ассоциации карт-бланш на свободу действий. В свою очередь, проблема Южно-Китайского моря далека от разрешения именно потому, что подобной установки у Вашингтона и Пекина нет, и она вряд ли появится. Отсюда – основания ожидать рецидивов ситуации, наблюдавшейся на Третьем совещании министров обороны АСЕАН+8, когда Ассоциация и ее партнеры не приняли совместное заявление¹.

Не позволяет АСЕАН проявить свою ответственность перед странами Тихоокеанской Азии и АТР и одновременная активизация азиатско-тихоокеанской политики множеством региональных игроков (российский «поворот на Восток», американская «перебалансирование в АТР», политика «действовать на Востоке» новой администрации Индии, китайский проект «Морской шелковый путь 21 века»).

На фоне этой активизации инструментарий АСЕАН – как на теоретическом, так и на практическом уровне – не претерпел серьезных изменений. Принципы АСЕАН остались прежними. До сих пор неизвестно, где проходит граница между мерами по укреплению доверия и превентивной дипломатией. У АСЕАН как единого целого не появилось новых институтов, у Генерального секретаря АСЕАН и Секретариата АСЕАН, как и прежде, недостаточно полномочий. Как не было, так и нет эффективного механизма урегулирования конфликтов. В своей совокупности это вызывает критические вопросы к Ассоциации со стороны ее партнеров по переговорам, подрывая

¹ См.: *Koi Kye Lee*. (2015) Joint declaration signing at Asean defence meeting scrapped. *New Straits Times Online*. 4 November. // <http://www.nst.com.my/news/2015/11/joint-declaration-signing-asean-defence-meeting-scrapped>

эффективность ее политики и ответственности перед регионом как одного из ее компонентов.

В экономическом отношении АСЕАН усматривает свою ответственность перед «большим» АТР в развитии проекта РВЭП. С точки зрения АСЕАН, именно ее усилиями будут унифицированы правовые и институциональные условия сотрудничества шестнадцати государств, а следовательно, укреплена база для наращивания торговых, инвестиционных, технологических и иных обменов в Восточной и Южной Азии, повышения темпов экономического роста и уровня жизни в расположенных там странах. В итоге, состоится тот самый «век Азии», судьба которого с реализацией проекта ТТП могла бы быть поставлена под вопрос.

На глобальном уровне АСЕАН видит свою ответственность в укреплении сотрудничества и решении ключевых угроз безопасности. В ответ на активизацию ИГИЛ Ассоциация развивает так называемое «глобальное движение умеренных». В Декларации Лангкави о Глобальном движении умеренных, принятой АСЕАН в апреле 2015 г., акцентируется важность межконфессионального диалога и обмена лучшими практиками по искоренению исламистского экстремизма. Конечная цель движения состоит в продвижении идей умеренности в ЮВА и за ее пределами¹. Тем самым именно усилиями Ассоциации создается интеллектуальный ответ пропаганде ИГИЛ, затрудняющий его адептам вербовку новых сторонников².

Экономическое измерение ответственности АСЕАН за глобальное развитие проявляется на примере ее усилий превратить ЮВА в унифицированную общность с точки зрения условий ведения бизнеса крупными транснациональными компаниями. Подчеркивается ряд потенциальных преимуществ Экономического сообщества, создаваемого усилиями АСЕАН. Открывая компанию по производству или ритейлу в одной стране ЮВА, можно расширяться на остальные.

¹ (2015) Langkawi Declaration on the Global Movement of Moderates. 28 April. // <http://www.asean.org/news/asean-statement-communicues/item/langkawi-declaration-on-the-global-movement-of-moderates>

² Подробнее см.: Канаев Е.А., Демиденко С.В. (2015) ИГИЛ в Юго-Восточной Азии в современной американской политике. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион 2014-2015 гг. Вып. XXIX. Москва. С. 33-53.

Юго-Восточная Азия представляет собой крупный транспортный хаб с развитой трансграничной инфраструктурой. В ЮВА идет формирование среднего класса: согласно имеющимся оценкам, сейчас его численность составляет порядка 190 млн. человек, а в 2020 году может возрасти до 400 млн. человек¹. Это коррелирует с оценками ведущих рейтинговых агентств, согласно которым по своему совокупному потенциалу к 2050 году 10 стран ЮВА, объединенные в АСЕАН, составят четвертую экономику мира².

Есть глобальное измерение и у проекта РВЭП. Его успешное развитие сделает возможным формирование Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) именно на его основе³. Это даст Ассоциации возможность усилить свое влияние на повестку глобального торгово-экономического сотрудничества, особенно если продолжатся пробуксовки переговоров между участниками ВТО и смещение процессов регулирования мировой торговли на уровень регионов. Помимо этого, РВЭП может оказать стимулирующее влияние на экономику Евросоюза, которая переживает не лучшие времена. Тем самым тенденции к сотрудничеству в отношениях между глобальными игроками получают импульс к развитию.

Ставя вопрос, в какой мере в приоритетах АСЕАН взаимоувязаны категории «сила» и «ответственность», приходится констатировать: пока они развиваются автономно. Можно ли их интегрировать, не только раскрыв потенциал каждого из них в отдельности, но и добившись по совокупности полученных результатов мультиплицирующего эффекта? Такой сценарий и сопутствующий ему успех не являются чем-то заведомо нереальным.

¹ Leggett R. (2014). ASEAN 2015. Seeing around the Corner in a New Asian Landscape. The Nielsen Company. // <http://www.nielsen.com/content/dam/niensenglobal/apac/docs/reports/2014/Nielsen-ASEAN2015.pdf>

² HV V., Thompson F., Tonby O. (2014) Understanding ASEAN: Seven things you need to know. McKinsey and Company. May. // <http://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/understanding-asean-seven-things-you-need-to-know>

³ См., например: Sanchita Basu Das. (2014) The Regional Comprehensive Economic Partnership: New Paradigm or Old Wine in a New Bottle? ISEAS Economic Working Paper. № 2014-3. // https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/iseas_economics_working_papers_2014_3.pdf

Задачи на перспективу

Составляющие успеха работы на этом направлении – развитие ряда внутренних и внешних направлений политики АСЕАН.

На внутреннем треке своевременными шагами являются следующие.

Подготовка нового поколения лидеров государств АСЕАН. Эти лидеры – как политические, так и общественные – должны мыслить не в пределах очередного электорального цикла, а стратегически, осознавая, что взаимозависимы не только мир, но также проблемы и возможности их разрешения. Новое поколение лидеров должно проводить сбалансированную политику создания условий для сближения стран АСЕАН, с одной стороны, и сохранения их национальной специфики – с другой.

Развитие человеческого потенциала в государствах АСЕАН. Важная и своевременная задача – предоставить простым людям больше возможностей повышать свою профессиональную подготовку и социальную активность. Это приведет к росту конкурентоспособности стран ЮВА и АСЕАН, важной составляющей которой станет способность решать проблемы именно на стадии их появления и на основе имеющихся в наличии средств.

Дальнейшее укрепление идентичности стран АСЕАН. Действуя как единое целое на основе единства и многообразия возможностей своих участников, АСЕАН усилит свое влияние на повестку регионального и глобального развития, одновременно содействуя росту конкурентоспособности своих участников.

Апгрейд наднациональных институтов АСЕАН. Основная цель – сбалансировать экономический рост и политическое развитие входящих в нее стран. В настоящее время во многих из них экономический рост рассматривается как универсальное средство развития, способное заменить проведение назревших политических реформ. Однако в реальности без политических преобразований экономический рост не будет длительным и устойчивым, а политические вопросы требуют именно политических подходов к

разрешению¹. Например, бессмысленно пытаться снижать остроту этнических проблем, усиливая экономическую «позитивную дискриминацию» национальных меньшинств.

На внешнем треке Ассоциации целесообразно активизировать мероприятия по формированию институциональной смычки АСЕАН–ШОС–ЕАЭС, о чем договорились участники Юбилейного саммита Россия – АСЕАН в Сочи в мае 2016 года². Это позволит Ассоциации интегрировать свои интересы с разработанными направлениями «мягкой» и «умной» силы, донеся до партнеров важность поддержки своего понимания ответственности перед ЮВА, АТР и миром. Определяя последствия, выделим наиболее важные:

Укрепление сотрудничества между АСЕАН, ШОС и ЕАЭС логично предполагает расширение повестки наращивания взаимосвязей до географического ареала Евразии. Результатом станет более активная координация перспективных планов АСЕАН с партнерами по диалогу, прежде всего с Китаем, Россией и Индией, в чьих приоритетах заметно увеличилось место трансграничного инфраструктурного строительства. Кумулятивный эффект этих мероприятий позволит АСЕАН не только встроиться в формирование евразийского пространства, но и активно создавать его, по крайней мере в институциональном плане. В своей совокупности это приведет к укреплению сотрудничества на субрегиональном, региональном и глобальном уровнях, что отвечает интересам Ассоциации и ее представлениям об ответственности перед международным сообществом.

Использование потенциала формата АСЕАН–ШОС–ЕАЭС логично приведет к снижению остроты проблемы Южно-Китайского моря, которая в значительной степени обусловлена противоречиями

¹ О дисбалансе между экономическим ростом и развитием политических институтов см.: *Alagappa M.* (2015) *Asia's Next Great Challenge. To Balance Growth and Political Development.* // *Global Asia.* Vol. 10. N. 3. P. 68-79.

² Сочинская Декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». // <http://russia-asean20.ru/documents/>; Доклад Группы видных деятелей Россия-АСЕАН. «Россия-АСЕАН: обращенное в будущее многоплановое стратегическое партнерство». // <http://russia-asean20.ru/documents/>

из-за свободы судоходства. Переориентация транспортно-логистических коридоров на сухопутную Евразию позволит перенаправить туда внимание глобальных экономических игроков, несколько разгрузив судоходные пути через Южно-Китайское море.

Одновременно можно ожидать укрепления продовольственной и энергетической безопасности стран Восточной и Южной Азии. Общее оздоровление обстановки в Южно-Китайском море позволит Ассоциации проводить более эффективную политику в отношении этой проблемы как на заседаниях многосторонних диалоговых площадок, так и во взаимодействии с партнерами по диалогу. Это соответствует основным компонентам «умной силы» АСЕАН и ее пониманию своей ответственности.

Формирование евразийского пространства усилиями Ассоциации как одного из ключевых игроков в связке АСЕАН–ШОС–ЕАЭС позволит ее участникам задействовать опыт АСЕАН по противодействию международному терроризму, олицетворяемому ИГИЛ. Выступая одним из ключевых субъектов евразийской политики, Ассоциация будет генерировать идеи, нацеленные на укрепление безопасности, сотрудничества и соразвития уже не в региональном, а в континентальном масштабе, особенно если Ассоциации будет делегирован статус «движущей силы» переговоров в формате АСЕАН–ШОС–ЕАЭС. С учетом опыта АСЕАН осуществления такой функции в АТР, а также созвучности ее принципов сотрудничества нормам международного права, этот шаг не выглядит чем-то заведомо нереальным.

Сотрудничество занимает важное место в приоритетах АСЕАН с точки зрения успеха проекта АСЕАН–ШОС–ЕАЭС. Основная причина – Ассоциации объективно необходим такой партнер, который разделял бы ее перспективные планы. Откликаясь на запрос на наращивание взаимосвязей на евразийском пространстве, Россия будет стремиться интегрировать в него свои дальневосточные территории с их географическим и ресурсным потенциалом. Россия и АСЕАН могут включиться в многосторонние проекты с участием Китая, осуществляя мероприятия по интеграции морской взаимосвязанности ЮВА и «Морского шелкового пути 21 века», с одной стороны, и «Экономического пояса шелкового пути» и Северного морского пути – с другой. Это тем более вероятно, что Китай и Сингапур являются наблюдателями в Арктическом совете,

причем последний может выполнить роль «мостика» между Арктическим советом и АСЕАН.

Комплементарный характер приоритетов России и АСЕАН проявляется не только в нацеленности РФ на укрепление взаимосвязанности на евразийском пространстве. Усилия АСЕАН по развитию Глобального движения умеренных напрямую коррелируют с приоритетами России по противодействию угрозе международного терроризма, что дает возможность всесторонней координации практических шагов в формате АСЕАН–ШОС–ЕАЭС. Присоединение России к РВЭП, хотя и проблематичное на современном этапе, не является чем-то заведомо нереальным, если принимать во внимание договоренность, достигнутую Россией и АСЕАН в мае 2016 года, двигаться к созданию зоны свободной торговли ЕАЭС–АСЕАН¹.

Главное же заключается в том, что связка АСЕАН–ШОС–ЕАЭС может со временем придать отношениям между АСЕАН и Россией то, чего они были до сих пор лишены, – самовоспроизводящийся характер. По мере своего развития они будут охватывать все новые сферы и направления сотрудничества, оказывая на отношения мультиплицирующий эффект и содействуя тому, чтобы возможности «мягкой» и «умной» силы АСЕАН раскрылись во всей полноте, а ее стремление быть ответственным субъектом евразийской экономики, политики и безопасности воплотилось в практику.

В целом, есть все предпосылки к тому, что Ассоциация раскроет потенциал своей «мягкой» и «умной» силы, обретя поддержку своего понимания ответственности со стороны своих партнеров, в числе которых Российская Федерация, а связка АСЕАН–ШОС–ЕАЭС является оптимальным инструментом достижения этой цели.

Выводы

Почти полвека существования АСЕАН выявили непреложный факт: Ассоциация не может быть эффективной, если жизнь не ставит

¹ Сочинская Декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». // <http://russia-asean20.ru/documents/>

перед ней сверхзадачу, требующую мобилизации ее потенциала. На современном этапе такой сверхзадачей и одновременно стратегическим выбором АСЕАН стала консолидация своих позиций в ЮВА и АТР и усиление влияния на процессы глобального развития. Это требует от Ассоциации поиска новых ресурсов, необходимых для достижения поставленных целей.

Констатируя, что таким ресурсом может стать использование потенциала категорий «сила» и «ответственность», отметим объективный запрос на него, связанный, в том числе, с тем, что прежние ресурсы уже исчерпаны или показали свою невысокую эффективность. Главная же причина состоит в том, что Ассоциация вступила в период качественного обновления и консолидации сил в подготовке к новому рывку. Плацдармом для него станет развитие формата сотрудничества АСЕАН–ШОС–ЕАЭС, а одним из ключевых инструментов – сотрудничество АСЕАН с Россией.

Важным фактором его успеха станет экспертная проработка тех аспектов политики АСЕАН, потенциальная отдача от которых на нынешнем этапе может представляться не вполне очевидной. Тем актуальнее и значимее прилагать усилия в режиме упреждения развития событий. Российское экспертное сообщество может сыграть в этом процессе одну из центральных ролей.

VI. Новые многосторонние региональные интеграционные платформы: поиск подходов к коллективному лидерству

АТЭС: вид через призму соотношения силы и ответственности

Региональное экономическое сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе долгое время отставало от аналогичных процессов в других частях света. Ситуация изменилась на рубеже столетий, когда наметилась тенденция к усилению регионализации. Последнее выразилось, в частности, в том, что от сплошной либерализации внешнеэкономической политики в рамках ВТО государства региона перешли к выборочной, делая упор на укрепление внутрирегиональных связей и двусторонние преференциальные соглашения о торговле и услугах. В результате в общей структуре внешних связей развивающихся стран региона снижается удельный вес вертикальных торгово-экономических связей (с развитыми государствами) и повышается доля горизонтальных – между самими развивающимися государствами.

С конца XX в. самым масштабным межрегиональным (транстихоокеанским) многосторонним интеграционным проектом стала концепция «азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли», разрабатываемая в рамках форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС).

Форум АТЭС был образован в ноябре 1989 года по инициативе Австралии на встрече министров 12 стран региона в Канберре. Вслед за этим ежегодно созывались совещания министров иностранных дел и торговли, а с 1993 года – также неформальные саммиты глав государств и правительств стран (территорий), входящих в АТЭС: в Сиэтле (1993 г.), Богоре (1994 г.), Осаке (1995 г.), Маниле (1996 г.), Ванкувере (1997 г.), Куала-Лумпуре (1998 г.), Окленде (1999 г.), Бандар-Сери-Бегаване (2000 г.), Шанхае (2001 г.), Лос-Кабосе (2002 г.), Бангкоке (2003 г.), Сантьяго (2004 г.), Пусане (2005 г.), Ханое (2006 г.), Сиднее (2007 г.), Лиме (2008 г.), Сингапуре (2009 г.), Йокогаме (2010 г.), Гонолулу (2011 г.). В 2012 г. саммит АТЭС впервые прошёл в России, во Владивостоке. В последующие годы саммит АТЭС

проходил на о. Бали (2013 г.), в Пекине (2014 г.), Маниле (2015 г.) и Лиме (2016 г.).

В настоящее время в АТЭС входит 21 страна (экономика): Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Канада, Китай, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа–Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Чили, Япония, а также на правах территории – Гонконг и Тайвань. На долю входящих в форум АТЭС экономик приходится более половины мирового ВВП, почти половина мирового товарооборота и свыше трети общего объема прямых иностранных инвестиций.

Активным проводником идеи формирования азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли выступает Деловой консультативный совет (ДКС) АТЭС. Данную инициативу в начале 2000-х годов с большим энтузиазмом поддержали США и другие развитые экономики. Особенно важной она оказалась в условиях многолетней пробуксовки дохийского раунда торговых переговоров ВТО.

На втором саммите АТЭС в Богоре (Индонезия) в 1994 г. была принята Декларация об общей решимости экономических лидеров АТЭС, которая определила в качестве долгосрочной цели формирование к 2010 году для развитых и к 2020 году – для развивающихся экономик пространства свободной и открытой торговли и инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Принципы, заложенные в Богорской декларации АТЭС и изначально являвшиеся весьма амбициозными, оказали весьма позитивное влияние на экономики стран региона, которые сегодня стали более свободными и открытыми. Более того, ряд субрегиональных соглашений о свободной торговле, действующих ныне в регионе АТЭС, просто не состоялся бы без запуска соответствующего механизма регионального сотрудничества.

Тема региональной экономической интеграции стала одной из ключевых в АТЭС. Предполагается, что зона свободной торговли и инвестиций в рамках АТЭС будет охватывать торговлю товарами, услугами и инвестициями и будет способствовать реализации целей Богорской декларации АТЭС и преодолению возможных негативных последствий для многосторонней торговой системы распространения двусторонних и многосторонних субрегиональных торговых

соглашений. Зона свободной торговли и инвестиций, как считали инициаторы ее создания в ДКС, представляла бы собой максимально высокую степень торгово-экономической интеграции в регионе и явилась бы хорошим вариантом консолидации существующих субрегиональных соглашений, вызывающих дополнительные расходы для бизнеса и создающих административные барьеры.

При этом признано, что реализации концепции азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) препятствуют зачастую противоположные позиции стран-членов форума, широкий и разнородный состав его участников. Признавая сложность в нынешних условиях достижения чисто торгового соглашения, было предложено двигаться к соглашению комплексного характера («интеграции национальных рынков»), включающего согласование национальных механизмов регулирования, гармонизацию стандартов, инвестиционные потоки, торговлю услугами и т.д. Подчеркивалась также важность обеспечения сбалансированного экономического роста и устойчивое развитие. В целом же идея создания зоны свободной торговли в АТР выглядит заманчивой целью в деле обеспечения либерализации торговли и инвестиций в регионе. Однако для обеспечения всесторонней поддержки требуется ее более глубокая проработка с активным участием правительств, делового и научного сообщества всех заинтересованных стран.

Быстрое распространение субрегиональных соглашений усложняет торговый режим и многосторонние согласования обязательств. В этом контексте идея создания азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли, которая служила бы делу реализации целей Богорской декларации АТЭС, выглядит достаточно выигрышной. Конечно, такая зона по сути является региональной (неглобальной). Вместе с тем она мыслится своими сторонниками не как замкнутое протекционистское образование, а как структура «открытого регионализма», способная в перспективе расширяться до глобальных масштабов.

Форум АТЭС является абсолютно новой формой экономического сотрудничества в области либерализации торговли и инвестиций на международном и региональном уровнях. Он имеет черты интеграционного объединения и одновременно выполняет функции своеобразного дискуссионного клуба, так как создан на основе механизма консультаций и принципов открытого регионализма,

недискриминации, выработки принципов «ВТО-плюс»¹ при соответствии действующим нормам ВТО, транспарентности, консенсуса при принятии решений, взаимного уважения и равенства. В последнее время АТЭС фактически превратился в механизм добровольной выработки региональных правил ведения торговли и инвестиционной деятельности.

АТЭС занимается облегчением условий торговли, в его рамках не проводятся международные торговые переговоры. Тем не менее, одной из важнейших своих задач форум считает обсуждение проблем и проведение взаимно согласованных, однако не связанных (т.е. фактически добровольных) мер по либерализации торговли и инвестиций. При этом АТЭС декларирует строгую приверженность реализации решений многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО.

Одновременно в рамках АТЭС ведется экономическое и научно-техническое сотрудничество, включающее в себя использование и развитие человеческого потенциала, промышленные технологии, малое и среднее предпринимательство, экономическую инфраструктуру, энергетику, транспорт, телекоммуникации, информационный обмен, туризм, рыболовство и консервацию морских ресурсов, сельскохозяйственные технологии и пр. Большой вклад форум АТЭС вносит и в облегчение торговли и инвестиций, упрощение различных бюрократических, таможенных и прочих трансграничных процедур.

Средняя доля внутрирегиональной (в рамках АТЭС) торговли в товарообороте стран-участниц оставляет около двух третей и превышает аналогичные показатели для ЕС, НАФТА, АСЕАН. Вместе с тем это не свидетельствует о более высоком уровне интеграции в зоне АТЭС – необходимо учитывать, что ее составляющие разбросаны по нескольким континентам, и интенсивность экономических связей между отдельными странами АТЭС сильно различается: у одних, с одного континента, - очень тесные, у других – минимальные. Самый низкий показатель у Перу и Чили (немногим более половины), и совсем отстает Россия – около 20%.

¹ Принцип «ВТО-плюс» означает принятие странами обязательств, выходящих за пределы содержания соглашений ВТО.

Азиатским странам-членам АТЭС форум видится если не альтернативой, то, по крайней мере, весьма удачным дополнением и противовесом ВТО. Китай и большинство стран АСЕАН привлекает ориентированность АТЭС на азиатский регион и меньшее (по сравнению с ВТО) доминирование в нем развитых стран. Другим преимуществом форума служит и более «справедливый» торгово-экономический режим. Он характеризуется более либеральным отношением к промышленной политике и уровню допустимого протекционизма в отдельных стратегически важных для развивающихся стран отраслях. Для АСЕАН и КНР особо важным представляется сохранение и развитие фирменного «атэсовского» подхода с его опорой на согласие, добровольность, гибкость, компромисс и т.п.

Основными инструментами достижения стратегической цели АТЭС – формирования пространства свободной и открытой торговли и инвестиций – стали индивидуальные и коллективные планы действий экономик-участниц форума. Каждая страна-участница ежегодно обновляет свой индивидуальный план действий, самостоятельно определяя темпы и порядок проводимой либерализации с учетом состояния национальной экономики. Кроме того, индивидуальные планы служат источником информации о развитии экономик стран АТЭС и о состоянии их внешнеэкономического регулирования.

Необычным было то, что обязательства по либерализации торговли в АТЭС предполагалось брать не на основе взаимного обмена тарифными преференциями, как это имеет место в ВТО. Вместо такого подхода в рамках общей цели достижения режима свободной торговли каждый участник АТЭС добровольно определял свое движение по пути либерализации, отражая его в индивидуальных планах действий. Однако такая «согласованная односторонность» или «самостоятельно и в унисон провозглашенная либерализация», юридически не подкрепленная соответствующим договором, поставила под вопрос эффективность и действенность уникального подхода АТЭС к либерализации торговли и инвестиций в глобальном и региональном масштабах.

Согласование позиций стран по вопросу либерализации торговли и инвестиций (АТЭС действует на основе консенсуса) протекает непросто. Экономически более развитые страны (США, Канада, Австралия и др.) ратуют за радикальные неотложные

конкретные меры по устранению разного рода торговых и инвестиционных барьеров, за преобразование форума в замкнутую организацию с жесткой структурой, наподобие Европейского Союза.

До сих пор в рамках АТЭС так и не был выработан единый сценарий либерализации взаимной торговли товарами, услугами и движения инвестиций на среднесрочную и долгосрочную перспективы. Эта работа ведется участвующими в форуме экономиками индивидуально, исходя, прежде всего, из национальных приоритетов, а в рамках самого Форума – через его рабочие органы. Менее развитые страны, входящие в АСЕАН, а также Китай, выступают за поэтапную, постепенную эволюцию АТЭС в механизм гармонизации экономической жизни в регионе, служащий развитию внутрирегиональной торговли, инвестированию и обмену технологиями. Быстрая же либерализация при неравных стартовых позициях, по их мнению, будет выгодна лишь промышленно развитым странам.

Задача формирования самой крупной в мире зоны свободной торговли и инвестиций отличается чрезвычайной сложностью и большими противоречиями. К числу главных препятствий можно отнести:

- огромную дифференциацию экономик-участниц в экономическом, политическом и социально-культурном развитии (в частности, среднедушевые доходы в США и Японии составляют более 36-40 тыс. долл. США, в то время как во Вьетнаме и Папуа–Новая Гвинея – 490-690 долл.);

- отсутствие взаимных обязательств, понуждающих экономики выполнять принятые решения;

- наличие нескольких субрегиональных группировок в рамках АТЭС (АСЕАН, НАФТА, «АСЕАН+3»), а также многочисленных двусторонних и многосторонних зон свободной торговли.

Влияние зон свободной торговли на судьбу интеграции в АТЭС носит двойственный характер. С одной стороны, они нацелены на взаимную либерализацию, что, несомненно, является плюсом для АТЭС. С другой стороны, многое зависит от готовности экономик-участниц группировок распространить беспопытный режим на всех участников АТЭС.

Эволюция интеграционных процессов в регионе АТЭС позволяет говорить о постепенном формировании зоны свободной торговли с элементами общего рынка. Иными словами, на данном этапе в АТЭС реализуется лишь первый этап региональной экономической интеграции (по классической классификации одного из основоположников теории интеграции американского экономиста Б. Балаши), при которой отменяются таможенные тарифы и количественные ограничения на взаимную торговлю.

Вместе с тем предпринимаются шаги по устранению препятствий для свободного перемещения между странами-участницами соглашения всех факторов производства (товаров, услуг, капитала, рабочей силы), что свидетельствует о введении элементов общего рынка (третьей стадии интеграции). Ход развития интеграционных процессов наглядно показывает многообразие моделей интеграции и модификацию классической схемы на примере региона АТЭС. Формирование подходов к созданию азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли идет медленно, нескоординировано, зависит от позиции ведущих стран региона (США, Японии, Китая), от хода формирования системы двусторонних, субрегиональных соглашений.

К началу второго десятилетия нынешнего столетия стало ясно, что темпы экономической либерализации в регионе не позволяют реализовать цели и задачи Богорской декларации в полной мере и в назначенные сроки (2010 г. для развитых стран и 2020 г. для развивающихся государств). Этому, безусловно, препятствуют объективные факторы: борьба с последствиями мировых кризисов, задачи поддержания национальной безопасности и борьбы с международным терроризмом, усложнение многосторонних переговоров ВТО в связи с расширением сферы её деятельности, усиление протекционизма в международных экономических отношениях и т.д. Сроки и объем обязательств стран АТЭС по выполнению «богорских целей» форума, конечно, будут скорректированы. В ближайшие годы форуму предстоит предпринять необходимые практические шаги по повышению своей эффективности, сохраняя баланс между добровольностью принятия обязательств и обязательным, желательно синхронным их выполнением.

Нынешнее состояние форума АТЭС позволяет говорить о нем как о сложившемся механизме добровольной выработки региональных

правил ведения международной торговли и инвестиционной деятельности. В рамках АТЭС страны-участницы, используя отдельные элементы общего рынка, заключают интеграционные соглашения по либерализации широких сфер экономической жизни: торговли товарами, услугами, движения капиталов, гармонизации хозяйственного регулирования и др.

Перспективы АТЭС мы оцениваем со сдержанным оптимизмом. В нынешних условиях форум призван служить инструментом преодоления (снятия) потенциальных противоречий, сглаживания дисбалансов между «национальным» и «интернациональным», между интересами развитых и развивающихся экономик.

На какой же основе эффективнее всего должен работать инструмент АТЭС? Существующий механизм принятия решений консенсусом обеспечивает общее согласие, компромисс, но сдерживает темп интеграционных процессов, делает их фрагментарными, разноскоростными. Наш прогноз состоит в том, что форум АТЭС сохранит действующий механизм принятия решений.

Эволюция форума АТЭС позволяет говорить о том, что он останется ведущей региональной площадкой для обсуждения процесса интеграции в целях формирования в тихоокеанском регионе пространства свободной торговли и инвестиций. Как представляется, АТЭС будет пытаться решить задачу консолидации действующих двусторонних и субрегиональных соглашений о свободной торговле, двигаясь к соглашению комплексного характера по интеграции национальных рынков, включающего в себя координацию и унификацию национальных механизмов регулирования, гармонизацию стандартов, стимулирование инвестиционных потоков, торговли товарами и услугами и т.д.

АТЭС уже фактически превратился в механизм добровольной выработки региональных правил ведения торговли и инвестиционной деятельности. Кстати, это вполне соответствует преобладающей мировой практике интеграции, когда вместо жестких форм, включающих наднациональное регулирование (например, в форме таможенных союзов), страны-участницы, используя отдельные элементы общего рынка, заключают интеграционные соглашения по либерализации различных сфер экономической жизни (торговли товарами, услугами, движения капиталов, хозяйственного

регулирования и др.). Практика последних лет показывает, что интеграция в сфере инвестиционных связей реализуется быстрее «торговой» интеграции.

Формирование полноценной зоны свободной торговли АТЭС, равно как и таможенного союза, представляется нам проблематичной. Вопросы секторальной либерализации торговли товарами тарифными средствами еще в конце 90-х годов XX в были переданы в ВТО. Пробуксовка торговых переговоров в рамках ВТО дала толчок инициативам по субрегиональным соглашениям о свободной торговле. При этом быстрое распространение субрегиональных соглашений усложняет региональный торговый режим взаимоотношений стран и многосторонние согласования их обязательств.

По нашим прогнозам, в среднесрочной перспективе, возможно в третьем десятилетии XXI в., пространство свободной торговли и инвестиций в регионе АТЭС будет сформировано. Его модель будет отражать специфику региона. Взаимодействие стран-членов АТЭС и координация их политики будут носить гибкий, прагматичный, а главное – добровольный консенсусный характер (по «асановским» правилам). Наиболее вероятным представляется заключение в той или иной форме комплексного соглашения по созданию пространства свободной торговли и инвестиций на основе субрегиональных, двусторонних соглашений.

Отметим в этой связи полезность существования на нынешнем этапе различных интеграционных моделей (форматов) в Тихоокеанской Азии. Некоторые модели (двусторонние соглашения о свободной торговле, Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, ТТП) определенно стимулируют ход многосторонних переговоров в рамках АТЭС. Можно сказать, присутствует их взаимодополняемость в условиях здоровой конкуренции. Такая конкуренция, в частности, между АТЭС и ТТП, как представляется, не носит дестабилизирующего характера.

Не стоит ожидать и политического или экономического раскола в регионе. Американоцентричная по своему характеру ТТП, по нашему мнению, не будет единственной основой будущей системы свободной торговли и инвестиций АТЭС, а станет лишь одним из ее «строительных блоков» наряду с, например, проектом Регионального

всестороннего экономического партнерства, формирующимся вокруг АСЕАН и ее основных азиатских партнеров, прежде всего КНР.

* * *

Каков же нынешний «силовой» потенциал форума АТЭС?

Разумеется, если рассматривать АТЭС как сумму входящих в него национальных экономик, то их совокупный экономический и стратегический потенциал будет доминирующим в современном мире, охватывая практически все развитые страны, кроме европейского региона.

Если же рассматривать форум АТЭС в качестве интеграционного объединения, то, исходя из достигнутого в его рамках уровня интеграции, существующего механизма принятия решений в АТЭС и их влияния на экономику азиатско-тихоокеанского региона, следует оценить экономическую, и тем более стратегическую силу АТЭС (в качестве институциональной единицы) как слабую (третий уровень по нашей классификации).

Пока форум АТЭС, объединяя мощные по силе национальные экономики, не дает мультипликационного эффекта прироста совокупной силы за счет фактора интеграции. Более того, совокупная сила форума АТЭС, скорее, уступает «сумме сил» национальных экономик. Иными словами, развитые государства форума обладают большей силой и большим влиянием на мировые экономические и политические процессы, чем форум АТЭС как таковой – сегодняшний, пока не сложившийся в единый мощный силовой потенциал.

При этом существующий механизм принятия решений в АТЭС (добровольный консенсус) и жёсткое отстаивание странами своих национальных интересов позволяют сделать вывод о высоком уровне ответственности форума АТЭС как перед экономиками своих стран, их гражданами, так и перед регионом в целом. Решения форума направлены на активизацию и углубление технико-экономического сотрудничества, поиск путей сглаживания кризисных явлений в экономике региона. В отличие от результатов деятельности жестких интеграционных группировок с иной процедурой принятия и исполнения решений, они не меняют направление и интенсивность торгово-инвестиционных потоков, влияющих на состояние мирохозяйственных связей и экономик отдельных стран.

Наш вывод состоит в том, что сегодняшний форум АТЭС обладает скромным «силовым» потенциалом и высоким уровнем ответственности, и является одним из международных инструментов «мягкой силы». Интеграционные достижения АТЭС скромны и пока не могут претендовать на «умную силу».

В качестве инструмента «мягкой силы» АТЭС в ближайшее десятилетие будет пытаться решить задачу консолидации множества действующих двусторонних и субрегиональных соглашений о свободной торговле, двигаясь к соглашению комплексного характера.

Формирование полноценной зоны свободной торговли АТЭС, равно как и таможенного союза, представляется маловероятной. В среднесрочной перспективе (в третьем десятилетии XXI в.) пространство свободной торговли и инвестиций в регионе АТЭС, однако, может быть сформировано. Его модель будет отражать специфику региона. Взаимодействие стран-членов АТЭС и координация их политики в рамках форума будут носить гибкий, прагматичный, консенсусный («несиловой») и ответственный характер.

Транстихоокеанское партнерство как попытка переструктурирования интеграционных процессов в АТР.

Среди новых межрегиональных многосторонних интеграционных проектов следует выделить так называемое Транстихоокеанское партнерство. Оно является соглашением о свободной торговле, которое в 2005 г. под названием Соглашения о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (Pacific-4, P-4) заключили между собой Бруней, Новая Зеландия, Сингапур и Чили, поставившие цель ликвидации к 2015 г. между собой всех торговых и неторговых ограничений.

Начиная с 2010 г. начались активные переговоры о заключении Соглашения о транстихоокеанском партнерстве (ТПП) с участием 12 государств: Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили и Японии (число их постепенно увеличивалось). На долю перечисленных 12 стран приходится более трети мирового ВВП и около четверти мирового товарооборота.

Сегодня Транстихоокеанское партнерство находится в стадии формирования: соглашение было подписано 12 государствами в феврале 2016 г. и передано на ратификацию в парламенты стран, где это требуется по закону, в частности, в США и Японии.

Данное соглашение разрабатывалось при ведущей роли США и предусматривает ликвидацию таможенных тарифов на все виды товаров и услуг, всестороннюю глубокую либерализацию инвестиционного режима, обеспечение равных условий конкуренции, жесткие стандарты охраны интеллектуальной собственности, окружающей среды, фитосанитарных норм, трудовых отношений, правил проведения государственных закупок, регулирования финансовых услуг, унификацию правил определения страны происхождения товаров и т.д. Возможны, правда, временные и переходные защитные меры. К примеру, такие меры предусмотрены для Вьетнама и Малайзии – по трудовым стандартам, интеллектуальной собственности, государственным закупкам.

Общей целью участников переговоров по ТТП служило расширение рынков сбыта товаров и капиталов посредством снятия ограничений и введения транспарентных норм регулирования. Для развивающихся стран важна еще и адаптация к процессам глобализации, глобальной конкуренции. Как представляется, схема ТТП соответствует стадии интеграции «зона свободной торговли-плюс» (либерализация торговли товарами, услугами, движения факторов производства) и имеет черты общего рынка. Создание таможенного, экономического, валютного союзов, наднациональных органов регулирования в рамках ТТП не предусматривается. В этом его отличие от интеграции по типу Европейского Союза.

По сути, ТТП представляет собой новый, продвинутый вид многосторонних интеграционных соглашений, отвечающий интересам крупного транснационального бизнеса. Качественным отличием ТТП от других форм соглашений о свободной торговле является существенная либерализация нетарифных ограничений, укрепление режима защиты прав иностранных контрагентов, введение особой практики судебного разрешения споров между правительствами и транснациональными компаниями.

США в этом процессе играют роль локомотива, ядра интеграции, к которому тянутся их традиционные партнеры и другие,

менее развитые страны. Объективными факторами сближения служат теснота экономических связей, взаимозависимость, взаимодополняемость факторов производства, доминирующие позиции американского капитала на азиатско-тихоокеанском рынке. Безусловно, активности в создании ТТП способствуют геополитические интересы США в виде укрепления позиций в тихоокеанском регионе, прежде всего в ответ на растущее влияние Китая.

В последние годы наблюдалось относительное снижение значения американского рынка для основных азиатских экспортеров, за исключением КНР. В роли основного рынка сбыта азиатских товаров теперь выступает сам Китай. Отсюда понятна привлекательность ТТП для большинства азиатских стран, в частности, заключающаяся в том, чтобы сдержать растущую экономическую зависимость от Китая, получить надежный доступ на американский рынок. США в этом также заинтересованы: с удорожанием рабочей силы в КНР продукция стран АСЕАН успешно конкурирует с китайской на американском рынке. Отходят на второй план факторы географической близости интегрирующихся стран (в условиях наличия налаженных логистических каналов) и их культурного сходства, хотя последний, безусловно, способствует более активной интеграции.

Исходя из этих приоритетов, а также с учетом доминирующей роли США в переговорном процессе, неудивительно отсутствие в нем ряда крупных восточноазиатских экономик – прежде всего Китая, а также Республики Корея, Индонезии, Таиланда. Эти страны пока не уверены в экономической выгоде своего участия в ТТП, не готовы полностью открывать свой рынок, ограничивать роль национального регулирования экономики на условиях «ВТО-плюс» или даже глубже.

Этим странам свойственен относительно высокий уровень тарифной защиты многих отраслей промышленности и сельского хозяйства. Для Республики Корея, в частности, приоритетными являются сельское хозяйство и автомобильная промышленность. Для Китая, к примеру, чувствительными являются вопросы, не относящиеся к традиционной торговле товарами: трудовые стандарты, электронная торговля, условия работы государственных предприятий на внутреннем рынке.

Впрочем, те же факторы имеют значение и для стран, уже присоединившихся к соглашению о ТТП. В качестве наглядного примера упомянем открытие сельскохозяйственного рынка для Японии. Преследуя интересы расширения доступа на американский рынок, Япония пошла на уступки, согласившись ослабить тарифную защиту своего сельского хозяйства. В процессе ратификации Соглашения, однако, возникли острые дискуссии и требования корректировки взятых обязательств.

Осложняет процесс вступления в силу соглашения о ТТП предусматриваемый жесткий механизм обязательного исполнения решений, принимаемых большинством участников, с учетом реального веса экономик. Непросто, если вообще возможно, определить «вес» участников в принятии решений, как и порядок его пересмотра по мере изменения экономического потенциала стран. Практически трудно обеспечить при таком механизме функционирования учет интересов всех стран-участниц, больших и малых, развитых и развивающихся.

С присоединением большого количества стран к переговорам по ТТП (что всегда осложняет переговорный процесс) не стоит ожидать быстрого завершения ратификационных процедур и вступления в силу данного соглашения. Во многом затрудняют процесс т.н. неторговые вопросы: экологические и трудовые стандарты, конкуренция, госпредприятия и т.п. Не исключено, что еще будут уточнены отдельные параметры открытия рынков, временных защитных мер и т.п. В качестве примеров приведем необходимость открытия рынков сельскохозяйственной продукции Японии и автомобильной отрасли США, болезненное для азиатских стран введение экологических и трудовых стандартов, ограничение сфер государственного регулирования, проведения госзакупок и т.п.

Дальнейшее продвижение ТТП по стадиям интеграции (экономический, валютный союз...) маловероятно. Да и распространение ТТП вширь (по составу участников) на весь регион АТЭС также выглядит на сегодняшний день нереальным, прежде всего из-за отсутствия в переговорном процессе Китая. Кстати, и КНР, и США до сих пор не входят вместе ни в одно региональное соглашение о свободной торговле.

При этом, по нашему мнению, потенциал ТТП вполне может быть использован как «строительный блок» в процессе формирования

системы (пространства) свободной открытой торговли и инвестиций в регионе АТЭС. В частности, договорённости стран в рамках ТТП могут быть заложены в будущем в соответствующее соглашение о свободной торговле и инвестициях в рамках АТЭС.

* * *

Оценивая «силовой» потенциал ТТП как интеграционной группировки и ее уровень ответственности, подчеркнем предварительный прогнозный характер наших выводов. ТТП только формируется, и наши оценки имеют значение лишь в случае вступления в силу Соглашения в его нынешнем виде и приведенном составе участников.

Исходя из этого, а также с учетом предусматриваемого жёсткого механизма принятия решений (большинством, с учетом реального веса экономик) и обязательного их исполнения (в частности, при разрешении споров через суд), можно оценить потенциальную экономическую и стратегическую силу ТТП как будущей институциональной единицы как высокую (первый-второй уровень по нашей классификации). В случае реализации Соглашения о ТТП можно ожидать мультипликационный эффект прироста совокупной силы за счет фактора интеграции, когда влияние и потенциал силы ТТП будет превосходить «сумму сил» входящих в него государств, меняя направление и интенсивность межрегиональных торгово-инвестиционных потоков

Уровень же ответственности ТТП как будущего института будет определяться содержанием принимаемых им решений на основе позиций ведущих стран Соглашения, прежде всего США. Давать оценку ответственности ТТП до вступления в силу Соглашения и начала его деятельности представляется преждевременным. Пока лишь можно отметить, что уровень ответственности ТТП будет тесно связан с уровнем ответственности США как его главного «интегратора».

VII. Вместо заключения. Выводы

Основные выводы нашего исследования можно свести к следующим тезисам.

На фоне возрастающего интереса мировых лидеров к тихоокеанскому региону, и прежде всего к Тихоокеанской Азии, здесь наблюдается дефицит ответственности.

Главной причиной этого представляется отсутствие единого или хотя бы схожего понимания моральных аспектов внешней политики, отсутствие единых или о меньшей мере совпадающих ценностных ориентиров.

Действия региональных лидеров – США, Китая, Японии – воспринимаются другими странами, в том числе и самими лидерами, не так, как они рассчитывают. Позитивные намерения в интерпретации одних игроков трактуются другими как угроза национальной и региональной безопасности. Противоречия между поступком и реакцией на него не исчезают, а зачастую и нарастают (проблемы ПРО ТВД на Корейском полуострове, китайская и американская активность в Южно-Китайском море).

Особняком стоит ядерная проблема Северной Кореи. Здесь речь идет о безответственном поведении Пхеньяна, создающем угрозы безопасности на Корейском полуострове.

Все ключевые проблемы безопасности АТР (ядерный статус КНДР, территориальные споры, тайваньский вопрос, терроризм, нетрадиционные угрозы и т.д.) требуют ответственных шагов региональных игроков на основе общего понимания того, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно. Но в среднесрочной перспективе **сохраняющиеся расхождения в понимании ценностных ориентиров делают такое требование нереализуемым.**

России в среднесрочной перспективе предстоит работать в АТР в сложных условиях, характеризующихся:

- отсутствием баланса силы и ответственности,
- отсутствием единой ценностной базы для согласованного или единообразного понимания ответственности,

- нарастающими дисбалансами в понимании ответственности по векторам США–Китай, Китай–АСЕАН, Китай–Япония и т.д.

Позитивным в перспективе моментом представляется то, что в АТР вырисовываются (за исключением вопроса о ядерном статусе Северной Кореи) **пределы роста различий** в понимании ответственности ключевых игроков за региональную безопасность – ответственности, основанной на усилении экономической взаимозависимости, общей озабоченности борьбой с ядерным распространением, терроризмом и т.д.

Отсюда, как часто бывает, **две новости: одна хорошая, одна плохая**. Плохая состоит в том, что отстаиваемая в России идея о «неделимой безопасности в АТР» не имеет шансов на реализацию – именно потому, что ее реализация требует скоординированного понимания ответственности, а ценностной основы для этого, как мы неоднократно подчеркивали выше, нет, и в среднесрочной перспективе она вряд ли появится.

Но есть и хорошая новость: на наш взгляд, все же существует шанс на сокращение разрывов в понимании ответственности ключевыми игроками региона на базе общих экономических интересов и политических озабоченностей. А значит, существует и шанс на разработку и реализацию более реалистичной, в нашем понимании, стратегии безопасности – в формулировке **«безопасность через ответственность»** вместо «безопасности через доминирование», в рамках которой последнее обеспечивается более высоким местом в региональной иерархии силы.

Базовыми составляющими такой концепции могли бы стать:

В области политики – активизация многостороннего диалога в СВА в формате пятерки (Россия, США, Китай, Япония, Южная Корея), стратегически нацеленного как на создание пространства безопасности вокруг главной ядерной угрозы региона – Северной Кореи, так и на решение других региональных вопросов. Например, нахождения взаимоприемлемых военно-политических балансов в отношениях России и Китая, с одной стороны, и альянсов США с Японией и Южной Кореей, с другой. Или на поиск скоординированного общего подхода к разрешению территориальных споров в Японском и Южно-Китайском морях. Другой пример – борьба с терроризмом, активность

которого в АТР будет возрастать на фоне интенсификации борьбы с Аль-Каидой и ИГИЛ в традиционных зонах активности террористов.

В области *экономики* – это поиск Россией рационального темпа и перспективных вариантов подключения к региональным интеграционным форматам, прежде всего, к интеграции в Северо-Восточной Азии и, возможно, к Транстихоокеанскому партнерству.

В *сфере межличностного общения* – взаимное упрощение странами процедур пересечения границы, выход на безвизовые режимы в отношениях между странами АТР и т.п.

С нашего исследовательского угла зрения, особое значение имеет *интеллектуальный диалог экспертных элит стран АТР*. Перед существующими здесь ведущими мировыми и региональными исследовательскими и аналитическими центрами (*think tanks*) встают новые задачи – сокращение различий в трактовке понятия ответственности, поиск консенсуса в понимании и формулировании базовых ценностных ориентиров.

И здесь мы перекидываем «мостик» к нашим следующим исследованиям. Сначала – по отдельным проблемам региона (АСЕАН, которому скоро исполняется 50 лет, Северная Корея, перспективы Транстихоокеанского партнерства и т.д.). А затем, проанализировав регион через призму взаимозависимости и взаимовлияния существующих и прогнозируемых нами трендов развития, мы попытаемся свести результаты научного поиска воедино и предложить целостную концепцию **«безопасности через ответственность»**.

Научное издание

Транстихоокеанская безопасность:
иерархия силы и ответственности

Ответственные редакторы:
Михеев Василий Васильевич,
Швыдко Виталий Григорьевич

Коллективная монография

ISBN 978-5-9535-0484-3



9 785953 504843

Подписано в печать 20.12.2016.
Формат 170×240. Печать офсетная.
Объем 16,25 п.л., 6,4 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 49/2016

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23